

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кравченко Иван Витальевич

Генуэзская республика и формирование Крымского ханства (1419–1475)

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
Академик РАН, доктор исторических наук,
профессор
Карпов Сергей Павлович

Москва - 2024 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Источники и историография исследования.....	13
§1. Источники.....	13
§2. История изучения генуэзского присутствия в Северном Причерноморье17	
1. Отечественная историография.....	18
2. Зарубежная историография.....	32
§3. История изучения раннего периода существования Крымского ханства40	
1. Отечественная историография.....	40
2. Зарубежная историография.....	49
Глава 2: Генуэзцы в Крыму и Золотая Орда до 1419 г.....	55
§1. Появление генуэзских торговых факторий на территории Золотой Орды55	
§2. Каффа в период междоусобных войн второй половины XIV в. в Золотой Орде.....	61
Глава 3: Крымский улус и Каффа в 1419–1441 гг.	73
§1. Крымский улус в 1420-1430-е годы.....	73
§2. Каффа и Крым в 1420-х-1430-х годах.....	85
Глава 4: Крым и Каффа в 1441–1466 гг.	101
§1. Обстоятельства прихода к власти Хаджи Гирея.....	101
§2. Крымское ханство в международной жизни Восточной Европы в 1440-х – нач. 1460-х гг.	104
§3. Каффа в период правления в Крыму Хаджи Гирея.....	124
Глава 5: Крым и Каффа в 1466-1475 гг.	138
§1. Междоусобица 1466-1469 гг. в Крымском ханстве.....	138
§2. Правление Менгли Гирея 1468-1475 гг.	152
§3. Обстоятельства падения Каффы.....	159
Заключение.....	168
Список сокращений.....	177
Список источников и литературы.....	178
Источники.....	178
Литература.....	181
Приложение.....	196

Введение

Актуальность темы исследования. В середине XIV в. Золотая Орда вошла в длительный период междоусобных войн, который привел к началу процесса дезинтеграции этого государства и обособлению от него ряда независимых ханств: Крымского, Казанского, Астраханского, Сибирского и др.

Крымский улус Орды встал на этот путь одним из первых, уже с 20-х гг. XV в. Немаловажной особенностью Крыма было его куда более тесное соседство с латинским, греческим и славянским мирами, что, несомненно, внесло свой вклад в процесс формирования ханства.

В этом перечне особое место занимают генуэзцы – единственные латиняне, обзаведшиеся значительными земельными владениями на территории Золотой Орды и установившие наиболее тесные отношения с ордынцами. Генуэзцы Каффы, движимые своими коммерческими интересами, принимали активное участие в крымской, а иногда и ордынской, политике. Географическое расположение Каффы всего в 20 км от первой столицы Крыма – Солхата (современный г. Старый Крым), предоставляло им значительные возможности для такого влияния.

Источники генуэзского происхождения наиболее подробно и точно отражают крымскую политику того периода, существенно дополняя сведения иного происхождения. Имена многих татарских аристократов, сановников и даже некоторых ханов известны нам сегодня только из них.

В целом тема недостаточно глубоко разработана в отечественной историографии и почти не затрагивалась в зарубежной. Предлагаемая в работе постановка вопроса позволяет глубже изучить процесс образования Крымского ханства и ранний период его существования, а также выявить интенсивность и характер контактов ханства с Западом, степень их влияния на внутреннюю и внешнюю политику Крыма.

Соответственно, **целью исследования** является: выявить характер и степень влияния политики генуэзцев на формирование независимого Крымского ханства и политику первых ханов Крыма.

Для реализации поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- изучить характер генуэзско-ордынских отношений с начала их зарождения до дезинтеграции Золотой Орды;
- определить, как влияли на политику Генуэзской республики в регионе политические и экономические процессы на территориях бывшей Золотой Орды, в частности в Крыму;
- изучить роль генуэзцев в становлении первых крымских ханов 1419–1441 гг.;
- проследить этапы и динамику формирования Крымского ханства на основе системного и комплексного привлечения западноевропейских архивных и опубликованных источников в сочетании со всеми другими доступными нам письменными источниками и памятникам материальной культуры;
- изучить характер отношений первых ханов Крыма из династии Гиреев (Хаджи Гирея, Нур-Давлета и Менгли Гирея) и генуэзской Каффы;
- проследить степень влияния итальянской колонизации в регионе на развитие Крымского полуострова в Средние века;

Объект исследования – история северного Причерноморья в XIV-XV вв.

Предмет исследования – крымско-генуэзские отношения в XIV-XV вв.

Хронологические рамки исследования. Исследование концентрируется на периоде 1419–1475 гг. – то есть времени формирования Крымского ханства и правлении первых ханов из династии Гиреев, однако в рамках рассмотрения, зарождения и эволюции генуэзско-ордынских отношений обзорно затрагивает практически весь XIV в.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Золотой Орды к западу от Волги, особо концентрируясь на территории Крымского улуса – то есть самого полуострова Крым и прилегающих к нему причерноморских степей.

Научная новизна работы состоит в том, что проблема формирования Крымского ханства рассмотрена под углом воздействия на этот процесс

латинского компонента в Крыму с учётом широкого исторического контекста и использованием новейших исследований по истории Золотой Орды, Крымского ханства и генуэзской Каффы, а также неопубликованных архивных источников.

Методология исследования. При выполнении работы автор придерживается принципов историзма, объективности и системности познания, что позволяет в полной мере проанализировать содержание и динамику генуэзско-крымских отношений в 1419–1475 гг. Исследование имеет междисциплинарный характер, поскольку предполагает задействование источников из разных областей исторического знания.

Для решения поставленных задач были использованы общенаучные и конкретно-исторические методы: ретроспективный – последовательное и системное раскрытие содержания и динамики генуэзско-татарских отношений на протяжении XIV – XV в.; описательно-повествовательный (нарративный) – сбор исторических фактов из различных источников и монтаж последовательного непротиворечивого изложения истории указанного периода; и сравнительно-исторический – позволяет различить и выделить отдельные этапы в развитии генуэзско-татарских отношений в указанный период.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в приращении знаний по истории Северного Причерноморья, в предлагаемой автором постановке вопроса, задействовании новых и интерпретации уже известных источников.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов, пособий и других научных публикаций по теме исследования. Могут быть полезны специалистам, занимающимся изучением истории Северного Причерноморья в Средние века.

Основные положения научно-исследовательской работы заключаются в следующем:

1. Процесс формирования независимого Крымского ханства был длительным и растянутым во времени. Нельзя обозначить чёткой границы перехода статуса

Крыма от одного из центров внутренней ордынской усобицы к одному из «сепаратистских» проектов в ходе дальнейшей дезинтеграции Золотой Орды. С этим же связана сложность обозначения точной даты начала существования Крымского ханства, поскольку ни в титулатуре правителей, ни в каких-либо ещё формальных признаках она никак не была обозначена ни в XV в., ни в последующие столетия. Историографической традицией, сложившейся в самом Крымском ханстве в последующем, первым ханом Крыма считался Хаджи Гирей, во многом по династическим мотивам – как основоположник династии Гиреев, правившей Крымским ханством на протяжении всей его истории.

2. Влияние генуэзцев на этот процесс нельзя назвать решающим, однако оно имело место в отдельных факторах, в особенности, в становлении Крыма как самостоятельного центра силы ещё со времён «Великой замятни». Богатство Каффы и развитие местной торговли привели к росту доходов, которые приносил Крымский улус его правителям. Близость Каффы к столице улуса, Солхату, была удобна не только для ведения торговой деятельности, но и для оказания специфических услуг со стороны генуэзцев крымским правителям: военной помощи, заказных убийств или кредитования для ведения войны с противниками. Само наличие прямых и косвенных (в виде экзений и новен) доходов из Каффы становилось весомым преимуществом для контролирующих Крым ордынских правителей.
3. Другой формой генуэзского влияния на политику Крымского ханства и на процесс централизации власти в молодом государстве было активное вовлечение генуэзцев во внутрикрымские усобицы и даже инициация внутренних смут в целях возведения на престол лояльных Каффе представителей Чингизидов из родственных Гиреям ветвей. Эти усилия первоначально не увенчались успехом, однако привели к обновлению юридической базы генуэзско-татарских отношений в виде ярлыка 1457 г., что привело к улучшению отношений во второй половине правления Хаджи Гирея.

4. По мере роста обособленности Крымского улуса от остальной Орды росло вовлечение генуэзцев Каффы во внутреннюю политику Крымского ханства. Наибольшего значения оно достигло в правление хана Менгли Гирея.
5. В свою очередь, опора на силы Крымского ханства и статус формально подчинённой ему территории расценивались генуэзцами как основное средство купирования турецкой угрозы в последние 10 лет существования генуэзской Каффы.

Структура научно-исследовательской работы определена вышеозначенными целями и задачами исследования и включает в себя Введение, главу, посвящённую анализу источниковой базы и историографии, непосредственно исследовательскую часть из трех глав, посвящённых истории Северного Причерноморья в XIV-XV вв. и политике Крымского улуса, а затем Крымского ханства, и Генуэзской республики в регионе, а также Заключение.

Во **Введении** обозначена актуальность исследования в разрезе изучения истории Северного Причерноморья, сформулированы его цели и задачи, изложена методология и обоснована научная новизна работы.

В первой главе **«Источники и историография исследования»** характеризуется источниковая база исследования и **степень разработанности темы**, путем изучения историографии генуэзско-татарских отношений, а также ранней истории Крымского ханства в целом. В первом параграфе главы **«Источники»** обзревается основные источники по теме, характеризуется степень их изученности и освоения в историографии. В последующих параграфах главы обзревается собственно историография по теме. Во втором параграфе **«История изучения генуэзского присутствия в Северном Причерноморье»** проанализированы работы отечественных и зарубежных историков, касающиеся генуэзско-татарских отношений, начиная от первых донаучных исследований рубежа XVIII-XIX вв. и вплоть до современного этапа её развития на рубеже XX-XXI вв. В третьем параграфе **«История изучения раннего периода существования Крымского ханства»** такой же анализ проведён в отношении исследований, касающихся истории Крымского ханства в XV в. В главе

затронуты труды различных стран и научных школ, в частности представители итальянской, французской, немецкой, английской, польской, румынской и турецкой историографии.

Вторая глава под названием **«Генуэзцы в Крыму и Золотая Орда до 1419 г.»** посвящена историческому обзору возникновения генуэзских владений на территории Золотой Орды и зарождению генуэзско-татарских отношений. В частности, этому вопросу посвящен первый параграф главы под названием **«Появление генуэзских торговых факторий на территории Золотой Орды»**. Также в нем подробно рассматривается кризис в торговле 1343-1347 гг. и его последствия для дальнейшей истории Крыма и генуэзской политики в отношении Орды. В частности, рассматривается роль осады Каффы ханом Джанибеком как важного опыта, определившего в дальнейшем политику генуэзцев в отношении укрепления и расширения своих владений в Крыму. Во втором параграфе **«Каффа в период междоусобных войн второй половины XIV в. в Золотой Орде»** рассматривается начало «великой замятни» в Золотой Орде, её ход и история Крымского улуса и генуэзской Каффы в этот период. Особое внимание уделено событиям 1360-1380-х гг., времени правления в Крыму ставленников Мамаю и противостояния могущественного временщика с ханом Тохтамышем, поскольку именно к этому времени относится как значительное расширение генуэзских владений в Крыму, так и первые дошедшие до нас татаро-генуэзские договоры 1380, 1381 и 1387 гг. В контексте генезиса Крымского ханства рассматривается выдвижение на ханский престол из Крыма Бек-Булата и Таш-Тимура, а также последующее противостояние Тохтамышя и его сыновей против Едигея и его ставленников на территории Крыма. Глава завершается восшествием на ордынский престол нового хана крымского происхождения Улуг-Мухаммеда.

В третьей главе **«Крымский улус и Каффа в 1419–1441 гг.»** анализируется период постепенного отделения Крымского улуса от Орды на протяжении 20-30-х гг. XV в., а также политика генуэзской Каффы этого времени. Соответственно, в первом параграфе главы, под названием **«Крымский улус в 1420-1430-е годы»**, анализируется период правления в Крыму Бек-Суфи и характер его власти над

улусом, а в дальнейшем и противостояние за власть над Крымом Девлет-Берди и Улуг-Мухаммеда, после завершения которого в борьбу за власть над Золотой Ордой включается новый крымский претендент Сеид-Ахмед. Второй параграф главы **«Каффа и Крым в 1420-х-1430-х годах»** посвящён уже политике генуэзской Каффы, в частности её реакции на смену власти в Крымском улусе и двум конфликтам с княжеством Феодоро, в последнем из которых в 1434 г. приняли участие и татары Крыма.

В четвёртой главе **«Крым и Каффа в 1441-1466 гг.»** рассматриваются отношения генуэзцев Каффы с первым ханом из династии Гиреев. В первом параграфе главы **«Обстоятельства прихода к власти Хаджи Гирея»** освещена проблема происхождения Хаджи Гирея и сюжет о призыве его на крымский престол крымской же знатью, который фигурирует в русских и поздних крымскотатарских источниках. Во втором параграфе **«Крымское ханство в международной жизни Восточной Европы в 1440-х – нач. 1460-х гг.»** анализируются международная политика Крымского ханства, его столкновения с правителями Большой Орды и отношения с Польшей и Литвой. Раскрываются проявления враждебной политики хана в отношении генуэзцев на протяжении 1440-х гг. и анализируются их причины, а также причины и ход обострения отношений в начале 1450-х, которое впоследствии привело к военному конфликту 1454-1457 гг. Этот вопрос рассматривается в тесной связи с вопросом экономической и территориальной экспансии Османской империи в Северном Причерноморье. В этой связи изучались полностью не опубликованные архивные документы: письмо консула Каффы Боруэлле Гримальди об активизации турецкой торговой деятельности в Северном Причерноморье и ряд других документов из так называемой «фильцы Каффы». Подробнейшим образом рассмотрена первая осада Каффы турками в 1454 г. и роль татар Крыма в этом событии. Завершение обозначенного татаро-генуэзского конфликта ознаменовалось обновлением юридической базы двусторонних отношений - ярлыком хана Хаджи Гирея генуэзцам 1457 г. Этот текст и обстоятельства его написания также подробно анализируются в главе. В третьем параграфе главы

«Каффа в период правления в Крыму Хаджи Гирея» исследование концентрируется на внутри- и внешнеполитических кризисах, охвативших генуэзские владения на Черном море. Большое внимание уделено проблеме кризиса в генуэзских факториях в 1440-х гг., в частности подробно рассмотрена экспедиция в Каффу Бернабо Вивальди во главе комиссии, задачей которой была разработка и внедрение мер, способных купировать административно-финансовый кризис в колониях. При рассмотрении этой темы были привлечены в том числе и неопубликованные архивные источники. Рассмотрен и внешнеполитический аспект, связанный с антигенуэзской коалицией, сформировавшейся в Черном море в этот период.

Завершается глава рассмотрением последнего десятилетия правления Хаджи Гирея в разрезе относительного потепления татаро-генуэзских отношений и предпосылок династического кризиса в Крымском ханстве после смерти хана.

Пятая глава под названием **«Крым и Каффа в 1466-1475 гг.»** рассматривает генуэзско-татарские отношения в последнее десятилетие, предшествующее падению Каффы. Глава начинается с параграфа **«Междоусобица 1466-1469 гг. в Крымском ханстве»**, а именно с анализа системы престолонаследия в чингизидских государствах и её уязвимости для династических кризисов и распрей наследников. Далее рассматривается кризис 1466 г., разразившийся после смерти Хаджи Гирея. Сопоставляются его различные историографические трактовки и данные источников. После краткого обзора правления хана Нур-Давлета в 1466-1468 гг. следует анализ роли генуэзцев в воцарении Менгли Гирея.

Далее во втором параграфе **«Правление Менгли Гирея 1468-1475 гг.»** на основе данных источников, главным образом из «Тавро-лигурийского кодекса» А. Винья, определяется отношение генуэзцев к Менгли Гирею. Это касается не только анализа эпитетов хана, используемых генуэзцами, но и ссылок на его авторитет в решении споров с иностранными государями. Отдельно проанализировано покровительственное отношение Менгли Гирея к генуэзцам в ходе их торговых конфликтов с Молдавией, Османской империей и Великим

княжеством Московским. Завершается глава параграфом «**Обстоятельства падения Каффы**» с рассмотрением предпосылок и хода турецкой военно-морской экспедиции в Крым 1475 г. Сама экспедиция оказалась возможна только вследствие череды событий вокруг генуэзской Каффы, которые были связаны с назначением нового «господина Кампании» и внутренней борьбой во влиятельном крымскотатарском бейском семействе Ширинов. Таким образом, само наличие крымских владений генуэзцев, а также их участие в политических интригах Крымского ханства, привело к турецкому вторжению в Крым и подчинению полуострова османскому султану.

В **Заключении** подведён итог и сформулированы основные выводы исследования, а также предложена периодизация генуэзско-татарских отношений и характеристика основных их этапов.

Апробация результатов исследования. Результаты работы над материалом диссертации были представлены в ряде статей автора:

1. Кравченко И.В. Крымское ханство в международной жизни восточной Европы в 1440-х - начале 1460-х гг. // Человеческий капитал. 2023. № 3 (171). — С. 21-31.

2. Кравченко И.В. Политико-экономическое положение Каффы второй половины 40-х гг. XV в. в отражении неизданных документов Оффиции попечения Романии // Человеческий капитал. 2023. № 6 (174). — С. 30-37.

3. Карпов С.П., Кравченко И.В. Хронология правлений консулов Каффы по данным регистров сталий Генуэзского государственного архива (1448–1475 гг.) // Византийский временник. 2023. Т. 107. — С. 147-154.

4. Кравченко И.В. «Dominus Menglicarei imperator tartarorum»: крымский хан Менгли Гирей в генуэзских источниках // Клио. 2024. № 1 (205). — С. 13-19.

А также в виде докладов на конференциях: «Внутренние сложности и внешние враги: два документа из фонда Оффиции Попечения Романии» на конференции «BYZANTINOTAURICA – II. Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: тенденции, факторы, влияния, конфликты» прошедшей в Севастопольском государственном университете 27-30 ноября 2023 г. и «Татаро-генуэзская война

1454-1457 гг.» на круглом столе «Крым на перекрёстке культур в эпоху средневековья и раннего Нового времени: к 5-летию Музея истории и археологии г. Старый Крым» в г. Старый Крым 15 сентября 2023 г.

Глава 1. Источники и историография исследования

§1. Источники

Источниковая база исследования достаточно разнообразна. По большей части это источники западноевропейского происхождения на латинском языке. Так, в работе используются книги массарии Каффы, записи казначейства, содержащие данные о денежных тратах администрации Каффы, о доходах (налоговых поступлениях и штрафах), а также о расчетах с горожанами и приезжими. Счета в этих бухгалтерских книгах велись по методу двойной записи. Таким образом, записи казначейства содержат огромное количество информации, касающейся не только повседневной жизни Каффы, но и рутинной дипломатической деятельности ее администрации. Источник является синхронным и весьма достоверным в силу своего прикладного назначения, формализованного характера записей и практики регулярных ревизий книг массарий, проводимых в Генуэзской республике. Соответственно, он имеет огромную ценность в контексте генуэзско-татарских отношений. В текущем исследовании для реконструкции политической обстановки в Крыму в рассматриваемый период использовались как выписки из книг массарии, сделанные Н. Йоргой¹, так и последние исследования, использующие полные тексты книг и содержащие публикации их фрагментов.

Значимым генуэзским источником по периоду 1406–1453 гг. стали опубликованные документы Оффиции попечения Романии² – государственного органа Генуи, ведающего делами восточных факторий в указанный период. Рассматривается также ряд документов из неизданного регистра данного фонда, охватывающего период 1447-1449 гг.³ В основном он содержит инструкции дожа и Оффиции, направляемые в Каффу с указаниями, касающимися как внутренней, так и внешней политики её администрации. Также использовались регесты

---

¹ Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle//Revue De L'Orient Latin. t. IV. Paris, 1896.

² Balletto L. Liber Officii Provisionis Romanie. Genova, 2000.; Bănescu N. Archives d'État de Gênes. Officium Provisionis Romanie // Revue des études sud-est européennes. №3–4. 1966. P. 575-593.

³ Archivio di Stato di Genova. Sala 34, N 590. 1308/3 (1447-1448).

документов указанного периода из фонда *Diversorum Filze*, изданные на русском языке⁴.

Другим крупным собранием генуэзских документов стал собранный Амедео Винья «Дипломатический кодекс тавро-лигурийских колоний»⁵, включивший в себя документы, касающиеся Каффы, извлечённые из Архива Банка Св. Георгия, в управление которого город и прилегающие владения перешли в 1454 г. Сборник содержит достаточно разнообразные документы, главным образом, отчёты консулов и инструкции, даваемые им из метрополии. Кодекс охватывает период с 1454 по 1475 г. и является крайне важным источником для истории Каффы и Крыма этого периода.

Значимым источником по истории Каффы после 1449 г. является текст Устава для генуэзских колоний⁶, изданного в том же году. Документ регламентирует многие аспекты жизни города, в первую очередь административное устройство и управление факторией, однако он затрагивает и некоторые вопросы, касающиеся отношений с местным населением в целом и татарами в частности.

Использовались также и отдельные генуэзские документы самого разного свойства: нотариальные акты⁷, письма⁸, дипломатические договоры⁹.

Что касается нарративных источников западноевропейского происхождения, то определённую ценность для исследования представляют записки баварского солдата Иоганна Шильтбергера¹⁰, долгие годы проведшего на Востоке, в том числе и на службе нескольких ханов Золотой Орды. Вторым

⁴ Карпов С. П. Регесты документов Фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья//Причерноморье в Средние Века. т. 3. СПб.: Алетейя, 1998. С. 9–82.

⁵ Vigna A. *Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio*, tomo I (anni 1453-1459), vol. VI. Genova 1868.; Vigna A. *Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio*, (anni 1460-1472), vol. VII, part. 1. Genova 1871.; Vigna A. *Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio*, (anni 1472-147), vol. VII. part. 2. Genova 1879.

⁶ Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 г.//ЗООИД Т.V. Одесса, 1863. С. 629–836.

⁷ G. Balbi - S. Raiteri, *Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV)*// *Collana storica di fonti e studi*. Genova, 1973.

⁸ *Listy Genuencykow do Kazimierza Jag. z Kaffy 1462 r.* // *Pamiętniki historyczne*. Т. 1. Warszawa, 1861. S. 1–17.

⁹ Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов//Золотоордынское обозрение №8 (4). 2020. С. 675–713.

¹⁰ Schiltberger J. *Reisen des Joh. Schiltberger aus Munchen in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427*. Munchen, 1859.

источником такого рода, используемым в работе, являются путевые записки Гильбера де Ланнуа¹¹ – бургундского посла к Великому князю Литвы Витовту, посетившего в 1421 г. в том числе и Крым.

В вопросах, касающихся геновско-татарского конфликта 1434 г., исследование традиционно опирается на фрагменты из «Дневника Базельского собора» за авторством Андреа Гатари¹², а также письма Карло Ломеллини и Николо делла Порта адресованные Маттео Ломеллини, опубликованные Альдо Агосто¹³.

Помимо западноевропейских, были использованы и восточноевропейские источники. Во-первых, это ряд русских летописей¹⁴, служащих одним из наиболее значительных источников по истории Золотой Орды в XIV в. Во-вторых, был использован ряд источников польско-литовского происхождения – это хроника Быховца¹⁵, хроника Матвея Стрыйковского¹⁶, история Яна Длугоша¹⁷, сочинение Михалона Литвина¹⁸. Эта категория источников использовалась главным образом в вопросе уточнения биографии Хаджи Гирея и отношений ряда татарских правителей с князьями Литвы.

Помимо этого, использовались и документальные источники из этого же региона: изданная ещё в XIX в. переписка Великого князя Литовского Витовта¹⁹, договорная грамота князя Казимира с молдавским господарем Ильей²⁰, а также сборник дипломатических документов Ливонского ордена²¹. В текущем

¹¹ Guillebert de Lannoy. Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399-1450. Mons: Hoyois, 1840.

¹² Diario del Concilio di Basilea di Andrea Gatari//Concilium Basiliense. Studien und Quellen zur Geschichte des Concils von Basel. Basel, 1904. P. 377-422.

¹³ Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434//Atti della società ligure di storia patria. Genova, 1977. P. 507-517.

¹⁴ ПСРЛ, том X. Издание 1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885.; ПСРЛ, том XI. Издание 1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897.; ПСРЛ, т. XVII. Издание 1-е. Западнорусские летописи. СПб., 1907.; ПСРЛ, том XXIV. Издание 1-е. Пг., 1921.

¹⁵ Хроника Быховца. М.: Наука, 1966.

¹⁶ Kronika polska, litewska, zmodzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkwowskiego. Warszawa: Nakł. G. L. Glücksberga, 1846.

¹⁷ Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. V. Kraków, 1870.

¹⁸ Михалон Литвин О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994.

¹⁹ Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430. Cracoviae: Acad. Literarum, 1882.

²⁰ Договорная грамота Молдавского Господаря воеводы Ильи Александровича и Литовского Великого князя Казимира// Акты, относящиеся к истории Западной России Т. I. СПб., 1846. С. 53–55.

²¹ Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1, 8: Mai 1429–1435. Reval, 1884.

исследовании они имеют вспомогательное значение, уточняя некоторые детали биографии или внешней политики отдельных татарских правителей.

Наконец, третьей обширной категорией источников являются источники тюркского, армянского, арабского и персидского происхождения. Эти источники исследовались в рамках их русскоязычных изданий. Масштабное издание арабских источников, затрагивающих историю Золотой Орды, было сделано В.Г. Тизенгаузенем в 1884 г.²² Значительно позже из материалов, подготовленных исследователем, был собран ещё один сборник, на этот раз персидских источников²³. Оба сборника используются в настоящем исследовании в качестве важнейших источников по истории поздней Золотой Орды и наиболее ранних правителей Крыма. К сожалению, после окончательного упадка Орды в начале XV в. арабские и персидские авторы все меньше и меньше упоминают его, из-за чего их сведения доходят только до 20-х гг.

Масштабная публикация золотоордынских и крымских ярлыков и битиков (т.е. посланий), направленных турецким султанам, была произведена турецким исследователем А.Н. Куратом²⁴. Ярлыки и битики представляют собой редкие оригинальные памятники дипломатической активности Золотой Орды и Крымского ханства.

Другой татарский ярлык, адресованный князем Менгли Гиреем королю Казимиру IV, был опубликован на русском языке значительно раньше на страницах «Актов, относящихся к истории Западной России»²⁵. Также ряд ярлыков и писем крымских ханов польским правителям (в том числе Хаджи Гирея, Нур-Давлета, Менгли Гирея и др.) был опубликован на страницах монографии Дариуша Колодзейчика «Крымское ханство и Польско-литовское

---

²² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб: Типография императорской академии наук, 1884.

²³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

²⁴ Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.

²⁵ Ярлык Крымского хана Менгли-Гирея Литовскому великому князю Сигизмунду//Акты, относящиеся к истории Западной России Т. II. СПб., 1848. С. 4–5.

государство: международная дипломатия на периферии Европы (XV-XVIII вв.)»²⁶. Также исследовался ярлык Хаджи Гирея генуэзцам 1457 г. как в формате фотокопии, предоставленной С.П. Карповым²⁷, так и по публикации²⁸.

Для уточнения генеалогии крымских ханов и некоторых других Чингизидов использовались среднеазиатские сочинения XV в.: «Му'изз ал-ансаб»²⁹ и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»³⁰.

Наконец, значимым источником выступил «Свод армянских памятных записей XIV–XV вв., относящихся к Крыму и сопредельным регионам»³¹. По завершении своего труда, армянские переписчики церковных книг вместе с указанием даты нередко сообщали сведения о политической и социальной обстановке в округе, упоминали имена правителей или недавние военные действия, что делает «Свод...» достаточно информативным, а в отношении некоторых лет – едва ли не единственным, источником по истории Крыма.

§2. История изучения генуэзского присутствия в Северном Причерноморье

Историография генуэзского присутствия в Северном Причерноморье достаточно велика и разнообразна. Хронологически этот период охватывает XIII–XV вв., а географически - северное побережье Черного моря и прилегающие к нему территории. Западной границей этого обширного пространства выступает устье р. Дунай, а восточной – Главный Кавказский хребет, включая территорию нынешней Абхазии. Однако следует отметить, что зачастую, особенно в зарубежной историографии, этот регион помещался в более широкий контекст западноевропейского присутствия на территории временно прекратившей своей

²⁶ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011.

²⁷ Archivio di Stato di Genova. Affari Generali. Cancellaria dei Protettori. Primi concellieri. Unità 2913. 14.09.1457.

²⁸ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства в 1456-1459. По данным книг массарии Каффы.// Сугдейський збірник вып. VIII. Київ, 2021.С. 163–229.

²⁹ История Казахстана в персидских источниках т. III (Му'изз ал-ансаб). Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

³⁰ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.

³¹ Саргсян Т.Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Отв. ред. В. Е. Григорьянц. Симферополь: СОНАТ. 2010.

существование в 1204 г. Византийской империи и в Восточном Средиземноморье в целом.

Начало научного изучения этой проблематики как в отечественной, так и в зарубежной историографии относится к периоду конца XVIII — начала XIX вв. В России интерес к полноценному изучению этого региона был обусловлен выходом Российской империи к черноморскому побережью и присоединением Крыма в 1783 г. За рубежом наибольший интерес тема вызвала у французских и итальянских историков. У первых — в рамках общего изучения систем средиземноморской торговли и «колониальной» деятельности европейцев, предшествовавших эпохе Великих географических открытий, у вторых — в рамках осмысления собственной национальной истории. В дальнейшем весомый вклад в изучение вопроса был также внесён немецкими, польскими и румынскими историками.

В различных научных работах, затрагивающих историю генуэзской Каффы или латинской торговли на Черном море вообще, неоднократно приводились аналитические обзоры предшествующей историографии по этой теме³². В контексте настоящего исследования нас интересуют работы, так или иначе затрагивавшие проблему генуэзско-татарских отношений. Важно отметить, что научных исследований, которые непосредственно концентрировались бы на этой проблематике не существовало до самого недавнего времени, и в предшествующей историографии эта тема в той или иной степени затрагивается в рамках иных научных задач, как правило, в более широком контексте генуэзской политики в регионе.

1. Отечественная историография

Наиболее ранние работы на русском языке, посвящённые истории Крыма вообще и затрагивающие, в том числе, историю генуэзских владений на

---

³² Карпов С.П. Итальянские морские республики... С. 22-46; Хвальков Е.А. Генуэзская Каффа в XIII–XV вв. СПб.: Алетей, 2024. С. 23-41.

полуострове, представляли из себя очерки научных экспедиций Петербургской Академии наук, снаряжаемые в Крым с 80-х годов XVIII в. Однако в этих сочинениях вопросы истории Крыма поднимались, главным образом, лишь в контексте описания археологических памятников полуострова и сообщали лишь самые общие сведения о его прошлом. Сочинения П.С. Палласа³³ или, например, В. Ф. Зуева³⁴, которые являлись, в первую очередь, естествоиспытателями, лишь косвенно затрагивают вопросы истории. В то же время, исследования Е. Е. Кёлера³⁵, в сущности, являются историческими, однако его, как и многих историков той поры, куда больше привлекали события Античности, что отчасти диктовалось просвещенческим духом эпохи.

Пересказом отдельных исторических сюжетов также часто занимали себя авторы многочисленных путевых заметок и воспоминаний о жизни в Крыму, таких, как, например, «Досуг крымского судьи» П.И. Сумарокова³⁶ или «Путешествие по Тавриде» И.М. Муравьева-Апостола³⁷. Однако подобные сочинения едва ли можно назвать научными. Тем не менее, они сыграли большое значение за счёт того, что фиксировали состояние памятников на тот момент (более удовлетворительное, чем оно будет позже, уже при подлинно научном их изучении), а также некоторые этнографические реалии.

Первым претендующим на научность трудом по истории Крыма с древнейших времен стало сочинение Могилёвского католического архиепископа Станислава Богуш-Сестренцевича «О Таврии»³⁸, вышедшее на русском языке в 1806 г. В своей «хронологии народов, владевших Тавриею» автор приводит в том

³³ Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. / Пер. с нем. М.С. [лавич]; Ред. Ф.К. Бруна и Г.Э. Караулова // ЗООИД Т.12. Одесса, 1881.С. 62–208; Паллас П.С. Поездки во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / Пер. с нем. М.С. [лавич]. Прим. Г.Э. Караулова // ЗООИД. Т.13. Одесса, 1883. С.35–107; Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

³⁴ Зуев В.Ф. Выписки из путешественных записок В. Зуева, касающиеся полуострова Крыма 1782 г.// Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. С. 266–303.

³⁵ Köhler H. Mémoire sur les Iles et la Course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin, avec des éclaircissemens sur les antiquités du littoral de la sarmatie et des recherches sur les honneurs que les Grecs ont accordés à Achille et aux autres héros de la guerre de Troie// Mémoires de l'Academie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. St.-Ptb., 1826. Т. 10. S. 531–819.

³⁶ Сумароков, П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. В 2 ч. Ч.1. СПб.: В Имп. тип., 1803.

³⁷ Муравьев-Апостол, И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.

³⁸ Богуш-Сестренцевич, С. История о Таврии Т. I.-II. СПб: Типография Шнора, 1806.

числе генуэзцев и полностью посвящает им XV книгу своего двухтомного сочинения. Конечно, сегодня исследование Богуш-Сестренцевича представляет лишь историографическую ценность. Причиной тому является и компилятивный характер труда, и достаточно вольное обращение автора с источниками, датами и географическими деталями. Однако эта работа все же стала важным этапом на пути перехода от чисто прикладных исследований Крыма, включающих в себя лишь пересказы отдельных исторических сюжетов, к собственно историческим трудам.

В этих первых работах генуэзско-татарские отношения ограничиваются лишь упоминанием самого факта соседства двух народов – того, что генуэзские поселения были основаны с позволения татар, и что впоследствии между генуэзцами и татарами началась вражда. Татары предстают в этих работах неким инертным и неизменным народом, и предположений о каком-либо влиянии генуэзского соседства на собственно их историю авторами не высказывается.

В середине XIX в. историческая наука пережила значительное влияние позитивистской философии, что отразилось в том числе и на исследованиях истории Северного Причерноморья. Влияние это выразилось в увеличении значения исторического источника, открытии и публикации новых данных, в усовершенствовании методов источниковедческого анализа. Именно с середины XIX в. в России выделяется плеяда исследователей, заложивших основы отечественной школы научного изучения генуэзского присутствия на черноморском побережье.

На юге России главным научным центром по изучению истории региона стала Одесса, где в 1839 г. было создано одно из первых в стране Обществ истории и древностей, которое получило официальное право на проведение археологических раскопок на территории Южной России. С 1844 г. Общество обзавелось собственным периодическим изданием — «Записки Одесского общества истории и древностей», в котором печатались статьи по археологии и истории, публиковались документы и археологические памятники, освещались результаты полевых исследований. За все время существования издания с 1844 по

1919 г. было издано 33 тома «Записок...» на страницах которых было опубликовано немало трудов по рассматриваемой теме.

Одним из членов-основателей общества (в дальнейшем ставшим его секретарём, а позже – вице-президентом) был Николай Никифорович Мурзакевич (1806—1883). Значимой вехой в изучении генуэзцев в Северном Причерноморье стала его магистерская диссертация, изданная еще до основания Общества в 1837 г. «История генуэзских поселений в Крыму»³⁹.

В своей работе автор опирался на широкий круг источников и литературы, использовал труды греческих, генуэзских, венецианских, российских, польских, немецких и восточных авторов. Труд отличается от работы Богуша-Сестренцевича куда более системным изложением, более критическим отношением к источникам, а также наличием попыток социально-экономического анализа обстановки в поселениях под генуэзским контролем. С другой стороны, для этого сочинения все ещё характерна типичная для работ предшествующих лет гиперболизация генуэзского фактора в международной жизни региона, некоторая излишняя литературность в описании отдельных сюжетов и преувеличение экономического и военного могущества генуэзцев. При этом по-прежнему татаро-генуэзские отношения представляются как соседство варварства и цивилизации, состояний как будто бы имманентных татарам и генуэзцам соответственно. Автор не стесняется давать моральные оценки (впрочем, характерные для эпохи) политическим событиям, называя присоединение Крыма к России «пробуждением Крыма от долгого сна»⁴⁰, в который он впал после завоевания генуэзских владений турками. «Цивилизованные» генуэзская и российская власть над Крымом как бы противопоставляются 300 годам мусульманского «варварства».

---

³⁹ Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Гор. тип., 1837.

⁴⁰ Там же. С. 91

В дальнейшем Мурзакевич неоднократно публиковал свои труды по генуэзской проблематике на страницах «Записок...»⁴¹.

Схожий подход в вопросах татаро-генуэзского взаимодействия в целом характерен и для последующих авторов XIX вв. обращавшихся к этой теме, таких как В.Н. Юргевич⁴², Ф.К. Брун⁴³, М. Волков⁴⁴. Однако важно отметить, что эти исследователи провели большую работу по накоплению источникового материала, активно использовали труды зарубежных коллег и публикации новых источников, а также избегали литературности и вольных авторских интерпретаций описываемых событий. Деятельность генуэзцев в их трудах уже укладывалась в более широкий исторический контекст, в том числе и с учётом влияния на неё перипетий золотоордынской и татарской истории.

В конце XIX в. в Крыму возникает ещё одно историческое сообщество, ведущее регулярные публикации по истории Крыма — Таврическая учёная архивная комиссия. Одна из 39 Губернских учёных архивных комиссий, учреждаемых в России с 1884 г. С момента своего основания в 1887 г. она регулярно издаёт собственное периодическое издание «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии». «Известия...» издавались вплоть до 1920 г. и насчитывают 57 томов, содержащих более 400 научных статей. Часть этого массива исследований была посвящена вопросам генуэзского присутствия в Северном Причерноморье.

Ряд важных публикаций в этом издании принадлежит директору Феодосийского музея древностей Людвигу Петровичу Колли. В работе «Кафа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475)»⁴⁵ учёным была проведена

⁴¹ Мурзакевич Н.Н. Генуэзские консулы города Кафы // ЗООИД. Т. III. 1853. С. 552-555; Медные монеты города Кафы // ЗООИД. Т. IV. 1860. С. 387-388; Донесение об осмотре архива банка св. Георгия // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 982-985.

⁴² Юргевич В.Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 175-177; Он же. Новые надписи генуэзские // ЗООИД. Т. VII. 1868. С. 274-282; Он же. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. Т. VIII. 1872. С. 147—160; Он же. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД Т.V. Одесса, 1863. С. 629–836.

⁴³ Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Черноморье ч. 1. Одесса, 1879. С. 189–241.

⁴⁴ Волков М. О соперничестве Венеции с Генуею в XIV в. // ЗООИД Т. IV. Одесса, 1858. С. 151–182; Он же. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456) // ЗООИД Т. VIII. Одесса, 1872. С. 109–144.

⁴⁵ Колли Л.П. Кафа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. №47. Симферополь, 1912. С.75-112.

колоссальная работа по систематизации и обобщению информации по обозначенному периоду на основе источников, обнаруженных и/или изданных за последние 50 лет. Основой исследования послужили документы, опубликованные Амедео Винья в «Дипломатическом кодексе тавро-лигурийских колоний»⁴⁶. На основании этих и других документов учёным был написан целый ряд работ, посвящённых истории последних 20 лет существования генуэзской Каффы⁴⁷.

Л.П. Колли стал одним из первых историков, использовавших обширные данные источников западноевропейского происхождения для реконструкции истории малоисследованного раннего периода существования Крымского ханства. Изучение этих источников и новая постановка вопроса позволили исследователю увидеть генуэзско-татарские отношения в куда более комплексном виде, соответственно вопросы татарско-генуэзского взаимодействия затрагиваются в работе значительно подробнее, чем в предшествующих трудах⁴⁸. Аналитика источников «Тавро-лигурийского» кодекса, проведенная ученым, в определенной степени сохраняет свою актуальность до сих пор.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события привели к остановке деятельности дореволюционных обществ и комиссий, и хотя некоторые из них продолжили работу в реорганизованном виде, отечественную историческую науку, как и всю страну, ждали глобальные изменения.

Подводя итог дореволюционному этапу в историографии, надо отметить, что учёными XIX- начала XX вв. была проведена колоссальная работа по формированию исторической науки в России, накоплению и систематизации огромного источникового материала. Было положено начало археологическому исследованию Северного Причерноморья и, соответственно, огромному расширению объёмов эпиграфических и нумизматических источников. Вопросы

---

⁴⁶ Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio, tomo I (anni 1453-1459), vol. VI. Genova 1868.; Idem. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio, (anni 1460-1472), vol. VII, part. 1. Genova 1871.; Idem. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio, (anni 1472-147), vol. VII, part. 2. Genova 1879.

⁴⁷ Колли Л.П. Исторические документы о падении Каффы//ИТУАК № 45. 1911. С. 1–18.; Он же. Падение Каффы//ИТУАК. № 55. 1918. С. 145–174.; Он же. Христофоро ди Негро, последний консул Сольдайи//ИТУАК. № 38. 1905. С. 1–29.

⁴⁸ Колли Л.П. Хаджи Герей хан и его политика//ИТУАК №50, 1913. С. 99–140.

татаро-генуэзского взаимодействия и генуэзского влияния на формирование Крымского ханства, тем не менее, мало затрагивались в научных работах, которые чаще ограничивались констатацией самого факта существования таких отношений, наличия в Каффе татарского «титаноса» и чередования периодов мира и вражды между Каффой и татарами. Некоторое усложнение этой исторической картины было произведено лишь в начале XX в. благодаря работам Л.П. Колли, который ввел в российскую историографию данные из источников, опубликованных Амедео Винья.

Историческая наука в этот период развивалась главным образом в позитивистском ключе, глобальные изменения в подходах ждали её уже в советский период. В 20-е годы исторические факультеты в университетах были упразднены, однако это не означало прекращения исторических исследований в стране, многие дореволюционные историки продолжали свою работу. Продолжили свою работу и бывшая Императорская археологическая комиссия, преобразованная в 1919 г. в Российскую Академию истории материальной культуры (позже Государственная академия истории материальной культуры). В 20-е гг. именно там работала выдающаяся исследовательница средневекового Крыма Елена Чеславовна Скржинская (1894-1981). До 1928 г. ГАИМК осуществлял практически ежегодные археологические экспедиции в Крым, одним из итогов которых стала публикация генуэзских средневековых надписей Крыма Скржинской в Италии⁴⁹. В 1930 г. исследовательница была уволена из ГАИМК и смогла продолжить свои исследования генуэзского Крыма лишь после войны, работая в Ленинградском университете и Институте истории АН СССР⁵⁰.

В 30-е гг. исторические факультеты были восстановлены уже на новых основаниях с упором на марксистско-ленинскую философию и методологию. Это

---

⁴⁹ Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée*// *Atti della Società Ligure di Storia patria*. Т. 56. Genova, 1928.

⁵⁰ Скржинская Е.Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // *Византийский временник*. Т. I. 1947. С. 215-234; Она же. Петрарка о генуэзцах на Леванте // *Византийский временник*. Т. II. 1949. С. 245-266.; Она же. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // *История и археология средневекового Крыма*. М., 1958. С. 155-175.

отразилось и в характере публикаций исторических работ по рассматриваемой теме.

В конце 30-х—нач. 40-х выходит ряд работ Е. С. Зевакина и Н. А. Пенчко. В труде «Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в.⁵¹» проводится анализ социально-экономической обстановки в генуэзских владениях с точки зрения классовой борьбы, наличия «системы колониального угнетения» и борьбы армянского, итальянского и др. капиталов в Каффе. В работе «Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв.»⁵² исследователи впервые подробно рассматривают деятельность генуэзцев на восточном побережье Черного моря, базируясь на опубликованных источниках и последних археологических открытиях. Один из разделов работы и здесь посвящён «системе колониального угнетения». Авторам, по их собственному признанию, не удалось найти источников о классовой борьбе в средневековой Черкессии, однако в общем генуэзское присутствие характеризуется как «эксплуатация и прямой грабёж отсталых народов», проводимая «генуэзскими конквистадорами», несмотря на «интернациональные связи трудящихся в борьбе с общим классовым врагом». По сути, как и в работах XIX в., отношения генуэзцев с окрестными народами, в том числе и татарами, подаются сквозь призму отношений условной «цивилизации» и «варварства», только уже с обратной моральной оценкой сторон. Особенно отмечается, что генуэзцы «не стеснялись вмешиваться во внутренние дела причерноморских народов, действуя путём подкупов, интриг или просто свергая неугодных им лиц». В целом влияние генуэзского присутствия на окрестные народы характеризуется как негативное, сама система генуэзского управления как «система колониального режима», а вмешательство «генуэзского торгового капитала» характеризуется как «сопровождавшееся усиленной экономической эксплуатацией». В целом можно заключить, что хотя рассматриваемые работы

---

⁵¹ Зевакин Е. С. Пенчко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // Исторические записки. Т. 7. 1940. С. 3-33.

⁵² Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв. // Исторические записки. Т. 3. 1938. С. 72-129.

используют обширную источниковую базу, накопленную за предыдущее столетие, и рассматривают генуэзско-татарские и, шире – «генуэзско-туземные» отношения, их научные результаты и выводы едва ли могут быть использованы в настоящем исследовании, концентрирующемся в большей степени на политическом аспекте генуэзско-татарских отношений.

Количество исследований и публикаций по рассматриваемому вопросу значительно увеличивается с 1950-х гг. Советских историков в первую очередь интересуют социально-экономическая обстановка в генуэзских владениях и их взаимодействие с широкими народными массами. Характер основного массива источников по теме предоставлял отличные возможности для такого анализа. Соответственно, во многих работах советских историков 1950-70-х гг., посвящённых истории Каффы (А.М. Чипериса⁵³, В.В. Бадяна⁵⁴ (им также были произведены историографические обзоры о генуэзцах в Черном море⁵⁵), М.К. Старокадомской⁵⁶), вопросы генуэзско-татарских отношений затрагиваются в основном в контексте экономического взаимодействия, направлений торговых маршрутов, номенклатуры товаров и приведения сведений о политических аспектах генуэзско-татарских отношений из предшествующей историографии. Схожим образом подходят к вопросу и более поздние работы А.Г. Еманова⁵⁷. На протяжении 1980-х гг. исследователь неоднократно публиковались исследования

---

⁵³ Чиперис А. М. Социально-экономическое положение и движение моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV – XV вв. // УЗ Кабардинского ПДИ. Т. 9, 1956. С. 67 – 79; Он же. Внутреннее положение и классовая борьба в Кафе в 50-70-х гг. XV в. // УЗ Туркменского университета. Т. 21, 1961. С. 245 – 266; Он же. К истории Чембальского восстания. // УЗ Туркменского университета. Т. 19, 1961. С. 291 – 307; Он же. Борьба народов юго-восточного Крыма против агрессии султанской Турции в 50-70-х гг. XV в. // УЗ Туркменского университета. Т. 17, 1960. С. 131 – 155; Он же. О характере и роли генуэзской работорговли в северном Причерноморье в к. XII – 70-х гг. XV в. // УЗ Туркменского университета, Т. 53, 1969. С. 25 – 31; Он же. К истории ранней генуэзской колонизации северного Причерноморья: вт. п. XIII в. // УЗ Туркменского университета. Т. 27, 1964. С. 30 – 48.

⁵⁴ Бадян В. В., Чиперис А. М. Торговля Кафы в XIII – XV вв. // «Феодальная Таврика». Киев: Наукова думка, 1974. С. 174 – 188.

⁵⁵ Бадян В.В. Радянська історіографія генуезької колонізації Північного Причорномор'я у XIII- XV ст. // Вісник Харківського Університету. № 22. Історична серія. 1967. Вып.2. С.103-111; Он же. Генуезька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в історіографії дореформеної Росії // Питання історії народів СРСРю Харків, 1969. Вып.6. С. 135-141; Он же. Генуезька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії капіталістичного періоду // Вісник Харківського Університету. № 45. Історична серія. 1970. Вып.4. С.48-53.

⁵⁶ Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII—XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 162-173.

⁵⁷ Еманов А. Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма. // Византия и её провинции. Свердловск, 1982. С. 62-68.

по экономической деятельности генуэзцев в Черном море⁵⁸. Итог этих исследований был подведен изданием монографии «Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII – XV вв.» в 1995 г.⁵⁹. Статья Э.В. Даниловой «Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice»)»⁶⁰, по сути, продолжает в свете новых исследований освоение источникового материала, изданного ещё в XIX в.

Все эти работы не вносят каких-либо новшеств в представления о политическом взаимоотношении генуэзцев и татар, но, тем не менее, в настоящем исследовании могут быть использованы в качестве источника косвенных сведений и выводов при обращении к экономическим факторам в татаро-генуэзских отношениях и процессе обособления Крымского ханства от Золотой Орды.

С 1960-х гг., а особенно в 1980-е гг., в рассматриваемом регионе растёт археологическая активность. На этом фоне увеличивается количество публикаций крымских (и не только) археологов, например А.Л. Якобсона⁶¹, Е.А. Айбабиной⁶², И.А. Баранова⁶³ и мн. др. Эта деятельность будет продолжена и в последующие 90-00-е гг. Сведения источников материальной культуры позволяют уточнить отдельные аспекты исторической географии и строительной активности в Крыму, что может выступать косвенными источниками в настоящем исследовании.

С распадом Советского Союза в 1991 г. отечественные исторические научные школы, в отличие от ситуации начала века, непрерывно продолжили

⁵⁸ Еманов А. Г. Восточное направление торговли Кафы в XIII – XV вв. // Вестник Ленинградского университета, сер. 2, № 3. 1986. С. 99 – 102; Еманов А. Г., Попов А. И. Итальянская торговля на Чёрном море в XIII – XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1988. С. 76 – 87.

⁵⁹ Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII – XV вв. Тюмень: Ми Рутра, 1995.

⁶⁰ Данилова Э. В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам "Codice") // Феодалная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 189-214.

⁶¹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры / А. Л. Якобсон. М.—Л.: Наука, 1964.; Он же. Крым в средние века, М.: Наука, 1973.

⁶² Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 67 -80.

⁶³ Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. — Ростов-на-Дону. 1989. С. 46-62; Он же. Главные ворота средневековой Солдаи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 81-96.

своё существование, а позднесоветские исследователи продолжили свою деятельность, став частью новой постсоветской историографии.

Подводя итог советскому периоду в историографии вопроса, следует отметить, что за время существования СССР сложился ряд научных школ, были проведены исследования социально-экономических аспектов генуэзского прибывания в Северном Причерноморье, был во многом обработан и исчерпан фонд исторических источников, массово публиковавшихся в XIX в., при этом были открыты и задействованы многие новые неизвестные ранее источники. Новые масштабы и значение приобрела работа археологов, именно в советский период были впервые археологически изучены десятки памятников эпохи. Отсутствие необходимости формального обоснования идеологического соответствия работ мало отразилось на общем курсе развития исторической науки, наметившегося ещё в позднесоветский период.

С 1991 г. под редакцией заведующего кафедрой истории Средних веков исторического факультета МГУ и научного руководителя лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века С.П. Карпова начинает издаваться периодический сборник «Причерноморье в средние века» на страницах которого регулярно публикуются статьи по рассматриваемой теме. Среди них статьи с публикацией и переводом источников С.П. Карпова⁶⁴, реконструкцией социально-экономического положения в Каффе на основе подробнейшего анализа архивных источников А.Л. Пономарёва⁶⁵, на археологическую тематику С.Г. Бочарова⁶⁶ и др.

Обстановку в Северном Причерноморье частично затрагивают две монографии С.П. Карпова, посвящённые истории южной части бассейна: «Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.:

---

⁶⁴ Карпов С. П. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья//Причерноморье в Средние Века. т. 3. СПб.: Алетейя, 1998. С. 9–82; Он же. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг.// Причерноморье в Средние века. Вып. IX. СПб.: Алетейя, 2015. С. 8–44.

⁶⁵ Пономарёв А. Л. Население и территория Каффы по данным массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381—1382 гг. // Причерноморье в Средние века. СПб., 2000. Вып. 4. С. 317-443.

⁶⁶ Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. Вып. 3. Спб. 1998. С. 82 - 117.

проблемы торговли»⁶⁷ и «История Трапезундской империи»⁶⁸, а также посвящённая более широкому географическому контексту «Латинская Романия»⁶⁹. В этих работах история генуэзского Северного Причерноморья рассматривается в широком контексте международной жизни региона. Помимо этого, С.П. Карповым была написана глава, посвящённая генуэзскому и венецианскому присутствию в Крыму в двухтомной коллективной монографии «История Крыма»⁷⁰, а также изданы статьи в различных научных периодических изданиях⁷¹. Эти работы представляют большую ценность для настоящего исследования, поскольку аккумулируют в себе огромное количество информации о международной жизни региона и позволяют рассматривать генуэзско-татарские отношения в широком историческом контексте, а также выделить их характерные особенности, сравнив с взаимодействием генуэзцев с другими причерноморскими государствами.

Важную роль в изучении до сих пор частично неосвоенных книг-массарий Каффы сыграл А.Л. Пономарёв, сумевший извлечь из них информацию, касающуюся социально-экономического состояния города и генуэзско-татарского взаимодействия. По итогам этой работы им был издан ряд статей⁷². По сути, в этих работах впервые за долгое время приводится совершенно новая информация о дипломатической и политической деятельности генуэзцев и крымских татар. Впервые довольно подробно реконструируется история Крыма 1420-х гг., ранее являвшаяся одним из многих «темных мест» хронологии средневекового Крыма. Были получены также новые данные, касающиеся событий в Крыму 1390-х гг. В контексте реконструкции политической истории Крыма в 1390-1420-х гг. эти

⁶⁷ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990.

⁶⁸ Карпов С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2017.

⁶⁹ Карпов, С.П. Латинская Романия: научное издание / С. П. Карпов. СПб.: Алетейя, 2000.

⁷⁰ Карпов С. П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма. Т.1. М., 2017. С.314-362.

⁷¹ Карпов С. П. Как феникс из пепла: возрождение торговли в Танае после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение №8 (3). 2020. С. 504–514.; Тана — колыбель Кризиса середины XIV века // Stratum plus. №6. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2016. С. 203–213.

⁷² Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма: Хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 158–190.; Он же. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Золотоордынское наследие. Вып. 2. 2011. С. 18–21.

работы представляют собой значительную ценность для настоящего исследования.

Также учёный провёл огромную работу по изучению истории финансовой системы региона, отражённую в монографиях «Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи (квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики)»⁷³ и «Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв.»⁷⁴. Данные работы выходят далеко за рамки обычных исследований на нумизматическом материале, в них анализируются также понятия, методы и законы финансовой и, шире, - экономической политики того времени, её взаимозависимость с внешней и внутренней политикой государств региона.

Ещё одной значительной монографией XXI в., на этот раз посвящённой в основном вопросам крымской истории, стала монография В.Л. Мыца «Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты»⁷⁵. Масштабное исследование, помимо истории генуэзской Каффы, охватывает также историю Крымского улуса и княжества Феодоро в период с 1362 г. по 1475 г. Работа опирается на широкий спектр археологических источников и большой массив письменных материалов, введённых в научный оборот на момент выхода монографии. Это исследование было расширено и углублено в недавней докторской диссертации учёного «Крым в XIII–XV веках: историко-археологическое исследование»⁷⁶. Эти работы, в которых большое внимание уделяется дипломатическим отношениям в треугольнике Крым-Каффа-Феодоро, имеют критическое значение для настоящего исследования, особенно в вопросах интерпретации новейших археологических данных в контексте воссоздания политической истории Крыма исследуемого периода.

⁷³ Пономарёв А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи (квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики). М.: Эдиториал УРСС, 2002.

⁷⁴ Пономарёв А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв. (2-е изд.). М.: Издательство Московского университета, 2012.

⁷⁵ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.

⁷⁶ Мыц В.Л. Крым в XIII–XV веках: историко-археологическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 5.6.3. Казань, 2023.

Наконец, среди новейших исследований стоит отметить также статьи А.В. Джанова⁷⁷, открывающие новые факты политической жизни Северного Причерноморья XIV-XV вв. на основе исследования ранее не изученных архивных документов генуэзского происхождения. Открытие новых фактов из истории генуэзско-татарских отношений, а также публикации генуэзских источников, упоминающих татар, делают эти работы ценными для текущего исследования. Появление новых данных значительно уточняет наши представления о генуэзско-татарском взаимодействии в исследуемый период и предоставляет большие возможности для анализа этого процесса, равно как и для интерпретации новых источников и помещения их в исторический контекст. Из последних работ также следует отметить монографию А.Г. Еманова «Небесный Иерусалим или Вавилон. Выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии»⁷⁸, в которой с учетом большого числа разнообразных источников воссоздается внутренний быт средневековой Каффы. Также важно упомянуть работу Е.А. Хвалькова «Генуэзская Каффа в XIII–XV вв.»⁷⁹, в которой, главным образом на материалах массарий 1381, 1423 и 1461 гг., анализируются и сопоставляются различные аспекты истории города: география и топография, управление и администрация, коммерция и международная жизнь. Проводится наглядное сравнение Каффы на трех основных (по мнению автора) этапах ее существования: до 1380-х гг.; в 1380–1453 гг.; в 1453–1475 гг.

Таким образом, можно заключить, что на рубеже XX-XXI вв. отечественной историографией был осуществлён значительный прорыв в исследовании генуэзско-татарских отношений, что позволило по-новому оценить возможное влияние генуэзцев на процесс образования Крымского ханства и их роль в ранней истории молодого государства.

---

⁷⁷ Джанов А.В. Крым и Каффа во второй половине XIV в. // Сугдейський збірник вып. 1 (VII). Київ 2018. С. 44–303.; Он же. Каффа, Крымское ханство и османы в 1454–1456 гг. (по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Вип. 2 (VIII). Київ. 2019. С. 79–373.

⁷⁸ Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон. Выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии. СПб.: Алетейя, 2022.

⁷⁹ Хвальков Е.А. Генуэзская Каффа в XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2024.

2. Зарубежная историография

В Западной Европе научное осмысление вопросов генуэзского присутствия в Северном Причерноморье за рубежом началось примерно в то же время, что и в России, и прошло через схожие этапы. Однако значимым отличием от отечественной историографии стало ещё меньшее внимание к генуэзско-татарской проблематике.

В начале XIX в. во Франции и Италии публикуется ряд работ, посвящённых присутствию итальянцев на Востоке вообще. К таковым можно отнести, например, книгу Жоржа Бернара Деспана «История торговли между Левантом и Европой от крестовых походов до основания американских колоний»⁸⁰. В то же время выходят и более конкретизированные исследования, подходящие ближе к рассматриваемой теме, как, например, работа Лудовико Саули д'Ильяно «Генуэзская колония в Галате»⁸¹, в которой автор куда большее внимание уделяет присутствию генуэзцев в Черном море. Ещё одним исследованием, в котором затрагивался вопрос присутствия генуэзцев в Северном Причерноморье, был труд, посвящённый истории Генуи и Лигурии вообще — «История древней Лигурии и Генуи» Джироламо Франческо Серра⁸². В части, касающейся рассматриваемой темы, автор использует труд Богуша-Сестренцевича. В этой работе среди прочего уже появляются упоминания о военных столкновениях генуэзцев и татар.

Ближе к середине века во Франции появляется работа, одной из главных тем которой заявлены генуэзские колонии в Крыму — «Исследования торговли в средние века. История черноморской торговли и генуэзских колоний Крыма»⁸³ Эли де Ля Примодэ. В книге черноморская торговля рассматривается в весьма широком контексте, её анализ автор начинает со времён Античности, исследователь пытается максимально подробно осветить предпосылки и

⁸⁰ Depping G. B. Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe depuis les Croisades jusqu'à la fondation des colonies d'Amerique. T.1. Paris: Impr. royale, 1830.

⁸¹ Sauli L. Della Colonia dei Genovesi in Galataa. Torino: spese di Giuseppe Bocca, 1831.

⁸² Serra G. La storia della antica Liguria e di Genova. T. 4. Torino: G. Pomba, 1834.

⁸³ Primaudaie, de La E. Études sur le commerce au moyen âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies génoises de la Krimée. Paris: Comon, 1848.

непосредственные обстоятельства появления генуэзцев в Северном Причерноморье вообще и в Крыму в частности, неизбежно затрагивая в этом контексте и генуэзско-татарские отношения. Работа опирается в основном на нарративные источники и предшествующую историографию.

Во время Крымской войны в свет выходит исследование «О Крыме, его торговле и его правителях от истоков и до современности: исторические комментарии» Микеле Джузеппе Канале⁸⁴. 12 из 29 глав книги посвящены только генуэзскому пребыванию в Черном море и Крыму, ещё несколько — венецианскому. В работе подчёркивается цивилизаторская миссия итальянцев в регионе, их борьба с татаро-монголами, что можно считать определённой аллюзией на современные автору события. Генуэзско-татарское взаимодействие было рассмотрено исключительно в контексте колониальной политики и борьбы «цивилизации» и «варварства».

К середине века также относится публикация одной из наиболее значительных работ эпохи, посвящённых средневековой восточной торговле. Речь идёт о ставшей классической работе В. Гейда «История левантийской торговли в Средние века»⁸⁵, которая первоначально выходила на немецком языке в виде сборника статей в Тюбингене с 1858 по 1864 г. В дополненном виде работа Гейда была издана на французском языке в 1885 г. Ему удалось собрать информацию практически из всех опубликованных на тот момент источников и представить более масштабный взгляд на восточную торговлю, чем в предшествующих работах. Географический охват работы крайне широк. Отдельные главы посвящены Кипру, Египту, Сирии, Трапезунду, Персии, Индии, Центральной Азии, Китаю и, конечно, черноморским колониям Генуи. В работе рассматривается не только экономическая деятельность генуэзцев в Крыму, но так же их дипломатия и эволюция административного и правового устройства колоний. Работа Гейда легла в основу многих последующих публикаций, посвящённых генуэзскому присутствию в Северном Причерноморье, и для

---

⁸⁴Canale M. G. Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri, commentari storici. Roma: J. de Sordo-Muti, 1855.

⁸⁵Heyd W. Histoire du Commerce du Levant au moyen age. Vol. 2. Leipzig, 1923.

настоящего исследования представляет интерес в большей степени как источник фактов о собственно генуэзской политике. В отношении же татаро-генуэзского взаимодействия работа ограничивается традиционным для историографии XIX–XX вв. перечислением фактов о разрешении на строительство Каффы со стороны татар, о генуэзско-татарских конфликтах и о роли татар в падении города.

Как и в отечественной историографии, большой толчок к работе с более широким кругом исторических источников, к более глубокому их анализу и куда более масштабной публикации дало распространение с сер. XIX в. позитивистской философии. Как и в России, образуется ряд исторических обществ, выпускающих свои периодические издания. В 1833 г. в Сардинском королевстве (в состав которого тогда входила Лигурия) возникает «Королевская депутация отечественной истории» (*Regia Deputazione sopra gli studi di Storia Patria*), которая в 1838 г. в рамках серии «Памятники истории Отечества» (*Historiae Patriae Monumenta*) издаёт статуты Оффиции Газарии⁸⁶. Весомую роль в исследовании рассматриваемой темы сыграло также появление в Генуе «Лигурийского общества отечественной истории» в 1857 г., члены которого активно занимались публикацией источников, архивных описей и, разумеется, собственных научных изысканий, при этом поддерживая контакты с Одесским обществом истории и древностей. Причём, в отличие от Одесского общества, Лигурийское существует до сих пор, и издание «Записок Лигурийского общества отечественной истории» продолжается.

Важные публикации документов были сделаны Корнелио Дезимони⁸⁷ и Амедео Винья⁸⁸. Этот процесс продолжался на всем протяжении втор. пол XIX в. Значительные объёмы источников в это время были опубликованы румынским историком Николае Йорга⁸⁹.

Эти источники представляют огромную ценность в вопросе изучения генуэзско-татарских отношений рассматриваемого периода и в своё время дали

⁸⁶ *Historiae patriae monumenta* Vol. II *Leges Municipales*, I, Torino, 1838. P. 305–430.

⁸⁷ Desimoni C. *Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare.*// *Archivio storico italiano*. no. 20. Torino, 1887. P. 161–165.

⁸⁸ CDCTL

⁸⁹ Jorga N. *Op.cit.*

много новой информации для исследователей. Они активно привлекались и в настоящей работе, составив в некоторых разделах основу для реконструкции генуэзско-татарских отношений и политической обстановки в Крыму в целом.

В начале XX в. Крым посещает президент «Лигурийского общества...» маркиз Чезаре Имперiale, налаживаются связи между российскими и итальянскими коллегами. Однако Первая мировая война и Революция в России и установление в Италии фашистского режима прерывают этот процесс. В межвоенный период публикации итальянских историков на рассматриваемую тему содержат в себе определённый фашистский идеологический заряд, в каком-то смысле возвращая историографию к наивным представлениям первой половины XIX в. о «цивилизаторской миссии» и «европейском превосходстве». В качестве примера можно привести исследование Нальдони «Генуэзские колонии в Черном море»⁹⁰. Разумеется, сегодня работы этого периода не представляют большой ценности, в основном повторяя старую историографию в несколько упрощенном виде.

Одним из выдающихся зарубежных трудов межвоенного периода стала работа польского историка Мариана Маловиста «Каффа – генуэзская колония в Крыму и восточные вопросы в 1454-1475 гг.»⁹¹. Хотя опубликовано исследование было уже в послевоенные годы, его написание было закончено к 1939 г.: публикации помешала надвигающаяся война. Помимо традиционного рассмотрения политических событий, Маловист уделяет половину своего труда вопросам этнического и религиозного состава населения, устройства администрации и хозяйственной жизни колонии, чеканки монеты, вопросам налогообложения и дани, государственного долга, отношений колонии и ханов Крыма, ремесел и регламентации хозяйственной жизни. Исследователь проводит работу по сравнению административно-хозяйственного устройства Каффы с

---

⁹⁰ Naldoni, N. Le colonie genovesi nei Mar Nero // In Atti del II congresso di studi coloniali. Vol.2. Firenze, 1936. P. 123-171.

⁹¹ Małowist, M. Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453-1475. Warszawa: Towarzystwo Miłośników Historii, 1947.

другими европейскими городами и приходит к выводу о самобытном устройстве контролируемого генуэзцами поселения.

Маловист избегает однозначных моральных оценок о пользе или вреде генуэзского владычества для местных и соседних народов, хотя в конечном итоге склоняется, скорее, к положительной оценке деятельности генуэзцев с точки зрения региональной экономики. Таким образом, Маловист одним из первых отдельно обозначил и исследовал проблему отношений Каффы с Крымским ханством как одного из наиболее значимых факторов для жизни колонии, хотя и мало внимания уделил вопросу обратного влияния генуэзцев на татар.

Вторая часть книги посвящена политической истории региона, однако все дипломатические хитросплетения рассматриваются автором не как случайные единовременные события, а как часть общеевропейской тенденции, которая, по мнению исследователя, состоит в политической и экономической трансформации стран Западной и Центральной Европы. В этом отношении Маловист примыкает к плеяде историков, разделяющих концепцию Кризиса Позднего Средневековья.

Значительный вклад в исследование генуэзского присутствия в Черном море внесли представители румынской исторической школы, один из которых, Николае Йорга, был упомянут выше. Речь идёт об учениках и последователях Йорги: Г. Брэтиану⁹², Н. Бэнеску⁹³, Ш. Папакостя⁹⁴. Рассматривая генуэзскую торговлю на Черном море в целом, эти исследователи, как правило, концентрировались на собственно черноморских проблемах: проблемам отношений Генуи и Трапезунда, дунайско-днестровской торговли, турецкой экспансии в регионе и т.д. Отношения генуэзцев и татар отдельно ими не исследовались, хотя авторами отмечалась позиция Крымского ханства в генуэзско-трапезундском конфликте. Характерной чертой историографии XIX-

⁹² Brătianu G.I., *Recherches sur le commerce Génoise dans la Mer Noire au XIIIe siècle*. Paris: Paul Geuthner, 1929; *Idem. Marea Neagră. De la originipână la cucerirea otomană*. Ediție îngrijită, studiu introductiv și indice de V. Spinei, Iași: Polirom, 1999.

⁹³ Bănescu N. *Archives d'Etat de Genes. Officium Provisionis Romaniae//Revue des etudes SudEst Europeennes*. – 1966. №3–4. P. 575-593; *Idem. Archives d'Etat de Genes. Officium Provisionis Romaniae//Revue des etudes SudEst Europeennes*. 1967. №1–2. P. 235-263; *Idem. Le conflit entre Gênes et l'empire de Trébizonde à la veille de la conquête turque (1418-1449) // Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini*. T.I. SB, 1939. T. 5. P. 4-10.

⁹⁴ Papacostea Ș. *La mer Noire: carrefour des grandes routes intercontinentales, 1204-1453*, Bucuresti: Institutul Cultural Român, 2006.

XX вв., которая присутствует и в упомянутых работах, является переоценка татаро-турецких связей и неизбежность их совместных действий.

До сих пор научную работу по рассматриваемой теме ведёт ещё один румынский исследователь, Штефан Андрееску. История присутствия венецианцев и генуэзцев в Черном море рассматривается им так же в основном в контексте позднесредневековой истории Румынии, однако не ограничивается ею. В частности, им были произведены публикации ряда источников⁹⁵.

После завершения Второй мировой войны значительно возрос интерес к изучению экономических аспектов итальянской черноморской торговли и итальянскому присутствию на Востоке вообще. Был опубликован ряд работ, посвященных непосредственно генуэзскому присутствию: например, труды Гвидо Астути⁹⁶, Пьетро Сарачено⁹⁷, Марио Бонджорно⁹⁸ и др.

Одной из важнейших фигур в области эмпирических исследований, а также в систематизации и концептуализации генуэзской колониальной истории был Джео Пистарино, который руководил работой Института медиевистики (созданного при Генуэзском университете в 1963 г.). В его работе «Джин Заморья»⁹⁹ впервые поднимались вопросы о степени зависимости Каффы от Генуи и о соотношении частной и государственной инициативы в ранний период генуэзской колонизации. Джео Пистарино стал основателем современной генуэзской научной школы в отношении изучения генуэзского присутствия на Востоке.

В дальнейшем его дело продолжили современные итальянские исследователи. Публикацией и анализом важнейших источников, в том числе документов Оффиции Попечения Романии¹⁰⁰, а также нотариальных актов

⁹⁵ Andreescu Șt. Un act genovez din 1453 sau despre limitele metodei cantitative // Studii și materiale de Istorie Medie Vol. XXI. Brăila: Editura Istros, 2003. P. 139–151

⁹⁶ Astuti, G. Le colonie genovesi del Mar Nero e ordinamenti giuridici.// In Colloquio romenoitaliano: “I genovesi del Mar Nero durante i secoli XIII-XIV”. Bucharest, 1977. P. 87-130.

⁹⁷ Saraceno P. L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453. // Rivista di storia del diritto italiano 42/43. 1969/1970. P. 198-204.

⁹⁸ Buongiorno M., L'amministrazione genovese nella Romania : legislazione, magistrature, fisco. Genova: Fratelli Bozzi, 1977.

⁹⁹ Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988.

¹⁰⁰ Balletto L. Liber Officii Provisionis Romaniae. Genova, 2000.

черноморских нотариев занимается профессор Генуэзского университета Лаура Баллетто. Публикации важнейших источников были предприняты генуэзским архивистом Альфонсо Ассини¹⁰¹, Джованной Бальби¹⁰², Альдо Агосто¹⁰³. Следует также отметить работы туринского исследователя Энрико Бассо, рассматривающего, помимо политических и коммерческих аспектов¹⁰⁴ пребывания генуэзцев в Крыму, вопросы хозяйственной деятельности на подконтрольной им территории¹⁰⁵. Важные работы, касающиеся развития генуэзско-османских отношений, были изданы Джустиной Ольджати¹⁰⁶.

В области открытия и публикации новых источников во второй половине XX в. огромная роль принадлежит генуэзскому архивисту Джан-Джакомо Муссо, открывшему, помимо прочего, такой важный источник, как массария Каффы 1386/87 г.¹⁰⁷

Масштабный научный труд, посвященный генуэзской торговле на Леванте в целом, - «Генуэзская Романия (XII-нач. XV вв.)»¹⁰⁸, был написан французским исследователем Мишелем Баларом. Пользуясь новыми источниками, автор проводит комплексный анализ генуэзской экономической деятельности в Черном и Эгейском морях. Его работа стала наиболее подробным сочинением на эту тему

¹⁰¹ Assini A. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero//Romania Orientale, 12, 1999. P. 13-36.

¹⁰² Balbi G. - Raiteri S., Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV)// Collana storica di fonti e studi. Genova, 1973.

¹⁰³ Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434//Atti della società ligure di storia patria. Genova, 1977. P. 507-517.

¹⁰⁴ Basso E. Caffa 1453: Tensioni interne e difficoltà economiche alla vigilia della caduta di Costantinopoli//Romania Orientale. Roma, 1999. P. 59-85.

¹⁰⁵ Basso E. In extremo Europae: note sull'attività agraria nella Crimea genovese// Agricoltura, lavoro, società. Studi sul medioevo per Alfio Cortonesi / a cura di Ivana Ait e Anna Esposito. Bologna: Clueb, 2020. P. 53-66.

¹⁰⁶ Olgiati G. The Genoese colonies in front of the Turkish advance (1453-1475)//Tarih arastirmalari dergisi vol. 15, 1990. P. 381-386; Idem. Genova e l'Impero Ottomano tra XV e XVIII secolo: cronologia di un rapporto difficile// Turcherie. Suggestioni dell'arte ottomana a Genova, Genova, 2014. P. 54-55.

¹⁰⁷ Musso G.G. Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'archivio di stato di Genova (sec. XIV-XV). Roma, 1975; Idem. Note d'archivio sulla «Massaria» di Caffa // Studi Genuensi, 1964-65. Genova, 1968, t.V. P.62-98; Idem. Nuove ricerche d'Archivio su Genova e l'Europa Centro-Orientale nell'ultimo medio evo // Rivista storica italiana. 1971. T.83. N 1. P.130-143; Idem. Nuovi documenti dell' Archivio di Stato di Genova sui Genovesi e il Levante nel secondo Quattrocento // Rassegna degli archivi di Stato. 1967. T. XXVII. N 2-3. P. 443-496

¹⁰⁸ Balard M. La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle). Rome-Genoa, 1978.

после публикации Гейда. Отдельные работы исследователя были посвящены также событиям XV в.¹⁰⁹

В Польше причерноморские исследования, связанные, в частности, с итальянской работоторговлей на Черном море, продолжает Данута Квирини-Поплавска¹¹⁰.

Необходимо отметить, что из вышеперечисленных работ наибольшую ценность для настоящего исследования представляют публикации источников, затрагивающие генуэзско-татарские отношения: например, вышеупомянутые публикации Л. Балетто, А. Ассини и А. Агосто. В остальном работы итальянских исследователей служили, скорее, важными источниками информации, касающейся собственно генуэзской истории и более широкого исторического контекста генуэзской политики.

Подводя итог, можно сказать, что со второй половины XX в. и до сих пор учёными Италии, Франции, Румынии и других стран продолжается публикация новых документов и научных трудов, так или иначе затрагивающих пребывание генуэзцев в Северном Причерноморье, что позволяет продолжать исследования и совершать новые открытия в этом направлении. И отечественная, и зарубежная историография прошла путь от идеалистических представлений первой половины XIX в. через эпоху господства позитивистской философии во второй половине XIX-нач. XX вв., и к середине XX в. пережила всплеск интереса к социально-экономическим аспектам рассматриваемой проблемы. Середина XIX в. стала временем активного развития исторической науки: существенно возросла роль исторического источника и его критического анализа, исторического факта. Возросло само количество источников, массово издававшихся в то время, в том числе и по рассматриваемой теме. Во многом труды историков о генуэзско-крымских отношениях вплоть до начала XXI в. ограничивались информацией, почерпнутой именно из публикаций источников той эпохи.

¹⁰⁹ Balard M. *La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe - XVe siècles)*. London, 1989; Idem. *Gênes et la mer. Genova e il mare*. Genova, 2017. Т. I-II; Idem. *Les controverses politico-religieuses à Caffa (1473-1475) // I. Augé –G. Dédeyan (éd.). L'Église arménienne entre Grecs et Latins fin XIe –milieu XVe siècle*, Paris 2009. P. 183-192.

¹¹⁰ Quirini-Poplawska D., *Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami i w późnym średniowieczu*, Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2002.

Доминирование марксистко-ленинской идеологии в России и распространение марксизма в интеллектуальных кругах на Западе способствовали активному росту исследований, посвящённых непосредственно социально-экономическим аспектам пребывания генуэзцев в Северном Причерноморье (в более ранней историографии упор делался на политико-экономический аспект) и колониальной сущности их деятельности, что отодвинуло вопрос политических отношений Каффы и Крымского ханства на второй план.

Лишь рубеж XX-XXI вв. был отмечен рядом открытий новых источников, раскрывающих новые аспекты татаро-генуэзских отношений и позволяющих заново рассмотреть эту проблему с учётом новых данных.

§3. История изучения раннего периода существования Крымского ханства

1. Отечественная историография

В отечественной, и в целом в мировой науке, интерес к изучению истории Крымского ханства, как и интерес к истории Крымского полуострова вообще, связан с присоединением Крыма к Российской империи в 1783 г. История государства, более 300 лет занимавшего большую часть полуострова, не могла не быть отображена в первой попытке научного осмысления истории края. Речь идет о работе католического архиепископа Могилёва Станислава Богущ-Сестренцевича, который в своё время посетил Крым в свите князя Г. А. Потёмкина-Таврического, под названием «История Тавриды» или, на русском языке, «О Таврии»¹¹¹, изданная в 1806 г. и объединившая в себе информацию из практически всех сочинений, изданных ранее.

В ходе дальнейшего развития исторической науки, которая переживала сильное влияние позитивистской философии, значительно возрастает значение источниковедческих дисциплин. Отечественная тюркология, как и другие области исторической науки, переживает рост публикаций источников и, соответственно, исследований, посвящённых их анализу.

---

¹¹¹ Богущ-Сестренцевич, С. Указ. соч.

Так, например, Александром Касимовичем Казембеком был частично издан один из источников по истории ханства «Ас-Саб' ус-Сеййар фи ахбар-и мулюк-и татар» — историческое сочинение крымского историка Сейид Мухаммед Ризы эль-Кырыми 1737 г., охватывающее историю семи крымских ханов, от Менгли I Гирея до Менгли II Гирея (1465-1730). На русском языке сочинение вышло под названием «Ас-Саб' ус-Сеййар, или Семь планет: История крымских ханов, сочинённая на турецком языке Сейид Ризою»¹¹². Сочинение изобилует полулегендарными данными и не отличается большой достоверностью в описании первого правления Менгли Гирея.

Весомый вклад в издание золотоордынских и крымских ярлыков внёс также профессор Казанского университета Илья Николаевич Березин. Им были изданы ярлыки Тохтамыша королю Ягайло, а также тарханные ярлыки нескольких ордынских и крымских ханов¹¹³. Помимо этого, учёный-востоковед также ввел в научный оборот и другие восточные источники, в частности, летописи и другие нарративные источники восточного происхождения¹¹⁴.

Огромный вклад в изучение истории Крымского ханства и в крымское источниковедение внёс историк-востоковед Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов. Одним из выдающихся трудов учёного стало «Исследование о касимовских царях и царевичах»¹¹⁵, в котором неизбежно затрагивались вопросы, касающиеся истории Крыма, особенно во время правления в Касимовском ханстве «крымской династии» (1486-1512 гг.). Также исследователем были опубликованы татарские тексты документов, связанных с дипломатическими связями Крымского ханства и княжества Московского (впоследствии Русского царства)¹¹⁶. В дальнейшем на страницах Сборника

¹¹² Ас-Саб' ус-Сеййар, или Семь планет: История крымских ханов, сочинённая на турецком языке Сейид Ризою, с введением на русском языке. Казань, 1832.

¹¹³ Березин И.Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, Казань: издан князем Оболенским, 1850.; Он же. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет Гирея, Казань: в типографии университета, 1851.; Он же. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам), СПб.: в типографии Императорской Академии наук, 1850.

¹¹⁴ Березин, И.Н. Библиотека восточных историков. Т. 1. Казань: Типография университета, 1849.; Т. 2, ч. 1.

Казань: Типография губернского правления, 1854.; Т. 3, ч. 1. Казань: Типография губернского правления, 1854.

¹¹⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. 2-е изд. СПб.: В тип. Имп. Академии наук. Т. 1. 1863.

¹¹⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского ханства. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864.

императорского русского исторического общества были опубликованы современные вышеназванному источнику их русские переводы¹¹⁷.

Обзор этих документов был представлен магистром истории Санкт-Петербургского университета Михаилом Николаевичем Бережковым¹¹⁸. Учёный публиковал и обзоры других источников по теме, в частности, крымских шерстных грамот¹¹⁹. Некоторые из выше обозначенных источников имеют большое значение для реконструкции истории поздней Золотой Орды и, соответственно, начала процесса обособления Крымского улуса в самостоятельное государство. В этом отношении они важны и для настоящего исследования.

Важнейшие источники по истории Золотой Орды и Крымского ханства, а именно избранные фрагменты арабских и персидских исторических сочинений, касающиеся этого региона, были отобраны, переведены и изданы Владимиром Густавовичем Тизенгаузенем. Первый том, включающий в себя выписки из арабских сочинений, был издан в 1884 г.¹²⁰ Второй том, над которым автор работал, но так и не смог издать, спустя полстолетия был выпущен Академией наук СССР¹²¹. До сих пор эти публикации не потеряли своего научного значения и активно используются, в том числе и в настоящей работе, в качестве источников по истории поздней Золотой Орды (конец XIV в.) и наиболее раннего периода выделения Крымского ханства из её состава (начало XV в.).

Одна из первых попыток написать общий очерк по истории крымскотатарского народа, историческая судьба которого рассматривается автором со времён самого Чингисхана, была предпринята Феоктистом Авраамовичем Хартахаем на страницах журнала Вестник Европы. В статье «Историческая судьба крымских татар»¹²² он довольно поверхностно обзревает

¹¹⁷ СИРИО, т. 95. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895.

¹¹⁸ Бережков М.Н. Древнейшая книга крымских посольских дел 1474—1505 гг. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1894.

¹¹⁹ Бережков М.Н. Крымские шерстные грамоты. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894.

¹²⁰ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / [соч.] В. Тизенгаузена. СПб.: изд. на иждивение гр. С. Г. Строганова, 1884.

¹²¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из персидских сочинений собранные В. Тизенгаузенем и обраб. А. А. Ромаскевичем, С. Л. Волиным. Т. II / [отв. ред. П. П. Иванов]. М.: Издательство Академии наук СССР, 1941.

¹²² Хартахай Ф.А. Историческая судьба крымских татар (статья первая) // Вестник Европы т. II., 1866. С. 182-236.

историю Золотой Орды и Крымского ханства. При этом касаясь вопросов отделения Крыма от Орды и правления Хаджи Гирея и Менгли Гирея, Хартахай по большей части опирается на Богуш-Сестренцевича и некритично цитирует «Историю крымских ханов»¹²³ неизвестного автора, опубликованную на страницах Записок Одесского общества. Соответственно, сегодня эти работы имеют сугубо историографическую ценность и не могут быть использованы в историческом исследовании.

Классическим трудом, посвящённым всеобщей истории Крымского ханства и объединившим в себе практически всю информацию из турецко-татарских сочинений, вышедших до 1887 г., является работа Василия Дмитриевича Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века»¹²⁴.

Первые две части работы концентрируются на истории Крымского улуса в XIII–XV вв. и правлении первых ханов Крыма до попадания государства в зависимость от Османской Империи. В силу специализации исследователя (В. Д. Смирнов – востоковед-тюрколог), работа опирается главным образом на восточные источники и труды турецко-татарских историков с их критическим анализом, однако принимает во внимание и другие современные автору работы. По части задействования геноуэских источников Смирнов в основном опирается на вышеупомянутую фундаментальную работу Гейда. Несмотря на то, что некоторые суждения и выводы Смирнова на сегодняшний день представляются устаревшими или ошибочными (например, касающиеся тождества личности Девлет-Берди и Хаджи Гирея, генеалогии некоторых правителей и т.д.), во многих аспектах его работа до сих пор остаётся актуальной.

Значительный вклад в крымскотатарскую нумизматику, которая, в силу скудости письменных источников в определённые периоды истории региона, представляет крайне важную сферу исследования, внёс Отто Фердинандович Ретовский, опубликовавший ряд каталогов и работ по типологии

---

¹²³ Негри А. Извлечение из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов// ЗООИД, Т. I, 1844. С. 379-392.

¹²⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII–XV вв./Василий Смирнов. М.: Вече, 2020.

крымскотатарских и генуэзско-татарских монет¹²⁵. В более широком рассмотрении монеты Джучидов вообще ещё ранее изучались Христианом Френом¹²⁶.

Представителем некоего переходного этапа от российской имперской историографии к советской можно считать академика Александра Николаевича Самойловича. Как и большинство вышеназванных исследователей, он был связан с факультетом восточных языков Санкт-Петербургского университета, и после революции продолжил работу в Советском Союзе. Однако работы, касающейся ранней крымскотатарской истории и истории поздней Золотой Орды были написаны им до образования СССР¹²⁷.

Политическая программа «коренизации» диктовала новый подход к истории, в особенности к истории национальных меньшинств России. Одной из задач исторической науки в этом отношении должно было быть содействие культурному развитию «угнетённых национальностей России». Это значительно повысило интерес к истории Крымского ханства и способствовало созданию ряда культурных и научных объединений в Крыму, занимающихся его историей¹²⁸. Также особенностью работ этого периода была их концентрация на истории экономики и развития хозяйства региона.

Однако значительная часть научных работ того времени была сосредоточена на более поздних этапах истории ханства и мало затрагивала наиболее ранний период его существования — XV в. Тем не менее, в это время был издан ряд работ, охватывающих всю историю Крымского ханства и неизбежно затрагивающих проблему его образования и ранних этапов развития. Так, например, обзорная статья такого рода, рассчитанная на широкий круг читателей, была написана профессором Сергеем Владимировичем

---

¹²⁵ Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев // ИТУАК № 19. Симферополь, 1893. С. 79–89; Он же. Генуэзско-татарские монеты города Каффы (I) // ИТУАК. № 27. Симферополь, 1897. С. 49–104; Он же. Генуэзско-татарские монеты города Каффы (II) // ИТУАК. № 29. Симферополь, 1899. С. 1–52;

¹²⁶ Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832.

¹²⁷ Самойлович А. Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия. Пг., 1918. С. 1109—1124.

¹²⁸ Прохоров Д.А. Некоторые проблемы изучения истории Крымского ханства в отечественной историографии (1920–1930-х гг.) // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. VII. 2000. С. 371.

Бахрушиным¹²⁹. Точкой отсчета для обзора крымскотатарской истории исследователь избирает XIII в. Основание независимого Крымского ханства прямо называется им детищем «итальянского торгового капитала в союзе с татарскими феодалами». В целом для работы характерен чрезмерный упор на экономику и теорию «торгового капитала», действиями которого объясняются сложные комплексные исторические процессы, что является упрощением и не может быть принято современной наукой.

Краткая характеристика раннего исторического периода существования Крымского ханства даётся в небольшом историко-экономическом очерке Петра Васильевича Никольского «Крым: от Крымского ханства до наших дней»¹³⁰. Примечательно, что исследователь приписывает переход крымских татар от кочевого к оседлому хозяйству влиянию оседлых народов юга полуострова: греков, армян и генуэзцев.

Отдельно хозяйство и государственное устройство Крыма на раннем этапе его истории рассматривает в своей работе «Мухаммед-Гирей, и его вассалы»¹³¹ Владимир Евгеньевич Сыроечковский. Работа посвящена исторической географии и хозяйственной жизни Крымского ханства начала XVI в., которые реконструируются с привлечением и куда более ранних источников – в том числе ярлыков Тохтамыша и Тимур-Кутлуга, а также значительного количества источников, относящихся к правлению Менгли Гирея. Другой значимой работой В.Е. Сыроечковского, в которой затрагиваются торговые отношения Москвы с Крымом и Кафрой является труд «Гости-сурожане»¹³².

После депортации крымских татар в 1944 г., тема крымскотатарской истории на некоторое время оказалась в ряду нежелательных в советской историографии. Этим объясняется отсутствие значительных исследований по истории Крымского ханства в послевоенном СССР. Несколько десятилетий крымские татары фигурируют в исторических сочинениях главным образом в

---

¹²⁹ Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе, № 3, 1936 г. С. 29-61.

¹³⁰ Никольский П.А. От крымского ханства до наших дней / П.А. Никольский. Симферополь: Крымгосиздат, 1929.

¹³¹ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 4-61.

¹³² Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане (XIV-XV вв.). М.-Л.: ОГИЗ, 1935.

качестве антагонистов русских войск и казаков на южных рубежах Российского государства. Тем не менее, вопросы, касающиеся процесса образования Крымского ханства и его международного положения, неизбежно затрагивались в работах, посвящённых истории Золотой Орды и международной обстановке в Восточной Европе.

Так, в 1950 г. выходит в свет монография Бориса Дмитриевича Грекова и Александра Юрьевича Якубовского «Золотая Орда и её падение»¹³³, в которой история образования Крымского ханства и его внешней политики в середине XV в. вкратце излагается в контексте борьбы ханства с другими ордынскими претендентами и правителями. В схожей по тематике работе Магомета Гарифовича Сафаргалиева «Распад Золотой Орды»¹³⁴, вышедшей на десять лет позже, вопрос образования Крымского ханства разбирается куда более подробно: автор приводит данные о воцарении в Крыму Девлет-Берди, тщательно анализирует обстоятельства прихода к власти Хаджи Гирея, задействуя в основном восточные, но принимая во внимание и опубликованные западные, источники.

В работе «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв.»¹³⁵ Игорь Борисович Греков, внося некоторые поправки в свой текст с учётом работы М.Г. Сафаргалиева, практически в том же виде, что и у Б.Д. Грекова, излагает обстоятельства обособления Крымского ханства, однако продлевает анализ его внешней политики вплоть до конца XVI в. Вопросы, связанные с генуэзско-татарским взаимодействием, затрагиваются там крайне поверхностно.

После начала Перестройки в СССР возобновляются исторические исследования на специфически крымскотатарскую тематику, а также продолжаются исследования по истории Золотой Орды заключительного этапа её существования, неизбежно затрагивающие и историю Крымского ханства.

---

¹³³ Греков Б.Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.–Л.: Издво АН СССР, 1950.

¹³⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

¹³⁵ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.

Большую ценность в этом отношении представляет работа Александра Михайловича Некрасова «Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV - первая половина XVI в.»¹³⁶. Несмотря на то, что исследование, как видно из названия, концентрируется вокруг исторической судьбы народов Западного Кавказа, в нем также производится скрупулёзный анализ процесса попадания Крымского ханства в зависимость от Османской империи: рассматриваются ранние дипломатические контакты двух государств, предпосылки турецкой экспансии в Северном Причерноморье и характер турецкого влияния на обстановку в Крыму, а также реконструируется ход событий непосредственно османской военной кампании 1475 г. При этом исследование примечательно задействованием ранее не рассматривавшихся отечественными специалистами источников турецкого происхождения. Вопрос образования и эволюции Крымского ханства отдельно поднимался исследователем в статье «Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках»¹³⁷.

В широком историческом контексте история возникновения независимого ханства в Крыму рассматривается Ильей Владимировичем Зайцевым в его работе «Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.)»¹³⁸. Крымскому ханству в 50-70-х гг. XV в. в работе посвящена отдельная глава.

В статье Марка Григорьевича Крамаровского «Джучиды и Крым: XIII-XV вв.»¹³⁹, посвящённой истории Крыма соответствующего периода, регион рассматривается в общем контексте истории Золотой Орды, затрагивается

---

¹³⁶ Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV - первая половина XVI в. / А. М. Некрасов; отв. ред. А. П. Новосельцев; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1990.

¹³⁷ Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. № 2. 1999. С. 48–58.

¹³⁸ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.): очерки / Центр восточ. культур ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, Ин-т востоковедения РАН. М.: Рудомино, 2004.

¹³⁹ Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв.// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 506–532.

процесс образования там независимого государства и правление на полуострове Хаджи Гирея.

Надо отметить, что исследования этого периода рассматривают процесс образования Крымского ханства, специально не затрагивая вопрос возможного влияния на этот процесс генуэзцев Каффы.

Новейший период в исторических исследованиях, касающихся Крыма, характеризуется значительным ростом археологических раскопок и, соответственно, расширением материальной источниковой базы. В этом отношении в вопросе образования Крымского ханства и раннего этапа его истории особую важность приобретают источники нумизматического характера. Помимо публикаций уже упомянутого ранее А.Л. Пономарёва, в исследованиях крымской нумизматики имеют важное значение работы В.П. Лебедева¹⁴⁰, Ю.В. Зайончковского¹⁴¹, Р.З. Сагдеевой¹⁴² и др.

В XXI в. вышло и несколько крупных работ, посвящённых непосредственно истории Крымского ханства в указанный период. В 2007 г. выходит работа Алексея Гайворонского «Повелители двух материков. Том I: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды»¹⁴³, представляющая собой сборник биографий крымских ханов. Работа по большей части основана на обобщении уже имеющихся в распоряжении исследователей сведений, а также отличается некоторой политической ангажированностью. Проблему процесса распада Золотой Орды исследует в своих работах Р.Ю. Почекаев¹⁴⁴, при этом неизбежно, пусть и поверхностно, затрагивая тему проблему образования Крымского ханства.

Проблема обособления Крымского ханства на самом раннем этапе его истории, до восшествия на престол Хаджи Гирея, рассматривалась в ряде статей

---

¹⁴⁰ Лебедев В. П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 2002. Вып.9. С. 139–149.

¹⁴¹ Зайончковский Ю. В. Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников//Золотоордынское обозрение №4 (3). 2016. С. 534–551.

¹⁴² Сагдеева Р. З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды // Каталогопредделитель. М.: Горячая линия- Телеком, 2005.

¹⁴³ Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды, Киев. Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007.

¹⁴⁴ Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012.

Владиславом Петровичем Гулеви́чем¹⁴⁵. Позже эти материалы были обобщены и хронологически расширены исследователем в монографии «От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг.»¹⁴⁶. Работа является одним из лучших обобщающих трудов, вобравшим в себя практически все известные на момент её выхода сведения о крымских правителях, она стала первым обобщающим исследованием, избавленным от историографических штампов (не соответствующих историческим источникам), касающихся правления Хаджи Гирея, тянущихся ещё из литературы XIX в. Соответственно, ряд выводов, сделанных Гулеви́чем, использовались в настоящем диссертационном исследовании. И тем не менее, в силу расширения источниковой базы темы, продолжающегося до сих пор, в работе Гулеви́ча оказался не учтен ряд важных сведений о рассматриваемом периоде.

В целом можно заключить, что отечественной историографией конца XX–XXI в. был совершён значительный прогресс в изучении раннего периода существования Крымского ханства, главным образом за счёт привлечения новых источников западного происхождения и нового нумизматического материала.

2. Зарубежная историография

На Западе, как и в России, интерес к крымским древностям, в том числе и к истории Крымского ханства, связан с русско-турецкими войнами XVIII в. и присоединением полуострова к Российской империи. К этому же времени относятся первые западные работы, кратко знакомящие читателя с историей и настоящим Крымского ханства¹⁴⁷.

Одной из первых работ, подробно описывающих историю ханства в XV в. и рассматривающих проблему его зарождения, стала глава, посвящённая

¹⁴⁵ Гулеви́ч В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства//Золотоордынское обозрение. 2013. №1. С. 110–146; Он же. Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей//Золотоордынское обозрение №4 (6). 2014. С. 166–196.

¹⁴⁶ Гулеви́ч В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань, 2018.

¹⁴⁷ Пейссонель де Ш.-К. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В.Х. Лотошниковой. Вступ. ст. и ком. В.В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. Киев, 2013; Гунманн И. Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь: Государственное издание Крым. АССР, 1936.

хронологии правления ханов Крыма из труда французского исследователя Луи-Матьё Лангле «Путешествие из Бенгалии в Петербург: По северным провинциям Индии, Кашмиру, Персии, по Каспийскому морю»¹⁴⁸. В качестве основы своего труда учёный использовал различные нарративные источники восточного происхождения и труды восточных историков, вследствие чего работа оказалась не лишена большего количества информации мифологического характера. На немецком языке долгое время главным трудом, посвящённым истории Крымского ханства, оставалась работа австрийского историка-востоковеда Йозефа фон Хаммера-Пургшталя «История ханов Крыма под властью Османской империи»¹⁴⁹, которая также отметилась повторением уже известных, и часто недостоверных, данных.

Английским историком Генри Хойлом Ховортом история Крымского ханства рассматривалась в рамках труда «История монголов с IX по XIX вв.»¹⁵⁰. Однако в разделах о Хаджи Гирее и Менгли Гирее этот труд в основном опирался на предшествующие работы Богуш-Сестренцевича, Вильямина-Зернова, фон Хаммера и Карамзина, не внося значительного вклада в исследование темы.

Эта проблема характерна и для англоязычных обобщающих трудов XX в.: в разделах, посвящённых ранней истории крымскотатарской государственности, опора идет в первую очередь на предшествующую историографию. Такова, например, работа Алана Фишера «Крымские татары»¹⁵¹.

Значимой работой, затрагивающей проблему образования Крымского ханства в ходе распада Золотой Орды, стала работа немецкого исследователя Бертольда Шпулера «Золотая Орда. Монголы в России»¹⁵². В отличие от многих предшествующих обобщающих трудов, эта работа использовала достижения современной историографии, в том числе польской и русской.

¹⁴⁸ Langlès L.M. Voyage du Bengale à Pétersbourg: A travers les Provinces Septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la mer Caspienne, etc. T. III. Paris, 1802.

¹⁴⁹ Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft. Wien: Aus der Hof- und Staatsdruckerei, 1856.

¹⁵⁰ Howorth H.H. History of Mongols from the 9th – to the 19th century. Part II. London: Longmans, Greenand Co., 1880.

¹⁵¹ Fisher Alan W. The Crimean Tatars. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1978.

¹⁵² Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223—1502. Wiesbaden: Otto Harrassowitz[de], 1965.

Отдельно стоит выделить польскую историографию, которая не могла избежать рассмотрения Крымской истории в контексте своей собственной.

В польской историографии история Крымского ханства в отдельной работе впервые рассматривалась Адамом Нарушевичем в его труде «Таврика, или Древние и более поздние сведения о государстве и жителях Крыма до нашего времени»¹⁵³. Ранний период его существования рассматривался исследователем, начиная с правления Хаджи Гирея. Работа имела большое значение для своего времени, так как впервые демонстрировала научный подход в отношении рассматриваемой темы, а также активно задействовала польские и литовские источники.

В дальнейшем в польской историографии история Крымского ханства, как правило, рассматривается в рамках истории дипломатии Польско-литовского государства. Эта тенденция сохранится на протяжении всего XIX в. Например, именно таким образом история Крымского ханства освещена в работе Лукаша Голубовского «История Польши во времена правления Казимира, Яна Ольбрехта и Александра»¹⁵⁴, а также в труде «Взгляд на польские отношения с Турцией и татарами» Юлиана Бартошевича¹⁵⁵.

Следующая работа — «Отношения с Менгли Гиреем ханом перекопских татар»¹⁵⁶, написанная Казимиром Пуласким, целенаправленно касается истории Крымского ханства в XV в. и схожим образом подходит к проблеме. Помимо авторского анализа, книга содержит публикацию источников из Литовской Метрики: дипломатическую переписку между польскими правителями и Менгли Гиреем, а также посольские записи.

Значительный рост публикаций, так или иначе затрагивающих раннюю (и не только) историю Крымского ханства, происходит в Польше после восстановления польского государства в межвоенный период. Так, можно

¹⁵³ Naruszewicz A. Taurika czyli Wiadomosci starozytne i poznieysze o stanie i mieszkancach Krymu do naszych czasow. Warszawa: Edycya T. Mostowskiego, 1805. S. 7–139.

¹⁵⁴ Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3: Dziej Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa: W Księg. I. Klukowskiego, 1848.

¹⁵⁵ Bartoszewicz J., Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami, Warszawa, 1859.

¹⁵⁶ Pułaski, K. Stosunki z Mendli-Girejem - chanem Tatarów perekopskich (1469-1515) : akta i listy, Warszawa: Gebethner i Wolff, 1881.

отметить работу Людвиг Коляновского «История Великого княжества Литовского при династии Ягеллонов»¹⁵⁷. Хотя работа не посвящена непосредственного Крымскому ханству, из неё можно почерпнуть ценные сведения о взаимодействии татар с Литвой и Польшей. Отдельная статья, посвящённая литовско-татарским отношениям при князе Витовте, в том же году была написана Михаилом Жданом¹⁵⁸. Феликсом Конечным была опубликована отдельная статья, рассматривающая отношения с Менгли Гиреем¹⁵⁹.

В целом для этого периода польской историографии и для последующей её эмигрантской части, после образования ПНР, характерен значительный упор на военную историю, в связи с чем исследования, посвящённые Крымскому ханству, сосредотачиваются главным образом на изучении тактики и стратегии крымских татар и их набегах на Польско-литовское пограничье. Вместе с некоторым угасанием интереса к истории польской дипломатии во второй половине XX в. происходит и угасание интереса к Крымскому ханству. Лишь к концу этого периода выходит в свет монография Лешека Подгородецкого «Крымское ханство и его отношения с Польшей»¹⁶⁰, в которой ранний период существования ханства рассматривается не подробно и главным образом с опорой на труды предшественников. Из современных польских работ необходимо отметить основательную монографию Дариуша Колодзейчика «Крымское ханство и Польско-литовское государство: международная дипломатия на периферии Европы (XV-XVIII вв.)»¹⁶¹. Раздел, касающийся XV в., невелик, и в сжатом виде излагает участие Крыма во внутриордынской борьбе, а также обстоятельства получения Казимиром IV ярлыка от Хаджи Гирея в 1461 г. В этом смысле работа примечательна также публикацией и англоязычным переводом ряда источников, в том числе вышеупомянутого ярлыка.

¹⁵⁷ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. 1: 1377—1499. Warszawa: Kasa im. Miałowskiego, 1930.

¹⁵⁸ Żdan M. Stosunki litewsko-tatarskie za czasów Witolda // Ateneum Wileński, r. 7, № 3-4, 1930. S. 529 – 601.

¹⁵⁹ Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem // AW. R. IV. Zesz. 12. Wilno, 1927. S. 140–189.

¹⁶⁰ Podhorodecki L. Chanat krymski i jego stosunki z Polską. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987.

¹⁶¹ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011.

Примечательно, что для польской историографии часто характерно акцентирование польско-литовского фактора в процессе образования Крымского ханства, что связано с характерной источниковой базой этих работ. Подчёркивание роли Казимира IV в этом процессе характерно и для польских и западнорусских нарративных источников. Тем не менее, польско-литовская историография активно задействована в настоящем исследовании в вопросах, касающихся польско-генуэзской и польско-татарской дипломатии, рассмотрение которой необходимо при воссоздании общего международно-политического контекста в Восточной Европе XV в.

Разумеется, в контексте своей отечественной истории, Крымское ханство всегда интересовало и турецкое историческое сообщество. Однако турецкая историография в этом отношении отличается некоторой провинциальностью, опирается главным образом на османские источники и часто игнорирует труды зарубежных историков. Таковы, например, работы Мустафы Кафали¹⁶² или Музаффера Юрекли¹⁶³. Впрочем, они имеют ценность с точки зрения рассмотрения малодоступных турецких источников, которые, однако, не имеют решающего значения для рассмотрения проблемы в силу своей противоречивости и позднего происхождения.

В деле публикации редких синхронных источников тюркского происхождения необходимо отметить работу Акдеса Нимета Курата¹⁶⁴, доступную на русском языке¹⁶⁵. Малодоступные турецкие источники, такие как, например, дефтеры османского Кефе, также рассматриваются в англоязычной работе Халила Иналджика¹⁶⁶.

---

¹⁶² Kafalı M. Altın Orda anlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.

¹⁶³ Ürekli M. Kırım anlığının Kuruluşu ve Osmanlı imâyesinde Yükselişi, 1441–1569. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. Ankara, 1989.

¹⁶⁴ Kurat A. N. Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. Dil ve tarih – coğrafya fakültesi yayınlarından. Tarih serisi 1. İstanbul, 1940.

¹⁶⁵ Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.

¹⁶⁶ İnalçık H. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea: The customs register of Caffa, 1487-1490, Harvard University Press, 1996.

Подводя итог, можно сказать, что в зарубежной историографии вопроса значительный вклад в изучение темы в первую очередь вносит польская и турецкая историография в силу своей опоры на национальные источники и неизбежной необходимости рассмотрения крымскотатарской проблематики при изучении отечественной истории.

Литература на французском, немецком и английском языках, как правило, вторична по отношению к польской и русской историографии и часто носит, скорее, обобщающий характер, по крайней мере, в вопросах, касающихся ранней Крымской истории.

Глава 2: Генуэзцы в Крыму и Золотая Орда до 1419 г.

§1. Появление генуэзских торговых факторий на территории Золотой Орды

Первые выходцы из Западной Европы в Черном море появились ещё в XI–XII в. Вероятно, первыми итальянскими городами, приобретшими тут определённое влияние, стали Амальфи и Пиза¹⁶⁷.

Дальнейшее проникновение в регион Венеции и Генуи обусловлено целым комплексом исторических событий – дезинтеграцией Византийской империи, монгольскими завоеваниями, падением государств крестоносцев и др.¹⁶⁸

Появление в Черном море генуэзцев связано в первую очередь с заключением с императором Никейской империи Михаилом VIII Палеологом в 1261 г. Нимфейского договора. В обмен на помощь в отвоевании Константинополя генуэзцы получали широкие торговые привилегии на территории возрождённой Византийской империи, причём даже более обширные, чем венецианцы имели до того в Латинской империи, а также в их распоряжение был предоставлен торговый район в Галате¹⁶⁹.

Вероятно, именно при таких обстоятельствах в 60-70-е годы и была основана Каффа в результате некоего соглашения купцов с Уран-Тимуром, бывшим в то время наместником Крыма под властью Золотой Орды. Первое упоминание консула Каффы, что говорит об однозначном присутствии официальной власти, датируется 1281 г.¹⁷⁰

С середины XIII в. регион переживает расцвет в качестве крупного торгового центра, находящегося на нескольких крупных транзитных торговых путях, соединяющих как Запад с Востоком, так и Север с Югом. Объединение значительной части евразийского континента под властью Монгольской империи, простирающейся от Жёлтого до Черного моря (а с учетом государств-данников и

¹⁶⁷ Брун Ф. К. Указ. соч. С. 191.

¹⁶⁸ Карпов С. П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма. Т.1. М., 2017. С.314-362.

¹⁶⁹ Жаворонков П. И. Никейская империя и Запад: Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством // Византийский временник. № 36. 1974. С. 119–120.

¹⁷⁰ Balard M. Gènes et la mer. P. 567.

до Адриатического), привело к значительному увеличению объёмов трансконтинентальной торговли. Ханы Золотой Орды в дальнейшем проводили политику, направленную на её поддержку: поддержание монгольской дорожной сети, монетная реформа хана Тохты 710 г. х. (1310–1311), унифицирующая монетную систему страны, относительно невысокие пошлины, составлявшие до 1360-х лишь 3%¹⁷¹.

Все эти факторы в совокупности и обусловили тот интерес, который проявляли к региону итальянские морские республики.

Уже в 1289–1290 гг. Каффа была достаточно крупной факторией с примерно полутора тысячами человек латинского населения, из которых 79% составляли лигурийцы. Восточная торговля (а большая часть её торгового трафика в 90-е гг. уже проходила через черноморский регион) приносила Генуе около 4 000 000 генуэзских лир дохода, что в десятки раз превышало годовые доходы многих монарших дворов Европы¹⁷².

На первых порах город был соперником соседней Солдайи (Судак), где достаточно давно утвердились венецианцы, в торговле с Солхатом – столицей Крымского улуса Орды. В середине XIII в. именно Судак упоминается в качестве основного крымского порта, именно через него в Орду пребывают послы заморских стран – государств Малой Азии и Египта¹⁷³. Однако ещё до захвата Солдайи генуэзцами, она, видимо, проигрывала в конкуренции Каффе, хотя и упоминается в одном ряду с ней в качестве одного из крупнейших городов Золотой Орды ещё в 30-е гг. XIV в.¹⁷⁴ С 1313 г. для поддержки торговли в Каффе генуэзцам было запрещено торговать через неё¹⁷⁵. Вероятно, окончательный упадок главного соперника Каффы происходит именно тогда, после трёхкратного

¹⁷¹ Калан Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово - экономические взаимоотношения во второй половине XIII – XIV вв. Казань, 2012. С. 52–54.

¹⁷² Balard M. Gênes et la mer. P. 547, 554.

¹⁷³ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 191–192.

¹⁷⁴ Там же. С. 236.

¹⁷⁵ Balard M. La Romanie génoise... P. 158.

разорения города силами наместника Солхата Тулек-Тимура в 1322, 1327 и 1328 гг.¹⁷⁶ Впрочем, ряд опустошений довелось пережить и Каффе.

Даже несколько полных уничтожений Каффы не остановили рост лигурийского присутствия в Золотой Орде. В 1298–1299 гг. город со значительной частью Крыма был разграблен по приказу эмира Ногая, якобы за убийство Актаджи – сына дочери темника¹⁷⁷, а до того, в 1296 г. город подвергся нападению Венеции¹⁷⁸. Следующее уничтожение Каффы произошло всего через 10 лет в 1308 г.: в этот раз по приказу хана Тохты за работорговлю татарскими детьми¹⁷⁹, но, возможно, и за контакты с враждебными Джучидам Хулагуидами – монгольскими правителями Персии¹⁸⁰. Население успело оставить Каффу, пустой город был подожжён, и татарам не досталось никакой добычи, правда, хан Тохта приказал конфисковать имущество всех генуэзских купцов, находящихся в тот момент в пределах Золотой Орды. Вернуться к торговой деятельности здесь генуэзцы смогли только в 1313 г.¹⁸¹, уже при хане Узбеке.

Последующий рост благосостояния Каффы, и, как следствие, её значимости для генуэзцев и одновременно привлекательности в качестве цели разграбления для татар, потребовал институционализации генуэзской власти и организации защиты фактории.

В 1316 г. в Генуе была создана Оффиция Газарии (*Officium Gazariae*) и начала формироваться законодательная база в виде *Liber Gazariae*, регулирующая вопросы навигации, судостроения и морского права в регионе¹⁸².

Длинная эпоха правления хана Узбека (1313–1341 гг.) обеспечила определённую стабильность, способствующую экономическому развитию города. Несмотря на достаточно жёсткую политику хана, проводимую им внутри страны, направленную на исламизацию золотоордынской аристократии и ослабление

¹⁷⁶ Крамаровский М.Г. Указ. соч. С. 514.

¹⁷⁷ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 111–112.

¹⁷⁸ Balard M. *Genes et la mer*. P. 496.

¹⁷⁹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 120.

¹⁸⁰ Шпулер Б. Указ. соч. С. 110.

¹⁸¹ Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом//Источниковедение истории улуса Джучи. Казань, 2001. С. 118.

¹⁸² Pistarino G. *Gin dell'Oltremare*. P. 44.

региональных правителей Чингизидов, Узбек дорожил отношениями с западными купцами и теми доходами, которые приносила ему транзитная торговля¹⁸³.

Вероятно, именно в эту эпоху произошло и юридическое закрепление сложившегося порядка, регулировавшего генуэзскую торговлю в границах Орды. Наверняка Генуя получила ярлыки, подобные тем, которые получали в 1332 и 1343 гг. венецианцы¹⁸⁴. Однако эти ранние генуэзские документы до наших дней, видимо, не сохранились.

На протяжении всего времени правления хана Узбека латинское присутствие в Орде только расширялось, в том числе и церковное, несмотря на репутацию Узбека как истово исламского правителя. В 1314 г. он продлевает привилегии францисканцев¹⁸⁵, а в 1318 г. в Каффе учреждается католическое епископство. Задачей римско-католической церкви на Востоке было не только удовлетворение духовных потребностей местной латинской общины. Каффа стала своего рода одним из центров подготовки миссионеров для распространения христианства среди татар и других окрестных народов¹⁸⁶.

Именно в этот период город, после повторного заселения в 1313 г., был полностью перестроен в соответствии с *Ordo di Caffa* — глобальным планом нового городского устройства, разработанного Оффицией Газарии. А к концу правления Узбека в 1340–1352 гг. Каффа весьма своевременно обзаводится ещё и собственными каменными укреплениями¹⁸⁷, что значительно усилило позиции латинян и позволило пережить городу грядущий кризис.

В 1343 г. разразился масштабный кризис торговли, спусковым крючком которого послужили разногласия между венецианским и ордынским купцом. Из-за конфликта венецианца Андреоло Чиврано и татарина Ходжа Омера, в ходе которого последний был убит, обстановка в Тане вышла из-под контроля. Множество европейских купцов было убито и ограблено, латиняне понесли

---

¹⁸³ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 124.

¹⁸⁴ Григорьев А. П. Григорьев В. П. Указ. соч. С. 27, 119.

¹⁸⁵ Хаутала Р. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарий//Золотоордынское обозрение. № 3(5). 2014. С. 35-36.

¹⁸⁶ Pistarino G. *Gin dell'Oltremare*. P. 93.

¹⁸⁷ Balard M. *Genes et la mer*. P. 543.

колоссальные убытки (только генуэзцы – свыше 350 000 флоринов, венецианцы оценят только прямые зарегистрированные потери купцов от инцидента в Танае в 166 215 дукатов¹⁸⁸), а цены на восточные товары в Европе подскочили вверх вследствие прекращения торговли¹⁸⁹.

Тана в качестве торговой фактории перестала существовать, а несколько позже татары уничтожили и торговую факторию пизанцев Порто-Пизано, находившуюся неподалёку¹⁹⁰. Затем новый хан Золотой Орды Джанибек (1342–1357 гг.) предпринял попытку захватить Каффу, которая осталась крупнейшей на территории Орды факторией латинян.

Однако осада сложилась для татар неудачно: в феврале 1344 г. они были вынуждены её снять из-за удачной вылазки генуэзцев¹⁹¹, в ходе которой были уничтожены некие осадные орудия, приготовленные ордынцами. Тем не менее, блокада города с суши продолжалась. Поражение заставило отступить хана лишь ненадолго, в 1346 г. он возвращается к стенам города, где его во второй раз ждала неудача. Тем не менее, эта осада имела серьёзные последствия как для Генуи, так и для всей Европы, и привела к широкому распространению бубонной чумы – как считается, татары забросили в осаждённый город зараженный труп¹⁹². Впрочем, вероятнее, эпидемия чумы попала в Европу из Азии, где она бушевала до 1348 г., вместе с моряками и товарами¹⁹³.

Противостояние с Золотой Ордой даже привело к заключению на некоторое время союза между Генуей и Венецией в 1344 г. Венецианские купцы допускались в Каффу, а обе стороны обязывались не торговать через Тану и в иных владениях хана Джанибека. Стороны надеялись, что экономический ущерб, понесённый ханом, заставит его пойти на переговоры о возобновлении торговли,

¹⁸⁸ Карпов С.П. Итальянские морские республики и Золотая Орда... С. 12.

¹⁸⁹ Григорьев А.П. Григорьев В. П. Указ. соч. С. 79.

¹⁹⁰ Хеллер К. Указ. соч. С. 119.

¹⁹¹ Волков М. О соперничестве Венеции с Генуею... С. 156.

¹⁹² Balard M. Genes et la mer. P. 607-608.

¹⁹³ Карпов С.П. Тана — колыбель Кризиса середины XIV века. С. 207.

хотя настойчивые попытки сделать это исходили именно от венецианской и генуэзской стороны¹⁹⁴.

Несмотря на блокаду Каффы со стороны татар и обязательства не торговать с Ордой, генуэзцы продолжали контрабандную торговлю, на что чиновники Джанибека, также запретившего торговлю с латинянами, смотрели сквозь пальцы¹⁹⁵. Конечно, генуэзцы тоже терпели значительные убытки от блокады Каффы и торгового эмбарго, однако в долгосрочной перспективе кризис мог вылиться в превращение города в единственную факторию западных купцов на Востоке. Очевидно, генуэзцы были заинтересованы в полном сосредоточении восточной торговли в своих руках¹⁹⁶.

Впрочем, венецианцы сумели заключить новое торговое соглашение с Джанибеком и тем самым добились возвращения своих купцов в Тану, что привело к завершению краткого союза между республиками. В дальнейшем поддержка венецианцами Византии в Латинской войне (1348–1349) привела к нескольким стычкам между республиками и в конечном счёте к войне 1350–1355 гг. Война закончилась победой Генуи и запретом для венецианцев три года торговать в Тане. Очевидно, генуэзцы и здесь пытались перенести центр тяжести черноморской торговли с Ордой в Каффу. Впоследствии, чтобы ограничить то значение, которое приобрела Каффа в связи с прекращением на некоторое время торговли через Тану, эмир Зейн-ад-Дин Рамазан (тогдашний правитель Солхата и Солдайи, не принадлежащий к Чингизидам) позволил венецианцам торговать через Провато – городок, находящийся между Каффой и Солдайей¹⁹⁷. В 1358 г. в этот список вошли ещё две крымские гавани: Солдайя (венецианцы были изгнаны оттуда в 1343 г.) и Калиера¹⁹⁸.

Вероятно, к моменту вышеописанной войны с Джанибеком относится начало территориальной экспансии генуэзцев в северном Причерноморье. Речь идёт о приобретении города Чембало в юго-западном Крыму. Подробности этих

¹⁹⁴ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. С. 24–25.

¹⁹⁵ Там же. С. 30.

¹⁹⁶ Волков М. О соперничестве Венеции с Генуею... С. 159–160.

¹⁹⁷ Григорьев А. П. Григорьев В. П. Указ. соч. С. 180–185.

¹⁹⁸ Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв.: в 2 т. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. С. 145.

событий не известны, как и то, в чьём именно владении город был до того. В 1347 г. упоминается глава генуэзской фактории в Чембало¹⁹⁹. Первый нотариальный акт, заключённый в Чембало в 1341 г., упоминается в одном акте из Каффы 1344 г.: «MCCCXXXI die III marcii... .. Pauli de Podio constat publico instrumento scripto in Cimbalo, in ecclesia Sancte Marie de Insula»²⁰⁰. До этого, вероятно, гавань была под управлением неких греческих правителей, находяющихся в зависимости от Золотой Орды. Так или иначе, город играл значительную роль в снабжении Каффы продовольствием на протяжении 1344–1349 гг.²⁰¹

Дальнейшая экспансия Генуи на территории Крыма стала возможна в связи с началом в Золотой Орде масштабной гражданской войны, известной по русским летописным источникам как «великая замятня»²⁰², которая надолго погрузила в хаос пространство Великой Степи. Впрочем, аналогичные процессы в других монгольских улусах начались ещё раньше, что не могло не сказаться на объёмах и интенсивности торговли с Востоком. Падение монгольской власти в Китае и дальнейшая торговая политика династии Мин, которая сделала внешнюю торговлю жёстко регулируемой государством²⁰³, также способствовали этому сокращению.

§2. Каффа в период междоусобных войн второй половины XIV в. в Золотой Орде

Со смертью хана Джанибека в 1357 г. к власти в Золотой Орде пришёл его сын Бердибек. Как сообщает Никоновская летопись: «Сын же его Бердибек по нем сяде на царстве и уби братьев своих 12»²⁰⁴. Впрочем, несмотря на такие меры предосторожности, Бердибек не избежал появления претендентов на его престол.

¹⁹⁹ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. С. 39.

²⁰⁰ Balbi G. Raiteri S. Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV)// Collana storica di fonti e studi. Genova, 1973. P. 112.

²⁰¹ Карпов С.П. История Таны... С. 124.

²⁰² ПСРЛ Т. X. С. 232.

²⁰³ Китай во второй половине XIV–XV в. // История Востока: В 6 т. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. Т. 2. С. 528–546.

²⁰⁴ ПСРЛ Т. X. С. 229.

Ещё при его жизни провозгласил себя ханом некий царевич Кулпа. Примечательно, что провозгласил себя ханом и прочно утвердился он, вероятнее всего, в Тане²⁰⁵. Через какое-то время ему удалось занять и Сарай, однако это не спасло его от свержения и убийства в 1359 г.

В течение нескольких последующих лет ханы менялись калейдоскопично: Навруз (1360), оказывавший покровительство латинянам²⁰⁶, Хызр (1360–1361), Тимур-Ходжа (1361), Орду-Мелик (1361), Кильдибек (1361–1362)²⁰⁷. К 1362 г. на политической арене Орды во весь рост выступает крымский темник Мамай. Ещё в августе 1361 г. он провозглашает в Крыму ханом Абдуллу (Абдуллаха) – сына или внука хана Узбека, а осенью 1362 г. уже занимает Сарай и прогоняет Кильдибека за Волгу²⁰⁸.

Однако надёжно укрепиться в Сарае у Мамай не получилось. В том же году он был разбит Мюридом, ещё одним претендентом с востока, и вынужден был отойти за Волгу. Золотая Орда разделилась, в терминологии русских летописей, на «Муратову орду» и «Мамаеву орду», границей между которыми выступала Волга²⁰⁹.

Несмотря на поражение, которое потерпели верные Мамаю силы в битве на Синих водах в том же году (что, возможно, и обусловило недостаток сил, из-за чего Мамай был выбит из Сарая) от рук литовского князя Ольгерда, Мамай на длительное время стал фактическим правителем западной части Золотой Орды, за некоторыми исключениями. Хаос, в который погрузилась страна, хорошо описывает армянская памятная запись, сделанная в 1363 г.: «И в сие время бытует смута возмущения из-за плотских мироправителей, ибо не существует главы-царя, кто установит мир (и), по Господнему слову, не допустит разделения царства, из-за чего начальник этого города [Сулхат] режет яму, роет ров вокруг

²⁰⁵ Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60-70-х годов... С. 22–24.

²⁰⁶ Карпов С. П. Начало смуты в Золотой Орде и переворот Навруза. С. 532.

²⁰⁷ Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60-70-х годов... С. 29–31.

²⁰⁸ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 158.

²⁰⁹ Там же. С. 128.

города, и много домов с основ разваливает, и разруха – неисчислимая, и каждый опасается <...>»²¹⁰.

Из приведенной надписи следует, что правивший в то время в Крыму Алибек²¹¹, видимо, не был сторонником Мамаю и опасался нападения на Солхат, что и заставило пойти его против старой ордынской традиции не возводить укреплений вокруг своих городов.

Одна из подобных армянских записей 1365 г. сообщает и о приходе в Крым Мамаю: «А написан этот (Лекционарий) в городе Крым, в Земляных жилищах верхних, в лето 814 [1365] месяца августа 23, в (пору) многонародного возмущения, ибо вся страна от Кеча до Сарук'армана здесь собралась – люди и скот, и Мамай в Карасу с бесчисленными татарами, и сей город (Крым) пребывает в сотрясении и содрогании...» и далее там же: «С войною скорбь объяла все границы города Крым, ибо начальник-князь его не смог противостоять, будучи побеждённый, сбежал, и (нападавшие) присоединили к войску около 2000 мужчин и, забрав вместе с припасами оружие, увели на мол.»²¹².

Хаос и занятость на других направлениях не позволили никому из ордынских правителей воспрепятствовать захвату генуэзцами Солдайи и прилегающих к ней 18 селений в 1365 г. Вероятно, в это же время генуэзцы взяли под контроль и гавань Провато, ограничив к ней доступ венецианцам. Это событие, предшествующее занятию Крыма Мамаем, также отражено в записи в другом армянском Лекционарии: «Завершил этот [Лекционарий] в лето Армянское 814 [1365], августа 15... ..в прославленном городе Кафа... ..когда показался в сем году Нэр из рода Исмаелского, и разрушитель, мечом изрубивший род христианский, который и называется именем Чалибэг, и который всю страну, что была поблизости, денно и ночью держал в ужасе и содрогании, почему и по божественному проведению из ромайского и арийского рода по приказу владыки Нерсэса в этом году исполнитель прибыл в кладоносный город, по приказу Ромайцев, по божественному проведению взял город Сугда и

²¹⁰ Саргсян Т.Э. Указ. соч. №71. С. 152.

²¹¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 350, 413.

²¹² Саргсян Т.Э. Указ. соч. №77 С. 158–159.

арестовал все, что в нем находилось, а что (до) Исмаелян и Ебраи [мусульман и евреев], кто суть враги креста Христова и христиан, (то) всех полностью истребил и имущество предал [конфисковал]»²¹³.

Как мы видим, согласно армянской записи, поводом к захвату Солдайи генуэзцами послужили действия, предпринимаемые против Каффы неким Чалибеком – вероятно, тем же Алибеком из арабских источников, правителем Солхата. По мнению В. Л. Мыца, Алибек мог являться креатурой наместника Солхата Кутлуг-Тимура²¹⁴, а не быть самостоятельным правителем, что решает противоречие между источниками, называющими в один и тот же период правителями Крыма в одних случаях Алибека, в других некоего Темира²¹⁵.

Трудно точно определить характер отношений Каффы с Мамаем. Исходя из приведённых выше записей можно заключить, что в 1365 г. они действовали против общего противника в лице Алибека и Кутлуг-Тимура, однако достоверно неизвестно, существовали ли между ними в этом отношении какие-либо договорённости. По мнению М. Г. Крамаровского, Мамай занял Крым только в 1371 г.²¹⁶, и в 1375 г. заставил генуэзцев вернуть 18 селений судакской долины ордынцам²¹⁷.

Наиболее ранняя сохранившаяся книга массарии Каффы относится к 1374 г. и существенно расширяет представления о крымской политике того времени. Период между 1365 и 1374 г. скудно освещён в источниках, и точно сказать, что происходило в Крыму на протяжении этих десяти лет, сложно. По мнению А. В. Джанова, генуэзцы продолжили политику вмешательства в ордынскую междоусобицу, на что имеются лишь косвенные указания²¹⁸.

3 ноября 1374 г. массария фиксирует трату 383 аспров на приём нунция (посланника) от господина Солхата Хаджи-Мухаммеда (*domino Agimachometi, domino de Sorcati*), а 13 и 20 декабря ещё 105 и 158 аспров уже на приём и

²¹³ Саргсян Т. Э. Указ. соч. №76 С. 157.

²¹⁴ Мыц В. Л. Каффа и Феодоро... С. 43.

²¹⁵ Там же. С. 38.

²¹⁶ Крамаровский М. Г. Указ. соч. С. 518.

²¹⁷ Balard M. *La Romanie Genoise*... P. 161.

²¹⁸ Джанов А. В. Крым и Каффа во второй половине XIV в. С. 55.

подношение (алафа) нунцию самого Мамаю (*nunciis domini Mamay*)²¹⁹. Дальнейшие записи также свидетельствуют о вполне мирных отношениях. 9 июня датируется запись о тратах на снаряжение посольства в Орду во главе с послом Рафаэлле де Трави (*Ambaxiata missa in Lordo ad dominum imperatorem Tartarorum et Marnai, de qua est ambaxator dominus Raffaël de Travi*)²²⁰. В сумме все расходы на миссию составили 31 726 аспров²²¹. В целом книга массарии за 1374–1375 гг. свидетельствует об относительном спокойствии в Каффе, немногочисленная дипломатическая активность проходит фактически в рутинном режиме²²².

Куда более насыщенными событиями оказались последующие 80-е гг. На протяжении всех 70-х гг. Мамай вёл борьбу с новыми претендентами на трон Золотой Орды: Урус-ханом, Хаджи-Черкесом и Каганбеком. С 1373 г. испортились его до того неплохие отношения с княжествами северо-восточной Руси, они перестали выплачивать ему дань, и эмир лишился важного источника дохода²²³. Возможно, его активность на крымском направлении в 1374–1375 гг. связана именно с попыткой поправить пошатнувшееся материальное положение. Максимизации доходов должны были послужить и выданные Мамаем привилегии купцам Кракова (1372) и Львова (1379)²²⁴.

Тем не менее, ряд неудач в конце 70-х гг. подвели его к окончательному поражению от рук нового претендента с востока – Тохтамыш: это очередная утрата контроля над Поволжьем, поражения от русских войск на Воже (1378) и на Куликовом поле (1380), а в наибольшей степени – смерть Мухаммед-хана, очередной марионетки на престоле, которого Мамаю было просто нечем заменить²²⁵.

Русские летописи сообщают о том, что после битвы на Калке (1380), где Мамай потерпел поражение от Тохтамыша, к которому перешла большая часть

²¹⁹ Jorga N. *Op. cit.* P. 32.

²²⁰ *Ibid.* P. 32–33.

²²¹ Джанов А.В. Крым и Каффа во второй половине XIV в. С. 60.

²²² Там же. С. 61–62.

²²³ Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 165–166.

²²⁴ Хеллер К. Указ. соч. С. 119.

²²⁵ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 170.

его армии, он бежал в Каффу, где был убит²²⁶. В генуэзских источниках, однако, прямых подтверждений этому не находится.

После поражения Мамаю и воссоединения Золотой Орды под властью Тохтамыша генуэзцы заключают с правителями Солхата договор, который легитимизировал их власть над Солдайей и казалиями (сельскими поселениями) Готии и Солдаи. По какой-то причине он за короткий промежуток времени был заключён дважды: в 1380 и в 1381 г.²²⁷ Эти два договора являются наиболее ранними сохранившимися генуэзско-ордынскими соглашениями.

Причиной заключения двух договоров, вероятно, являлась смена власти в Крыму. В договоре от 28 ноября 1380 г. в качестве господина Солхата фигурирует некто Черкасс бей (*Pharcasso segno*)²²⁸, имя «императора», от лица которого он действует, не упомянуто, однако в списке свидетелей со стороны татар есть некто Омар-Ходжа, «поверенный императора Конак-бея» (*Omarcoia messo de lo Imperao Conachbey*)²²⁹. Кем был Конак-бей точно сказать нельзя, можно лишь предположить возможность того, что он был неким краткосрочным правителем, креатурой Мамаю или даже самостоятельной фигурой, провозгласившей себя ханом в чрезвычайно краткий период между окончательным поражением Мамаю и установлением власти Тохтамыша на полуострове.

Второй договор от 23 февраля 1381 г. генуэзцы заключали уже с Ильясбеем, сыном Кутлуг-буги (*Ellias segno fïio de Inach Cotoloboga*)²³⁰, действующим уже от имени Тохтамыша.

Тексты договоров практически идентичны, за исключением незначительных отличий. Так, условия предполагали, что «все франки, которые живут в Каффе и в городах Великой коммуны, все будут верными и преданными императору, что они будут друзьями его друга и врагами его врага, и те, что в её городах и крепостях не примут врагов императора, ни тех баронов, которые отвернут лицо от императора, и будут возвеличивать имя императора со всей своей силой, как

²²⁶ ПСРЛ Т. IV С. 83.

²²⁷ Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381... С. 698–703, 704–708.

²²⁸ Там же. С. 699, 701.

²²⁹ Там же. С. 701, 703.

²³⁰ Там же. С. 704, 707.

это делали во времена прежних императоров» (tuti li fra[nc]hi chi s[ta]m in Caffa , e in le Citay de lo grande | Comun , che tuti seram fide e leay a lo Imperao , A lo so amigo [a]mixi seram, de lo so Inimigo | Inimixi seram. A le soe Citay ni a le soe castel[le non li] re[cete]ram [l]i inimixi de lo Imperao , ni | anchora queli baroyn , chi vozeram viso da lo Imperao , E accresceram lo nome de lo Imperao segundo | lo lor poey , si como i faxeam per li Imperaoy passay)²³¹.

Дальнейшие условия предполагают право татар посылать в Каффу titam (вероятно, то же что и titanus), который будет вершить суд над подданными хана в Каффе, а также ханского коммеркиария (comeriha de lo Imperao), который будет собирать ханский коммеркий – торговую пошлину, она же «тамга». Также договор предполагал передачу Каффе 18 казалий Солдайи, казалий Готии от Солдайи до Чембало и три казалии самого Чембало. Здесь тексты договоров отличаются, в договоре 1380 г. о казалиях Чембало речи не идёт, зато подчёркивается христианское вероисповедание жителей Готии.

Генуэзцы и обитатели Каффы получают право сеять и пасти скот на землях хана при условии уплаты сельскохозяйственного налога – амбара (l'ambar). Гарантируется безопасность для торговцев на землях Орды, а также взаимный обмен беглыми рабами с уплатой вознаграждения за поимку в 35 аспров²³².

Вероятно, условия договора, за исключением пункта о передаче земель под непосредственный контроль генуэзцев, должны быть весьма близки к условиям неизвестных нам более ранних договоров, существование которых можно лишь предполагать.

В начале 80-х гг. XIV в. Каффа поддерживает дипломатические отношения с «императором Таны», который в марте 1381 г. присылает в дар городу 16 коней²³³. Под императором Таны, вероятно, следует понимать хана Тохтамыш, недавно утвердившегося в западной части Золотой Орды. Этот традиционный

²³¹ Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381... С. 705, 707.

²³² Там же. С. 705, 707.

²³³ Джанов А.В. Крым и Каффа во второй половине XIV в. С. 69.

подарок сообщает о том, власть какого хана признавали в Крыму. В том же году генуэзцы снаряжают посольство к Тохтамышу²³⁴.

Тем не менее о стабильности в Крыму в 80-е гг. говорить все ещё не приходится. 1383 г. ознаменовался новыми боевыми действиями на генуэзской территории. Об этом событии сообщает армянская памятная запись: «...в лето 832 [1383], когда хан Полат по Кафе ударил и когда, уходя, и святое Евангелие забрали в плен в Орабазар, в Экикез...»²³⁵. Упоминаемый тут хан Полат (Пулад) трудно идентифицируем, правитель с таким именем действовал во время смуты в Орде в 1362–1365 гг., однако в 80-е гг. он давно выбыл из междоусобной борьбы²³⁶. В книгах массарии Каффы 1386–1387 гг. встречается «император» Бек-Булат, который также может отождествляться с Пуладом 1383 г.²³⁷ Он ли вёл боевые действия против Каффы в указанный период? Причём, судя по другой памятной армянской записи от 1384 г., действия татар против Каффы и друг друга не прекращались: «...настало завершение сего [Лекционария] во время весьма недоброе, ибо из-за обильных, как море, грехов наших, в Северных сторонах, по злему наущению скопившись, князья и тысячники друг друга умерщвляют, упрямясь незлопамятной и немстительной (воле) встретиться со всеми своими, потому мы... ..вновь будем разграблены из-за грехов наших»²³⁸. Схожая по содержанию запись уже 1386 г.: «в лето Армянское 835 [1386]... .. в горькое время, в ханство Тохты и при господине [города] Крыма Сайисалэ, который и, сам снявшись в поход, на Кафу пошёл, передовую стражницу [форпост] внезапно (атаковал) и много вреда нанёс, и много пленных взял, и награбленного вынес, и много монастырей и церквей разорил и сжёг снаружи крепости, но внутри не смог. А затем отправился на Сугда и вернулся побеждённый, осрамлённый и сломленный. И (напав) на многие другие окружные села – до Хыпчага, включая и Йичэл (?), много нужды привнёс в страну. И многие из его воинов, пронзённые, погибли, раздавившись под колесами [телег, арб?], и многие другие изранены

²³⁴ Джанов А.В. Крым и Каффа во второй половине XIV в. С. 69.

²³⁵ Саргсян Т.Э. Указ. соч. №100 С. 184.

²³⁶ Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 180.

²³⁷ Джанов А.В. Крым и Каффа во второй половине XIV в. С. 95.

²³⁸ Саргсян Т.Э. Указ. соч. №102 С. 186.

были»²³⁹. Упомянутый здесь Сайисалэ более ни в каких источниках не упоминается, возможно, это лишь обозначение титула, либо искажённое до неузнаваемости тюркское имя.

Боевые действия в 1386–1387 гг. действительно шли, они известны нам под названием «Солхатская война». Связана она была, вероятно, с участием Каффы в татарской междоусобице, произошедшей в этом году в Крыму. Массария Каффы 1386–1387 г. сообщает нам: «Государь император Бек Булат и два других оглана, находящихся с ним в войске под Каффой» (*Dominus Vesbolat Inperator et duo alio gollani cum eo in exercitu contra Caffa*)²⁴⁰. Это свидетельствует о том, что в июле-августе 1386 г. генуэзцы признали ханом Бек-Булата, а не Тохтамышша, который признавался до этого. Бек-Булат был одним из полководцев хана, так он командовал армией, которая вторглась в Азербайджан зимой 1385–1386 гг.²⁴¹ Возможно, признание местного правителя было призвано прекратить боевые действия против Каффы, которая до того отказалась поддержать эти притязания.

В этот период генуэзцы были вынуждены прибегнуть к защите и значительно увеличить военные расходы, заняться ремонтом укреплений и усилить охрану. Когда Бек-Булат столкнулся с верными Тохтамышу силами, Каффа, видимо, вынуждена была перейти на их сторону. Об этом сообщают записи в книге массарии о тратах на вооружение людей и бомбарды в войске Кутлуг-буги в Солхате²⁴².

В случае, если это действительно так, карьера Бек-Булата выглядит весьма интересно. В конце 70-х гг. он выступает в качестве противника Тохтамышша²⁴³, зимой 1385-1386 г. он уже командует армией Тохтамышша в войне с Тимуром – правителем Чагатайского улуса, а летом 1386 г. провозглашает себя ханом в Крыму, но уже через несколько месяцев покоряется Тохтамышу вновь и участвует на его стороне в битве при Кондурче против того же Тимура в 1391

²³⁹ Саргсян Т.Э. Указ. соч. №103 С. 188.

²⁴⁰ Пономарёв А. Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат... С. 20.

²⁴¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 151.

²⁴² Джанов А.В. Крым и Каффа во второй половине XIV в. С. 101.

²⁴³ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. С. 191.

г.²⁴⁴, и только в 1391–1392 гг. вновь выступает против Тохтамыша, успевает занять Сарай и отчеканить собственную монету²⁴⁵, а затем вновь бежит в Крым, где и оказывается разбит Тохтамышем и казнён²⁴⁶. Даже по меркам того времени такая карьера все же представляется невероятной, и однозначную реконструкцию событий 1386 г. в Крыму ещё предстоит сделать в будущем.

Каффа, вероятно, в этой борьбе лавировала между различными татарскими фракциями, поддерживая того правителя, который в данный момент был способен нанести ей наибольший урон, и тем самым пыталась избежать возможности его нанесения. В 1387 г. генуэзцы подписывают мирное соглашение с Кутлуг-бугой, который действовал от имени хана Тохтамыша, подтверждая условия соглашения 1381 г.²⁴⁷

Войны Тимура и Тохтамыша завершились поражением последнего в битве на р. Терек и катастрофическим разорением центральных областей Золотой Орды в 1394–1396 гг.²⁴⁸ В 1395 г. Тимуром была разорена и Тана²⁴⁹, однако сообщения арабских историков о разорении им в этот период ещё и Крыма²⁵⁰ не соответствуют действительности, так как не подтверждаются ни персидскими, ни западными источниками. В Тана торговля восстановилась лишь через несколько лет к 1397–1398 гг.²⁵¹

Девяностые годы ознаменовались также и продолжением смуты в Крыму. В 796 г. х. (14 ноября 1393 г. – 3 ноября 1394 г.) в Крыму провозгласил себя ханом Таш-Тимур, что известно по серебряным дангам с легендой «Султан/Таш Тимур хан/Да продлится его правление»²⁵² – Тука-Тимурид крымского происхождения, потомки которого в будущем воплотят в жизнь крымский сепаратистский проект. Р. Ю. Почекаев считал, что правление Таш-Тимура было своего рода

²⁴⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. С. 167–168.

²⁴⁵ Зайончковский Ю. В. Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников//Золотоордынское обозрение №4 (3). 2016. С. 544.

²⁴⁶ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 393.

²⁴⁷ Basso E. Genova: un impero sul mare. P. 280.

²⁴⁸ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 184–187.

²⁴⁹ Там же. С. 180.

²⁵⁰ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 442, 454, 531.

²⁵¹ Карпов С. П. Как феникс из пепла... С. 507–508.

²⁵² Лебедев В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII - нач. XV в.) //Вестник одесского музея нумизматики. Одесса, 2000. С. 19.

продолжением крымского мятежа Бек-Булата 1391–1392 гг.²⁵³ Оно так же продлилось недолго.

После 1395 г. Тохтамыш вынужден был бежать в Великое княжество Литовское и оттуда пытался вернуться на престол. Помощь князя Витовта не помогла Тохтамышу, в 1399 г. он потерпел сокрушительное поражение на р. Ворскле от рук Тимур-Кутлуга и его бекляри-бека Едигея – лояльного Тимуру правителя Золотой Орды. Тем не менее, Тохтамыш вплоть до своей смерти в 1406 г. не прекращал вести борьбу с Едигеем и подконтрольными ему ханами, после чего её продолжили его сыновья²⁵⁴.

В этой борьбе Таш-Тимур и его потомки, как показали дальнейшие события, как ни странно, оказались на стороне Тохтамыша и его сыновей.

* * *

Таким образом, генуэзские фактории во владениях Золотой Орды появились в конце XIII в. вследствие сокращения торгового влияния Генуи на южных рынках Египта, Сирии и Палестины и осознанного «разворота на север», которой до того признавался зоной влияния венецианцев. Тем не менее, сама по себе торговля в этом регионе велась ими, вероятно, ещё с XII в.

Вторым важным условием самой возможности появления факторий стала политика ханов Золотой Орды (Менгу-Тимура, Тохты и Узбека), направленная на поддержку торговли, развития системы путей сообщения в монгольском пространстве, а также относительная политическая стабильность в Евразии.

В дальнейшем хан Джанибек предпримет попытку установить больший контроль над латинской торговлей Орды, что выльется в разгром Таны в 1343 г. и осаду Каффы 1344–1349 гг. В сущности, Каффа, благодаря своей укрепленности, станет единственной латинской факторией, обладающей относительной

---

²⁵³ Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 202.

²⁵⁴ Там же. С. 211.

политической волей и свободой манёвра в отношениях с ханами Орды. Однако, без сомнения, генуэзцы никогда не были заинтересованы в конфликте.

Дальнейшая политическая дестабилизация в Золотой Орде, начавшаяся со смертью хана Джанибека, создала дополнительные проблемы, но вместе с тем и открыла новые возможности для генуэзцев.

Впрочем, реализуемая ими в 40-60-е гг. политика по расширению генуэзских владений за счёт золотоордынских земель в сущности была оборонительной. Покорённые земли Солдайи, Чембало и их сельской округи, а также селения Готии должны были обеспечить хотя бы частично продовольственную безопасность Каффы и препятствовать возможности создания на побережье конкурентного порта, который мог бы стать военно-морской базой для морской блокады города, что однозначно привело бы к гораздо большей зависимости от правителей Крыма и Орды. К тому же конкурентный порт мог бы серьёзно сократить доходы фактории.

Расширение владений было признано ордынцами в рамках договора 1381 г., однако ввиду политической нестабильности в стране, вероятно, далеко не все татарские правители готовы были с ними считаться, что и привело к боевым действиям против Каффы в 1383–1384 и 1386-1387 гг. Договор 1387 г. подтверждает условия 1381 г. и заканчивает этот переходный период. Эти боевые действия свидетельствуют и о том, что позиция Каффы имела определённое значение в рамках борьбы за власть над Крымом, и город, в сущности, стал одним из постоянных участников внутриордынской политики.

Что касается Крыма, следует отметить, что этот улус в длившейся почти полвека междоусобной борьбе в Орде выступил в качестве одного из «генераторов ханов», часть из которых и сегодня известна нам лишь по единичным упоминаниям в генуэзских документах. В конце 80-х – нач. 90-х гг. в Крыму провозглашается ханом Бек-Булат (1386 (?), 1391–1392 гг.), а затем и Таш-Тимур (1394–1395). Кратковременное правление последнего из них имело решающее значение в дальнейшей истории Крыма.

Глава 3: Крымский улус и Каффа в 1419–1441 гг.

§1. Крымский улус в 1420-1430-е годы

На протяжении многих лет изучения в качестве даты основания Крымского ханства историками называются различные годы: это и 1419²⁵⁵, и 1427²⁵⁶, и 1442²⁵⁷, и 1449²⁵⁸. Причиной такого разнобоя служит недостаток синхронных письменных источников по данному периоду, а также различные критерии их оценки, что в совокупности с крайней степенью политической нестабильности, охватившей в то время территорию Золотой Орды, делает задачу реконструкции событий того времени достаточно сложной. Второй причиной подобных разнотолков является также постепенность, растянутость во времени процесса обособления Крымского улуса Золотой Орды в отдельное государство, что само по себе ставит вопрос о границе, разделяющей Улус и Ханство, ханского наместника и хана. В связи с этим имеет смысл изложить довольно сложную политическую историю Крыма рубежа XIV-нач. XV в.

Крымский улус являлся одним из наиболее доходных и стратегически важных регионов Золотой Орды, что в первую очередь обуславливалось географическим положением полуострова и прилегающих к нему территорий. Высокая доходность объяснялась тем, что именно на территории улуса располагались основные торговые терминалы северного маршрута Великого Шелкового Пути. К тому же регион был одной из немногих территорий Золотой Орды с большим количеством оседлого населения и несколькими крупными городскими центрами.

Ещё одним фактором, определявшим политическую обстановку в Крыму, несомненно, являлась близость полуострова к Литовским границам, делавшая Крымский улус первым шагом на пути к власти в Орде для татарских царевичей, приходивших из Литвы. Именно эта страна служила прибежищем для

---

²⁵⁵ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 158–190.

²⁵⁶ Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика. С. 99–140.

²⁵⁷ Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. С. 110–146.

²⁵⁸ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 250.

многочисленных политических мигрантов из Золотой Орды, там они могли оказаться вне зоны влияния её правителей. Этим обстоятельством регулярно пользовались литовские князья.

Соответственно, в разгар междоусобных войн между золотоордынскими ханами Крымский улус зачастую становился желанным владением и удобным трамплином для захвата «Тахт-Эль» – Престольного владения, и, соответственно, власти над всей Золотой Ордой.

Особенно важное значение регион приобрёл для потомков тринадцатого сына Джучи – Тука-Тимура. Связано это было с тем, что потомки именно этого татарского царевича регулярно занимали пост наместника Крымского улуса: в 70-е гг. XIII в. (Уран (Уз)-Тимур), в 20–30-е гг. XIV в. (Тулук-Тимур), в 1350–1351 гг. (Али-бек), в 1358–1365 гг. (Кутлуг-Тимур), и наконец в 1394–1395 гг. Таш-Тимур – непосредственный предок первых ханов Крыма²⁵⁹.

Именно в рассматриваемый период потомки Таш-Тимура стали предпринимать активные попытки завладеть Крымом, а за счёт него в дальнейшем и всей Ордой. Видимо, представители именно этой ветви Чингизидов сформировали с Крымом и его элитами особую связь, которая вылилась в своего рода династическую традицию владения улусом. Это обеспечивало некоторую постоянную поддержку Таш-Тимуридов в среде крымских беев. Впрочем, как покажут дальнейшие события, точную степень этой приверженности и её династические границы в рамках генеалогии Тука-Тимуридов, провести довольно сложно.

Происходило это, однако, на фоне достаточно сложной политической ситуации, выражающейся в противостоянии между ставленниками темника Едигея и ханом Тохтамышем, а после его смерти в 1406 г. – с его сыновьями. На начало XV в. именно первые признавались ханами в Крыму. Таковыми в самом начале XV в. были Шадибек-хан (1398–1407) и Пулад-хан (1407–1411)²⁶⁰. Судя по всему, их власть распространялась и на Крым, что подтверждается

---

²⁵⁹ Гулевич В.П. Тука-Тимуриди і західні землі улусу Джучі в кінці XIII–XIV ст. С. 138–178.

²⁶⁰ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 212.

нумизматическим материалом²⁶¹, а также генуэзскими источниками (ещё в апреле 1411 г. Каффа отправляла посла в Орду к «императору Тартарии и князю Едигею»)²⁶².

Сыновья Тохтамыша же были вынуждены скрываться в Литве, пользуясь покровительством Великого князя Витовта²⁶³. С учётом этого обстоятельства Крым естественным образом становился первой целью вторжения, тем более, с учётом того, что имеющие в Крыму определённую долю поддержки Таш-Тимуриды были сторонниками Тохтамышевичей. Именно в таком качестве в Крыму летом 1411 г.²⁶⁴ в свите Джалал-ад-Дина, сына Тохтамыша, появляется Бек-Суфи, сын Таш-Тимура, который позже остался в Крыму и не последовал за своим ханом в Сарай²⁶⁵.

Правление Джалал-ад-Дина продлилось не очень долго, в 1412 г. его ещё признавали в Крыму²⁶⁶, а уже в 1413 г. он оказывается свергнут и убит своим братом Керим-Берди: «застрелен на войне от своего брата Керим Бердея»²⁶⁷ или же другим братом Кепеком, а тот уже в свою очередь Керим Берди²⁶⁸.

Новому хану Крым покоряется не сразу: в 1414 г. Керим-Берди совершает поход на полуостров, который сопровождался грабежами и разрушениями: «...султан Керимперти в Крым пришел, для многих великая нужда настала, грабительство было...»²⁶⁹. Такое поведение хана может указывать на то, что, в отличие от своего брата, он поддержкой у крымской знати не пользовался.

Подчинение Крыма не спасло Керим-Берди от поражения, в том же 1414 г. его свергает собственный брат Кепек²⁷⁰ лишь для того, чтобы и самому быть свергнутым очередным ставленником Едигея – Чекре и вновь укрыться в Великом княжестве Литовском²⁷¹ вместе со своим братом Джаббар-Берди²⁷².

²⁶¹ Гулевич В.П. Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг. С. 167–168.

²⁶² Jorga N. Op. cit. P. 44.

²⁶³ Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430... №395. P. 168.

²⁶⁴ Jorga N. Op. cit. P. 46–47.

²⁶⁵ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 165–166.

²⁶⁶ Саргсян Т.Э. Указ. соч. №114 С. 201.

²⁶⁷ ПСРЛ Т. XI С. 219.

²⁶⁸ Schiltberger J. Op. cit. S. 90-91.

²⁶⁹ Саргсян Т.Э. Указ. соч. № 117 С. 206.

²⁷⁰ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 403.

²⁷¹ Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430... №683 S. 350.

Точно установить, кто был правителем Крыма в промежутке между 1414 г. и 1417 г., сложно. Вероятнее всего, там признавали в качестве правителя ставленников Едигея – Чекре, а затем и Дервиш-хана. Дальнейшую борьбу с Едигеем продолжил один из младших сыновей Тохтамыша – Кадыр-Берди, в 1419 г. в решающем сражении с войсками темника он был убит, однако и сам Едигей вскоре погиб. Таким образом, многолетнее противостояние Едигея с Тохтамышевичами обернулось вакуумом власти, который вскоре занял Улуг-Мухаммед²⁷³ – племянник Таш-Тимура, и, соответственно, представитель крымской ветви Тука-Тимуридов.

Именно с 1419 г. наблюдается начало процесса выделения Крыма в полунезависимый регион со своим правителем, что находит отражение и в генуэзских источниках, начинающих разделять «императоров Большой Орды» (*Imperator de Lordo Magno*)²⁷⁴ и «императоров Солхата»²⁷⁵. Эту разницу видит и посетивший Крым в 1421 г. бургундский посол Жильбер де Ланнуа (у него видим «*empereur de celle Tartarie*», «*empereur de Lourdo*» и «*l'empereur de Salhat*»)²⁷⁶. Первым таким императором Солхата стал уже упоминавшийся сын Таш-Тимура Бек-Суфи.

О его приходе к власти в Крыму в 1419 г. свидетельствуют серебряные данги с его именем, отчеканенные в этом году (822 г. х.) на монетном дворе полуострова, и легендой «Султан/Справедливый/Бек Суфи/хан»²⁷⁷.

Нельзя точно говорить о характере его отношений с Улуг-Мухаммедом, который, как считается, пришёл к власти в Орде именно за счёт поддержки крымских беев и, в частности, Тегине Ширина²⁷⁸. Было бы странно предположить, что в одном и том же году крымские беи могли поддержать выдвижение собственного хана на престол Орды и некий локальный сепаратистский проект. В то же самое время известен и тарханный ярлык хана Мухаммеда крымским

²⁷² Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430... №757 S. 397.

²⁷³ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 532–533.

²⁷⁴ Пономарёв А.Л. Первые ханы Крыма... С. 163

²⁷⁵ Jorga N. Op. cit. P. 49.

²⁷⁶ Guillebert de Lannoy. Op. cit. P. 41-42.

²⁷⁷ Пономарёв А. Л. Хан Крыма Бек Суфи, его законные данги и лже-Едигей. С. 76–84.

²⁷⁸ Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 229.

землевладельцам братьям Туглу-баю и Хызру, датируемый 15 апреля 1420 г.²⁷⁹, что говорит о контроле Крыма ордынским правителем.

Известны и монеты Бек-Суфи 823 г. х. (25 января 1420 г. – 13 января 1421 г.) с той же легендой «Султан/Справедливый/Бек Суфи/хан»²⁸⁰. Насколько возможно было сохранение титула хана в условиях подчинения хану Орды на тот момент – вопрос сложный. Мог ли быть Бек-Суфи ханом Крыма, признавая верховную власть хана Орды?

В случае если в 1419–1421 гг. в Крыму действительно правил Бек-Суфи, находясь во враждебной Улуг-Мухаммеду позиции, странным выглядит сообщение де Ланнуа о начале вражды между крымскими беями и императором Орды по вопросу престолонаследия²⁸¹, ведь в случае если крымские беи и так были враждебны Мухаммеду, вражда должна была продолжаться уже довольно давно, да и мнение враждебного хана не должно было бы волновать сторонников Таш-Тимуридов.

Де Ланнуа также сообщает о большой дружбе между Бек-Суфи и Витовтом, с которым и у Улуг-Мухаммеда складывались довольно хорошие отношения²⁸².

Соответственно, скорее всего, Бек-Суфи признавал верховную власть Улуг-Мухаммеда, а после смерти правителя улуса осенью 1421 г. в Крыму уже случился раскол по вопросу кандидатуры «императора Солхата». По каким-то причинам хана не устраивала кандидатура Девлет-Берди – брата Бек-Суфи²⁸³. И почти все 20-е годы в Крыму мы видим постоянные попытки Девлет-Берди занять место покойного брата. А. Л. Пономарёвым на основе неопубликованных полностью (частичная публикация произведена Н. Йоргой ещё в XIX в.²⁸⁴) массарий Каффы за 1420, 1422, 1423 и 1424 г. была составлена достаточно

²⁷⁹ Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. С. 114–136.

²⁸⁰ Лебедев В. П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 2002. Вып. 9. С. 139–149.

²⁸¹ Guillebert de Lannoy Op. cit. P. 41-42.

²⁸² Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430... №1380 S. 865–866.

²⁸³ Автор придерживается генеалогии Бек-Суфи, предложенной А. Л. Пономарёвым

²⁸⁴ Jorga N. Op. cit. P. 25-145.

подробная периодизация постоянной смены власти в Крыму в первой половине 20-х.

Массарии фиксируют правление Девлет-Берди на полуострове с ноября 1422 г. по июнь 1424 г., летом этого года на некоторое время Крым занимает Улуг-Мухаммед. Затем снова с августа 1424 г. по май 1425 г. правит Девлет-Берди, пока Крым вновь не занимает хан Золотой Орды. На этот раз Мухаммед пробыл в Крыму до февраля 1426 г.²⁸⁵

Уже весной 1426 г. новый старый хан возвращается в Солхат. На этот раз Девлет-Берди пытается наладить отношения с Великим князем Витовтом при посредничестве армянина Ованеса из храма св. Франциска в Каффе. В своём письме Витовту от 2 мая он сообщает, что Девлет-Берди «вошёл в Солхат и в этом селении пребывает, всегда вопрошая вашей милости» (*Daulatberdi imperator intravit in Sulchati et in hac habitat semper vestram improlando graciam*). Хан раскаивается в тех несправедливостях, которые он делал в отношении князя раньше, по совету дурных людей. Также в этом письме содержится другая интересная просьба – удержать 1000 аспров, которые задолжал ему некий господин татар (*tertarum dominus*) Нессоуа²⁸⁶, до его прибытия.

Конечно, довольно трудно однозначно прочесть эту латинизацию тюркского имени, однако одним из вариантов чтения может быть Хаджа или Хаджи²⁸⁷. Вполне вероятно, что молодой Хаджи Гирей уже тогда мог выполнять поручения, в том числе и дипломатические, своего дяди, тем более с учётом того, что юный царевич был рождён в Литве²⁸⁸.

Попытка установить дружбу с Витовтом становится не единственной попыткой Девлет-Берди укрепить своё международное положение. В летописи Элайни сообщается, что в марте 1427 г. в Каир прибыло посольство от «завладевшего Крымом лица по имени Даулет-Берди», что говорит о низком

²⁸⁵ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 158–190.

²⁸⁶ *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430...* №1223. S. 721.

²⁸⁷ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 111.

²⁸⁸ Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 172.

уровне международного признания правителя Крыма. К тому же трудно читаемое замысловатое послание никто при дворе султана толком не смог понять²⁸⁹.

Частая смена власти и неспособность Девлет-Берди всерьёз противостоять Улуг-Мухаммеду говорит о недостаточной его поддержке крымской родоплеменной знатью, начинавшей играть все более усиливающуюся роль на фоне распада государственности Золотой Орды. Вероятно, внутри самой крымской родоплеменной знати случился раскол, и лишь определённая её часть поддерживала Девлет-Берди. Сами его краткие правления в Крыму, часто прерываемые Улуг-Мухаммедом, стали вообще возможны только благодаря ожесточённому противостоянию за обладание Тахт-Эль, которое с Улуг-Мухаммедом вёл правитель восточной части Золотой Орды – Борак²⁹⁰.

На некоторое время ему даже удалось изгнать Мухаммеда из Поволжья, и тот скрылся в Литве, об этом рассказывает сам Улуг-Мухаммед в своём послании султану Мураду II²⁹¹. Крым в это время, вероятно, занимал Девлет-Берди, о дальнейшей судьбе которого сообщают противоречащие друг другу источники. Согласно сообщению баварского солдата Иоганна Шильтбергера, ему удалось на некоторое время захватить Сарай, однако спустя 3 дня он был свергнут Борак²⁹². Это сообщение достаточно сомнительно ввиду наблюдающейся по генуэзским массариям неспособности Девлет-Берди во время противостояния с Улуг-Мухаммедом удержать власть хотя бы над Крымским улусом. Однако в пользу версии об Ордынском царствовании этого Таш-Тимурида говорит ещё и чрезвычайно редкий чекан монеты 831 г. х. (30 октября 1427 г. – 18 октября 1428 г.) с именем Девлет-Берди в Хаджи-Тархане, легенда которого прямо сообщает «Султан Верховный хан Девлет-Берди»²⁹³.

В попытке разрешить противоречие между явной скудностью сил хана и источниками, говорящими о захвате им Нижней Волги, А. Л. Пономарёвым было

²⁸⁹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 533.

²⁹⁰ Там же. С. 534.

²⁹¹ Курат А.Н. Указ. соч. С. 38–39.

²⁹² Schiltberger J. Op. cit. S. 90-91.

²⁹³ Сагдеева Р. З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды // Каталог-определитель. М.: Горячая линия- Телеком, 2005. №558. С. 63.

выдвинуто предположение о мире и союзе между Девлет-Берди и Улуг-Мухаммедом. Последний в 1428 г. сумел победить Борака и вернуть себе Сарай, возможно, как раз-таки примирившись с крымским родственником перед лицом угрозы со стороны представителя другой враждебной ветви Чингизидов.

Соответственно, Девлет-Берди мог править в Хаджи-Тархане от имени Великого хана²⁹⁴. Этому предположению, правда, противоречит легенда упомянутого чекана. Так или иначе, после 1427 г. Девлет-Берди исчезает из источников, побеждённый Улуг-Мухаммедом или Бораком.

Таким образом, смута 20-х годов в Крыму заканчивается победой Улуг-Мухаммеда и установлением его власти к западу от Волги. В ходе этого противостояния сам Крым сильно пострадал, о чем нам говорит армянская памятная запись, датированная 1428 г.: «...в пору смятения написал её, в недоброе и горькое время, когда убавилось количество святилищ и праведность людская, поскольку народ лучников много монастырей разрушил, деревень и поселений разорил»²⁹⁵.

Однако смута в Золотой Орде отнюдь не подходит к концу: в условиях постоянной угрозы своей власти с Востока Улуг-Мухаммед вынужден метаться по своим владениям в попытках удержать осколки Золотой Орды. Вероятно, в такой сложной обстановке фактическую власть над Крымским улусом и исполнением повседневных функций правителя осуществлял некто другой. Но кто именно? Насчёт личностей правителей Крыма в 30-е годы до сих пор не утихают споры.

По сообщению Элайни, в 832 и 847 гг. х. правителем Крыма и Дешта был Улуг-Мухаммед²⁹⁶. Однако нам известно, что его правление несколько раз прерывалось и к тому же в разное время затрагивало разные территории. Небольшой период спокойствия конца 20-х годов был использован Улуг-Мухаммедом для налаживания международных связей и признания.

²⁹⁴ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 181-182.

²⁹⁵ Саргисян Т. Э. Указ. соч. №127 С. 215.

²⁹⁶ Вероятнее всего, запись, относящаяся к 847 г. х. (1443 г.), все же имеет в виду некоего другого Мухаммед-хана, так как Улуг-Мухаммед на тот момент уже давно находился в Казани и вёл войны с Москвой. ПСРЛ т. V. С. 267-268.

В марте 1428 г. хан пытается наладить связи с османским султаном Мурадом II и отправляет ему битик (послание), в котором заверяет султана в своей дружбе и желании возобновить хорошие отношения с турками, такими какими они были при Тохтамыше и Баязиде. Там же он сообщает о своей окончательной победе в смуте 20-х годов и выражает желание возобновить торговые отношения, видимо, прерванные в предыдущие годы²⁹⁷.

В 1429 г. посольство от хана Золотой Орды прибывает в Египет²⁹⁸. В это же время Мухаммед предлагает союз Великому князю Литвы Витовту, принимает посольство от императора Священной Римской Империи Сигизмунда и ведет переписку с великим магистром Ливонского ордена²⁹⁹.

Международная активность хана свидетельствует о некоторой стабилизации положения в Орде, однако уже в нач. 30-х гг. ряд факторов дестабилизирует положение Мухаммеда.

Во-первых, в 1430 г. умирает Великий князь Витовт, бывший союзником хана. Ему наследует Свидригайло, с которым Улуг-Мухаммед также вступает в союз, однако уже очень скоро в Литве начинается борьба за великое княжение между Свидригайло и Сигизмундом Кейстутовичем³⁰⁰, и хан более не может рассчитывать на Литву.

Во-вторых, в начале 30-х Мухаммед начал терять лояльность своих сторонников – ордынской родоплеменной знати, важнейшими представителями которой были главы родов Мангыт, Конграт и Ширин.

Когда из Средней Азии вышел сын Тимур-хана (одного из ставленников Едигея начала века) Кичи-Мухаммед, род Мангытов переметнулся на его сторону, а Улуг-Мухаммед потерял Сарай и все Поволжье. Несколько позже от него отвернулись и Ширины с Конгратами. Обиду Ширинов на Улуг-Мухаммеда, как правило, связывают с решением о великом Московском княжении, которое хан

²⁹⁷ Курат А.Н. Указ. соч. С. 38–39.

²⁹⁸ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 534.

²⁹⁹ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 232.

³⁰⁰ ПСРЛ т. XVII Ст. 61-62.

вынес в пользу Василия Васильевича, в то время как Тегине Ширин поддерживал кандидатуру Юрия Дмитриевича³⁰¹.

В 1433 г. крымские беи провозгласили в Крыму ханом Сеид-Ахмеда³⁰². Таким образом, потерпевший поражение по всем фронтам Улуг-Мухаммед был вынужден ретироваться из Причерноморья и уйти в Казань. Поддержку Сеид-Ахмеду также оказал и Великий князь Литовский Свидригайло, в дальнейшем хан будет оказывать ему ответную военную поддержку в рамках междоусобицы в самой Литве³⁰³.

Происхождение Сеид-Ахмеда достаточно спорно. Все генеалогии Чингизидов, в которых упоминается этот правитель, имеют персидское или среднеазиатское происхождение: например, в «Му'изз ал-ансаб» Сеид-Ахмед называется сыном Тохтамышша³⁰⁴, а в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» его внуком – сыном Керим-Берди³⁰⁵.

Интересным синхронным свидетельством, способным пролить свет на происхождение этого правителя, является упоминание его по имени-отчеству в письме Великого князя Литовского Свидригайла Ольгердовича, адресованном Великому магистру Тевтонского ордена, от 3 сентября 1432 г. – «Sydachmatch Вехубowitz»³⁰⁶.

В этой латинизированной форме тюркского имени «Вехуб» различные исследователи видят разные тюркские оригиналы имени отца Сеид-Ахмеда. В наиболее традиционном представлении Сеид-Ахмед считается внуком Тохтамышша, а под именем Вехуб прячется Кепек Тохтамышевич³⁰⁷.

Однако существуют и другие прочтения. Вехуб можно прочесть как Бексуф, что делает Сеид-Ахмеда сыном Бек-Суфи и, таким образом, представителем династии Гаш-Тимуридов и ближайшим родственником Девлет-

³⁰¹ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 233–235.

³⁰² Гайворонский О. Указ. соч. С. 17.

³⁰³ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 249

³⁰⁴ История Казахстана в персидских источниках т. III (Му'изз ал-ансаб). С. 45.

³⁰⁵ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 39.

³⁰⁶ Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. S. 366.

³⁰⁷ Шпулер Б. Указ. соч. С. 180.

Берди и Хаджи Гирея³⁰⁸. Это объяснило бы поддержку Сеид-Ахмеда со стороны беев именно Крымского улуса и его первоначальное провозглашение ханом именно на той территории. Такая генеалогия также объясняет популярность потомков Сеид-Ахмеда среди крымских беев в ходе дальнейших смут 50-60-х гг.

С другой стороны, непонятной становится та огромная поддержка, которая была оказана ему за пределами полуострова, которая в конечном счёте и позволила ему стать на некоторое время наиболее могущественным правителем на территории Дешта. Внуку Тохтамыша, имя которого ассоциировалось с последним периодом единства, экономического и политического могущества Золотой Орды, такая поддержка могла быть оказана. А вот представителю локальной династии Чингизидов, состоящей в достаточно отдалённом родстве с потомками Тохтамыша и имеющей в своём активе лишь два недолговечных ордынских царствования за пределами Крыма, пришлось бы пройти куда более трудный путь. Впрочем, завладеть Сараем Сеид-Ахмеду так и не удалось, и поддержкой он пользовался лишь к Западу от Дона.

Факт поддержки Сеид-Ахмеда со стороны литовцев в этом контексте не противоречит ни одной из версий. В предшествующие годы Литва оказывала поддержку как сыновьям Тохтамыша, так и Бек-Суфи в бытность его «императором Солхата».

Прочтение имени «Bexsub» как «Бек-Суфи», также вносит несколько иные смыслы в сюжеты, относящиеся к молодости первого достоверного хана Крыма – Хаджи Гирея. Как известно, Хаджи Гирей был племянником Девлет-Берди, сыном его брата Гияс-эд-Дина и, таким образом, внуком Таш-Тимура. Сеид-Ахмед относился к потомкам Гияс-эд-Дина враждебно и даже объявил их вне закона³⁰⁹. В случае если Сеид-Ахмед внук Тохтамыша — это вполне логичный шаг по предотвращению крымского сепаратизма путём уничтожения представителей локальной династии. В случае же если и сам Сеид-Ахмед являлся Таш-

³⁰⁸ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 169–171.

³⁰⁹ Смирнов В. Д. Указ. соч. С. 168–169.

Тимуридом, то имеет место быть внутридинастическая борьба, причём представитель старшей ветви рода стремился уничтожить младших.

Обстоятельства падения власти Сеид-Ахмеда в Крыму тоже не вносят ясности в этот вопрос. В случае, если он был внуком Тохтамыша, то могло иметь место традиционное желание крымских беев возвести на престол очередного Таш-Тимурида, поддержанное со стороны Литвы. В случае же, если и сам Сеид-Ахмед был Таш-Тимуридом, дело усложняется. Тогда куда большее значения имела позиция недавно взошедшего на престол Великого князя Литовского Казимира, у которого крымские беи и выпрашивали себе хана³¹⁰, а также сложные отношения между основными «создателями» Сеид-Ахмеда – Тегине Ширином и Айдаром Конгратом. Последний умер как раз в 1441 г., незадолго до появления Хаджи-Гирея на политической арене³¹¹.

Из какой бы ветви Чингизидов ни происходил Сеид-Ахмед, его политика, видимо, перестала устраивать Литву, с помощью правителя которой ещё 10 лет назад он сам и пришёл к власти.

Главным союзником Сеид-Ахмеда, который прямо заявлял, что привёл хана к власти, был князь Свидригайло Ольгердович, унаследовавший Литву после смерти Витовта. Однако уже спустя несколько лет его правления в 1432 г. он был свергнут с Литовского княжения братом Витовта – Сигизмундом Кейстутовичем. Между двумя Гедиминовичами началась война, и великое княжество Литовское и Русское разделилось на собственно Литву и Русь. Свидригайло опирался на русское население, Сигизмунд же на Литву и поддержку со стороны поляков³¹². Сеид-Ахмед также поучаствовал в этой войне, видимо помня, кто именно помог ему взойти на престол. Это участие, вероятно, и стало причиной потери ханом Крыма.

Дело в том, что в ходе гражданской войны в Литве союзник Сеид-Ахмеда князь Свидригайло потерпел поражение и сохранил власть только над Волынью, а его противника Сигизмунда «у Троцах зарезали в вербную неделю перед обедом»

³¹⁰ Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi. S. 234.

³¹¹ Вопросы, связанные с приходом к власти Хаджи Гирея, будут подробно рассмотрены в следующей главе

³¹² ПСРЛ Т. XVII. Ст. 335–338.

собственная литовская шляхта³¹³. К власти в Литве пришёл Казимир Ягеллончик, сын Ягайло и брат польского короля Владислава III³¹⁴.

Идеологически Казимир выражал курс Сигизмунда на сближение с Польшей и подтверждение унии, а после смерти Владислава, был и вовсе избран королём Польши³¹⁵. Соответственно, новый князь нуждался в новой союзной силе на просторах Великой степи, и как раз кстати у него под рукой оказался молодой и энергичный представитель крымской династии Таш-Тимуридов.

§2. Каффа и Крым в 1420-х-1430-х годах

Очевидно, что все происходящие в Золотой Орде и Крыму потрясения не могли не отражаться и на Каффе, не находить отражение в генуэзских документах и не вносить определенные корректировки в политику властей города.

Конечно, татарские правители Крыма были не единственным соседями Каффы, отношения с которыми играли большую роль в политике её администрации. Однако именно эти отношения представляли наибольшую важность для генуэзцев с точки зрения ведения коммерции и безопасности города³¹⁶.

В целом 20-е годы были достаточно трудным периодом для крымских владений Генуи как в экономическом, так и в политическом отношении. Неблагополучную экономическую обстановку начала 20-х фиксирует петиция Джорджо Конте, в которой упоминается, что в консульство Манфредо Саули (1420–1421 гг.) «...в Каффе была не просто нехватка зерна, но настоящий голод, так что значительная часть населения питалась скорее травой, чем хлебом»³¹⁷.

---

³¹³ ПСРЛ Т. XVII. Ст. 338.

³¹⁴ Там же. Ст. 339

³¹⁵ Там же. Ст. 340

³¹⁶ Musso G.G. Navigazione e commercio genovese... P. 12–13.

³¹⁷ Карпов С. П. Регесты документов Фонда Diversorum Filze... С. 35.

Засуха и неурожаи 1420–1423 гг. накрыли всю Восточную Европу и ещё больше обострили международную ситуацию³¹⁸.

Ситуация обострилась и в локальных масштабах в границах самого Крымского полуострова. Пока в степной его части шла постоянная борьба за власть между Улуг-Мухаммедом и Девлет-Берди, в горной части начал развиваться конфликт между Каффой и небольшим княжеством Феодоро, располагавшимся в юго-западных предгорьях полуострова.

Недавно пришедший в Феодоро к власти князь Алексей I первоначально придерживался более-менее дружественных отношений с Каффой, документы 1411–1421 гг. регистрируют регулярный обмен послами между генуэзцами и Мангупом. Коммуна выделяла деньги на снаряжение послов и подарки господину Феодоро³¹⁹.

Однако уже в 1422–1423 гг. между княжеством и Каффой разгорается конфликт. Наиболее очевидной его причиной является стремление Мангупа пробиться к морю, лишив генуэзцев тонкой полосы прибрежных владений, простирающихся от Лусты до Чембало. Феодоро необходимы были порты для извлечения прибыли из торговли и разрушения местной торговой монополии генуэзцев, удерживающих наиболее удобные гавани.

Боевые действия начались осенью 1422 г. Каффа приложила значительные усилия для обороны своих территорий, истратив немалые суммы на укрепление населённых пунктов и на организацию военных действий.

Так, например, 9 октября 1422 г. массарии Каффы фиксируют трату 16 460 аспров «на обеспечение продовольствием и защиту нашего города Чембало и всей Готии по случаю войны с господином Феодоро Алексеем» (*expense facte et fiende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et tocius Gottie, occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro*)³²⁰, а также траты на доставку «обещанных надёжных людей»

---

³¹⁸ Мыц В.Л. Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооружённый конфликт между Каффой и Феодоро в 1422-1423 гг.// Херсонесский сборник. Вып. 14, Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 259

³¹⁹ Jorga N. Op. cit. P. 49.

³²⁰ Ibid. P. 52.

в Лусту (*per ... qui portavit certos homines promissos in Lusce*)³²¹. Позже на ведение войны было истрчено ещё 27 850 аспров³²².

Судя по всему, интенсивность и серьёзность военных действий нарастала постепенно. Уже летом 1423 г. генуэзцы определили куда более серьёзную допустимую сумму расходов, которую они были готовы потратить на дальнейшее ведение войны – 10 000 соммов³²³.

Географию конфликта очерчивают феодоритские крепости, возведённые правителем Готии напротив важных прибрежных населённых пунктов – Лусты, Партенита, Ялиты и Чембало. Видимо, их планировалось использовать в качестве плацдармов для нападения³²⁴.

Добиться успеха Алексею удалось только на одном из этих направлений, в 1423 г. он смог ненадолго занять Чембало. Однако из документа от губернатора Генуи Франческо Буссоне да Карманьола, адресованного в Каффу, мы знаем о том, что заслугами некоего Пьетро Джованни Майньери Чембало было возвращено³²⁵.

Боевые действия шли также и у Каламиты, однако, видимо, только на море в виде морского патрулирования побережья. Так, например, уже после окончания войны в 1426 г. коммуна возмещала убытки капитану Негрони ди Нигро, который «на его собственном корабле (*cum quadam sua navi*) принимал участие (*accessit*)... ..в войне против Феодоро (*guerre inter commune Caffé et dominium de lo Theodoro*) ...в местности Каламита (*ad locum Calamithe*)... ..на протяжении полутора месяцев (*uno mense cum dimidio*)»³²⁶.

Какими бы ни были действия генуэзцев у Каламиты, но именно тут феодоритам закрепиться удалось. Алексей укрепляет город и, судя по всему,

³²¹ Jorga N. Op. cit. P. 52.

³²² Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 77.

³²³ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 176.

³²⁴ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 72.

³²⁵ Banescu N. Archives d'Etat de Gênes. Officium Provisionis Romaniae//Revue des études Sud-Est Européennes. 1966. №3-4. XI. P. 580

³²⁶ Bănescu N. Archives d'État de Gênes. Officium Provisionis Romaniae // Revue des études Sud-Est européennes. 1967. T. V. No. 1-2. P. 260.

делает его основным торговым портом своего небольшого государства, составляя конкуренцию контролируемым генуэзцами портам.

Война для Каффы сложилась относительно удачно, и ни один из намеченных князем Мангуа для захвата населённых пунктов не был потерян. Тем не менее коммуна понесла значительные убытки, истратив немало денег на укрепление поселений на случай возможного нападения неприятеля, а также на организацию самих военных действий.

Случай с Нигроно де Нигро - не единственный, иллюстрирующий использование флота в ходе войны с Феодоро. Нам известно также о тратах, понесённых коммуной Каффы для снаряжения некой галиоты по случаю войны с княжеством, а также для вооружения галиоты гражданина Генуи Марко Спинола для «защиты Солдайи и Чембало (*securitate Cimbali et Soldaie*)». На эти цели было истрачено 9 343 аспра³²⁷.

Можно предположить, что и само по себе укрепление феодоритов на побережье и постройка ими там укреплений могли нанести убытки Каффе, перетянув на себя часть торгового потока из Чембало.

Примечательна роль татар в этом конфликте. Нам известно о прибытии татарского посла Бексады (*Bexada Sarracenus*) в Каффу, а затем и в Феодоро в марте 1423 г.,³²⁸ что обычно трактуется как попытка примирения противников со стороны наместника Солхата, якобы в большей степени сочувствующего феодоритам³²⁹. В таком случае неясно, зачем татарам добиваться мира в момент, когда ни одна из предполагаемых целей войны со стороны Феодоро ещё не была выполнена?

Массария 1423 г. сообщает о том, что 24 июля некий посол от татарского императора Давлет-Берди по имени *Safirihac* при посредничестве каффинской администрации занимает в городе сначала 10, а позже ещё 50 тысяч безантов, видимо, на ведение войны против Улуг-Мухаммеда³³⁰. Возможно, что

---

³²⁷ Jorga N. *Op.cit.* P. 53.

³²⁸ *Ibid.* P. 54

³²⁹ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 78.

³³⁰ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 176.

предыдущая весенняя миссия посла Бексады также была связана с поиском средств для традиционно начинавшегося весной похода. На то, что хан собирался в поход, указывают и суммы подорожных, выделяемых генуэзским послам Карло ди Ромео и Коррадо Чигала летом, их размер (400 аспров) говорит о том, что Девлет-Берди находился за пределами Крыма³³¹.

Существует вероятность, что заключение мира интересовало Девлет-Берди только в контексте сохранения финансовой стабильности Каффы, в которой он рассчитывал выискать так необходимые ему средства. Ведь в этом конфликте очевидным инициатором выступал Алексей, не могло ли в таком случае дипломатическое давление на властителя Мангупа стать условием получения Девлет-Берди денег? Так или иначе, ход и итоги переговоров между татарским послом и Алексеем неизвестны.

Судя по сложному положению, в котором оказался хан осенью, поход сложился неудачно, в декабре 1423 г. «император» и вовсе был лишен власти крымскими беями. Опять же, стоит отметить, что пик военной активности Феодоро приходится именно на время этого неустойчивого положения Девлет-Берди. 11 января Девлет-Берди вновь избирают ханом³³², а уже 1 февраля 1424 г. в инструкции администрации Каффы имеется указание на возможность заключения мира с Алексеем³³³. Возможно, в качестве посла выступил некий оргузий Симон Армянин, получивший 26 февраля 1424 г. награду за то, что был отправлен к государю Феодоро, там находился и вернулся обратно, по делам Коммуны (*pro Simone Armeno, orguxio, et sunt pro ejus mercede, eundo ad dominum Teodori et ibi stando et redeundo pro negociis Communis*)³³⁴.

Такой порядок событий указывает, скорее, на то, что симпатии правителя Крыма находились в большей степени на стороне Каффы, или, как минимум, в его незаинтересованности в победе Феодоро.

---

³³¹ Jorga N. Op.cit. P. 54-55.

³³² Ibid. P. 57.

³³³ Balletto L. Op. cit. №1 P. 3-8.

³³⁴ Jorga N. Op.cit. P. 57.

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что причиной мира послужила позиция татарского правителя Крыма. Достоверно она не известна. Возможно, причиной примирения стала общая беда – разрушительное девятибалльное землетрясение, поразившее горный Крым в конце 1423-нач.1424 гг., следы которого археологически фиксируются на множестве памятников как в Феодоро, так и в генуэзских владениях. Оно же объясняет широкую строительную активность, развернувшуюся в Феодоро и генуэзском Крыму в последующие 20-е годы³³⁵.

Нельзя однозначно сказать и о наличии стабильной поддержки Девлет-Берди из Каффы. 12 июня 1424 г. в Каффу вместе с неким татаринном приходит новость о бегстве Девлет-Берди и занятии Солхата Мухаммед-ханом (*pro quodam Tartaro vento Cafam, qui nunciavit domino consuli de fuga Odolat-Berdi et de adventu exercitus Macomet-Cam, imperatoris*)³³⁶. Впоследствии на протяжении почти всего лета Каффа платит экзении (аналог русских «поминок» – подарки для хана и его приближенных) Улуг-Мухаммеду³³⁷, и лишь 24 августа Девлет-Берди возвращается в Крым³³⁸. Соответственно, Каффа, по крайней мере в этот период, не пыталась как-либо вмешиваться в борьбу за престол Солхата. Вероятно, и отношение ханов к Каффе тоже, скорее всего, было сугубо прагматичным.

В целом конфликт 1422–1424 гг. обернулся для Каффы достаточно большими убытками, немалые расходы пришлось также понести для выплат экзений и новен (экзений, выдаваемых по особому случаю, например, при избрании ханом)³³⁹, попеременно занимавшим Крым Девлет-Берди и Улуг-Мухаммеду. Большой экономический ущерб могло нанести и крупное землетрясение.

Последующие годы также не принесли экономике региона ничего хорошего, имеются указания на разрушительный эффект, который оказывала частая смена татарской власти на оседлую полосу Крыма, возможно, затронувший

³³⁵ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 80, 85–86.

³³⁶ Jorga N. Op.cit. P. 57.

³³⁷ Ibid.

³³⁸ Ibid.

³³⁹ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма...С. 174.

и генуэзские владения³⁴⁰. Также имеется сообщение о засухе и крупной эпидемии в Деште, которая не могла не отразиться на экономической активности региона³⁴¹.

Все эти потрясения сказались на внешней политике Каффы. Администрация всеми силами пыталась избежать новых расходов, что отобразено в уже упоминавшейся выше инструкции от 1 февраля 1424 г., где, помимо необходимости заключения прочного мира с Алексеем, указывается и на необходимость всеми силами избегать конфликтов с татарским правителем Крыма. Именно в этом документе цитируется уникальный случай возникновения местной латинской пословицы: «*Gladius caffensis in vagina gravius quam evaginatus offendit*» (Каффинский меч в ножнах опаснее, чем обнажённый для удара)³⁴².

Такая политика обуславливалась, помимо всего прочего, ещё и существовавшей напряжённостью между Генуей и Трапезундом, с которым у республики уже был конфликт в 1415–1417 гг. По итогам войны Трапезунд обязывался выплатить генуэзцам определённую компенсацию, а контроль за исполнением условий мира и задача дипломатического (а в крайнем случае, видимо, и военного) нажима на императора возлагалась на администрацию Каффы, свидетельства чего фиксируются в 1425–1426 гг.³⁴³

В условиях возможности разворачивания нового конфликта на Черном море, Каффа, естественно, была заинтересована в отсутствии угрозы таких конфликтов на суше.

В 1427 г., когда в Каффу прибывает сын императора Трапезунда Иоанн, генуэзское правительство рекомендует администрации Каффы не осуществлять никаких активных действий в его поддержку, опасаясь нового конфликта³⁴⁴. К тому же такие действия могли спровоцировать и князя Алексея из Феодоро, который к тому времени уже успел установить династические связи с императором Алексеем IV³⁴⁵.

---

³⁴⁰ Саргисян Т.Э. Указ. соч. С. 215.

³⁴¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 534–535.

³⁴² Balletto L. Op.cit. №1 P. 5.

³⁴³ Карпов С. П. История Трапезундской империи. С. 362.

³⁴⁴ Там же. С. 362–363.

³⁴⁵ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 154.

Все же произошедший 26 апреля 1429 г. переворот в Трапезунде, причём произошедший при помощи (пусть и неофициальной) генуэзцев³⁴⁶, ещё больше охладил отношения Каффы с Феодоро. Однако, скорее всего, куда большие возможности для возобновления боевых действий против Каффы Алексей I увидел в начавшейся в 1431 г. очередной венециано-генуэзской войне и появлении венецианского флота у берегов Крыма. Враждебные генуэзцам венецианские силы продолжали действовать в Черном море в 1431–1433 гг.³⁴⁷.

Алексей поддерживал прямой контакт с венецианцами и, возможно, предоставлял им возможность пользоваться портом Каламиты – по сути дела единственным безопасным для венецианцев портом на полуострове. Судя по всему, приготовления к новой войне Алексей начал ещё в момент пребывания венецианского флота Стефано Контарини в Черном море в 1432 г.³⁴⁸.

По некоторым данным, Алексей в начале 1433 г. выдвинул открытые требования уступить ему приморскую Готию и Чембало. Консул Каффы Баттиста Форнари решил затянуть переговоры, и тогда Алексей спровоцировал восстание местного греческого населения в Чембало, приведшее к переходу города под власть господина Феодоро³⁴⁹. Возможно, при этом была захвачена и часть южного берега Крыма.

Потеря Чембало была недопустима для генуэзцев не только с точки зрения потери торгового порта, но и с точки зрения корабельного обслуживания и навигации с южным берегом Черного моря, которая осуществлялась через Чембало и Синоп. К тому же арсенал города позволял феодоритам начать всерьёз угрожать торговле генуэзцев на море³⁵⁰.

---

³⁴⁶ Карпов С. П. История Трапезундской империи. С. 363.

³⁴⁷ Талызина А.А. Типология и эволюция формуляра документов по истории навигации «галей линий» в Венеции//Причерноморье в Средние Века. СПб.:Алетейя, 1998. Вып. III. С. 174–175.

³⁴⁸ Там же. С. 176.

³⁴⁹ Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика. С. 110–111.

³⁵⁰ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 158.

Для отвоевания Чембало в Генуе в конце 1433 г. был нанят крупный военный контингент (из 10 галер, 9 галей и 2 галиот с 6000 человек десанта на борту) под командованием генуэзского нобиля Карло Ломеллини³⁵¹.

Обстоятельства этой военной экспедиции в подробностях описываются в дневнике Андрея Гатари, падуанского летописца XV века, который, пользуясь близостью к венецианскому делегату на церковном соборе в Базеле графу Франческо Каподилиста³⁵², судя по всему, имел некий доступ к венецианским документам, касающимся этого события. Подробность изложенного рассказа наводит на мысль, что информация эта была получена от венецианского шпиона, находящегося в составе экспедиции. Этот дневник был переведён и опубликован на русском языке Л. П. Колли ещё в 1913 г.³⁵³

В марте 1434 г. генуэзская эскадра достигла Хиоса, и лишь в мае покинула остров. 4 июня флот достиг Чембало, скрывая свой подход ложными слухами, распускаемыми во время стоянки одной и галиот в Синопе, о том, что флот на самом деле идёт в Трапезунд (*li dismontá mostrando di voler andar in Tribixonda*)³⁵⁴.

По прибытии эскадра обнаружила, что вход в бухту перекрыт натянутой цепью. 5-го июня эта преграда была ликвидирована, а 6-го войско высадилось на сушу, отразив попытку гарнизона отбросить десант. На следующий день на берег были спущены небольшие корабельные орудия (*la dita armata feno trare alcune bombarde di nave, non de le mazor*), из которых был произведён обстрел Чембало. Это произвело пугающее впечатление на местных жителей, и они согласились сдать на условиях сохранения жизни и имущества, однако Ломеллини отверг эти требования, потребовав безусловной капитуляции.

8 июня был произведён штурм города, в ходе которого генуэзцы заняли замок, разбили силы Алексея и взяли в плен некоего его сына, не называемого по

³⁵¹ Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика. С. 111, 116.

³⁵² *Diario del Concilio di Basilea di Andrea Gatari*. P. 375-442.

³⁵³ Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика. С. 116-120.

³⁵⁴ *Diario del Concilio di Basilea di Andrea Gatari*. P. 406.

имени. Город был отдан на разграбление солдатам (*tuto il Cinbano a sacomano con grande ocisione di perssone*)³⁵⁵.

Следующим этапом кампании было взятие и разорение Каламиты, само существование которой раздражало генуэзцев, к тому же именно этот город оба раза, и в 1423 г., и в 1432 г., служил плацдармом для взятия Чембало.

Каламита не стала сопротивляться, жители покинули её, а генуэзцы сожгли уже опустевшее поселение. После этого экспедиция отправилась вдоль Южного берега, часть по суше, а часть по морю, требуя от жителей полной покорности генуэзцам (*l'altra armada ando scorendo per la riviera robando zo ch'i trovava, tuti coloro che in sua ubidientia non voleano esser*)³⁵⁶. Это опять же может говорить о том, что Алексею, помимо Чембало, удалось захватить и определённую часть прибрежной Готии.

По прибытии в Каффу 12 июня на военном совете было решено выдвигаться на Солхат. Подготовка к походу заняла 10 дней, и поход был осуществлён лишь 22 июня. Из-за летней жары и, видимо, не ожидая серьёзного сопротивления, армия Ломеллини вышла в путь налегке, оставив своё снаряжение в массивном обозе. Очевидно, генуэзцы не рассчитывали на полевое сражение и готовились к осаде и штурму Солхата.

Однако татарский отряд застал войска врасплох на марше у с. Карагоз (*Castazonia*)³⁵⁷, вызвал панику и массовое бегство, меньшими силами татары отбросили генуэзцев к Каффе и захватили обоз в качестве военной добычи.

Спустя 4 дня 27 июня татарский отряд из 200 всадников подошёл к воротам Чембало и потребовал сдаться (*Di 27 zugno corsse cercha 200 cavagli di Tartari fin su le porte del Cinbano per che dado la stremia tuti con le arme corsseno*). Генуэзцы выразили готовность к переговорам (*voler esser a parlamento*). В результате переговоров, продлившихся до 13 июля, был заключён мир, по условиям которого генуэзцы выкупали своих пленных по 2000 аспров за каждого³⁵⁸.

---

³⁵⁵ Ibid.

³⁵⁶ Diario del Concilio di Basilea di Andrea Gatari. P. 407.

³⁵⁷ Колли Л.П. Хаджи-Гирей хан и его политика. С. 119.

³⁵⁸ Diario del Concilio di Basilea di Andrea Gatari. P. 408.

Во всей этой истории темным пятном остаётся роль татар в этом конфликте. Довольно сложно сказать, кто именно был правителем Крымского улуса в 1434 г., логично было бы предположить, что в тот момент Крым признавал власть Сеид-Ахмеда, лишь недавно выдвинутого против Улуг-Мухаммеда именно из Крыма. Однако едва ли сам Сеид-Ахмед был тем татаринном, который командовал войском в битве у с. Карагоз, а позже вёл переговоры о выкупе генуэзских пленных.

Традиционная историография приписывает участие в этой битве Хаджи Гирею, начиная от классической работы Василия Смирнова, который и вовсе считал Девлет-Берди и Хаджи Гирея одним человеком³⁵⁹, Колли³⁶⁰ и Васильева³⁶¹, вплоть до современных авторов, Мыца³⁶² и Сафаргалиева³⁶³.

Как правило, для оправдания появления Хаджи Гирея на полуострове выдвигается предположение о первом кратком периоде правления Хаджи Гирея где-то в 1433–1435 гг. Однако однозначно подтверждающие это предположение источники отсутствуют. Подробнее вопрос времени прихода к власти Хаджи Гирея будет затронут в следующей главе. Пока что ограничимся осторожным предположением о том, что разгром генуэзской экспедиции был осуществлён местными крымскими властями. Город Крым (он же Солхат), ставший объектом генуэзской агрессии, традиционно был центром крымского рода Ширин, представители которого, как правило, и становились наместниками хана в Солхате. Родом Ширин в то время продолжал править могущественный бей Тегине. Соответственно, скорее всего, вмешательство в феодоро-генуэзские отношения, а также дальнейшее участие в конфликте с татарской стороны, осуществлялось именно Тегине Ширином.

Сложным представляется вопрос, почему татары вообще приняли участие в конфликте. Один из наиболее простых ответов предполагает, что у них не было такого намерения. Нет никаких источников, говоривших бы о том, что татары

³⁵⁹ Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 175.

³⁶⁰ Колли Л.П. Хаджи Герей хан и его политика... С. 99–140.

³⁶¹ Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.

³⁶² Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 164–165.

³⁶³ Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. 279 с.

каким-либо образом были замешаны в нападении князя Алексея на Чембало или хотя бы заинтересованы в победе феодоритов над генуэзцами.

Более того, существуют свидетельства, указывающие на то, что Карло Ломмелини изначально не собирался вести боевые действия против татар, а позже долго колебался в вопросе начала похода на Солхат. По сообщению Николо ди Порты, который в свою очередь ссылается на Амброджо ди Казанова, последнее обсуждение этого вопроса прошло 19 июня (то есть всего за 3 дня до похода), где многие высказались за завершение похода и возвращение в Геную, и только по настоянию местных горожан поход все-таки был осуществлён³⁶⁴.

К тому же поражение от татар никак не повлияло на позицию Феодоро. Татары не требовали возвращения феодоритам Каламиты или Чембало, а стычки с правителем Мангупа продолжились вплоть до 1441 г.³⁶⁵

Все это указывает на то, что Солхатский поход был скорее попыткой воспользоваться пребыванием в Каффе беспрецедентно крупных генуэзских сил, а сам Солхат не вмешивался изначально в противостояние Каффы и Мангупа.

Несмотря на неудачу под Солхатом, Генуя добилась своих целей и, по сути, выиграла войну против князя Алексея, ещё больше укрепив свои позиции в юго-западном Крыму. К тому же помимо военной, миссия Ломеллини имела и чисто дипломатические задачи.

Начало войны между Генуей и Венецией в 1431 г. было встречено многими черноморскими государствами как возможность для подрыва генуэзского торгового влияния в регионе. Неудача в войне с Феодоро могла стоить Генуе не только Чембало, но и значительной части влияния в Черном море. После потери Чембало местные власти Византии, Трапезунда и Монкастро начали осуществлять все большее давление на генуэзцев. Эта неудача представлялась многим из них шансом на разрушение генуэзской торговой гегемонии в регионе, в частности, монопольного права на работорговлю³⁶⁶.

---

³⁶⁴ Agosto A. *Op. cit.* P. 516.

³⁶⁵ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 179.

³⁶⁶ Papacostea S. Une révolte antigénoise en mer Noire et la riposte de Gênes (1433-1434)//*Il Mar Nero t. I.* Roma/Paris, 1994. P. 280-282.

Соответственно, миссия Ломеллини заключалась не только в умиротворении князя Алексея, но и в изоляции других потенциальных «горячих точек» в регионе. Ещё по пути в Чембало среди причин остановки одного из кораблей экспедиции в Синопе было не только распространение ложного слуха о цели похода, но и заключение мира с правителем города Мубариз ад-Дином Исфандияром³⁶⁷. Также во время своего пребывания в Каффе Ломеллини отправил посла с письмом к императору Трапезунда в лице Маттео Дориа³⁶⁸.

Таким образом, можно заключить, что и в этом отношении миссия Ломеллини все же имела ограниченный успех. Она показала готовность Генуи применить силу в отношении тех, кто попытается играть против неё, и в то же самое время готовность поддерживать мир с теми, кто не противодействует Республике и удовлетворён сложившимся статус-кво. Однако неудачное выступление против Солхата, безусловно, стало потрясением для генуэзской власти в регионе.

В 1435 г. в Каффе разразилась эпидемия чумы³⁶⁹, продолжив тем самым череду потрясений. Все это время Каффа продолжала находиться в состоянии войны с правителем Феодоро, что подтверждается сообщениями о наличии «добычи, захваченной на территории Алексея», в 1438 г.³⁷⁰. В 1439 г. фиксируются раздоры и распри среди жителей Чембало, что могло являться отголоском про-феодоритских настроений жителей города³⁷¹.

Мирный договор с Алексеем был подписан где-то во второй половине 1441 г.³⁷² Есть основания связывать это событие с заключением генуэзско-венецианского мира в том же году³⁷³, а также с воцарением в Крыму нового хана — Хаджи Гирея.

* * *

³⁶⁷ Andreescu S. New Genoese documents relating. P. 261.

³⁶⁸ Ibid. P. 262, 270-271.

³⁶⁹ Карпов С. П. Регесты документов Фонда Diversorum Filze... №152. С. 27.

³⁷⁰ Там же. №166 (9). С. 39–40.

³⁷¹ Там же. №155 (181). С. 38–39.

³⁷² Jorga N. Op. cit. P. 61.

³⁷³ Мыц В.Л. Каффа и Феодоро... С. 180.

Таким образом, мы можем прийти к ряду выводов касательно становления Крымского улуса и его отношений с Кафрой в первой трети XV века.

Процесс обособления Крымского улуса был постепенным, растянутым во времени. В начале этого процесса Крым выступал просто ещё одним центром силы, выдвигавшим на престол, как правило, Тука-Тимуридов, при этом будучи ключевым владением Золотой Орды к Западу от Волги.

Важной особенностью региона было постепенное формирование собственной династии, ведущей свое происхождение от Уран (Уз)-Тимура, одного из первых наместников Крымского улуса, потомки которого регулярно с 70-х годов XIII в. занимали этот пост. Изначально эта локальная династия не претендовала на титул Верховного хана и поддерживала Тохтамышевичей, и только после их ослабления она впервые всерьёз заявила о себе, выдвинув в 1419 г. собственного претендента на ордынский престол – Улуг-Мухаммеда.

При этом из общей крымской ветви Тука-Тимуридов выделяется ещё более узкая – потомки Таш-Тимура. Представители этой ветви становятся правителями Крымского улуса и впервые появляются в западных источниках в качестве самостоятельных «императоров Солхата».

От политики признания власти Улуг-Мухаммеда в 1419–1421 гг. (при Бек-Суфи) они переходят к политике конфронтации с ним в 1421–1427 гг. (при Девлет-Берди), а позже и вовсе вытесняют его из Северного Причерноморья в 1432 г. (при Сеид-Ахмеде).

Однако впоследствии, видимо, уже внутри самой династии Таш-Тимуридов, начинается борьба, проявившаяся в отделении Крыма в качестве самостоятельного ханства под властью Хаджи Гирея, который, таким образом, выступил против своего, предположительно, двоюродного брата Сеид-Ахмеда.

Что же касается отношений Кафры с первым правителями Крыма, то стоит сказать, что Каффа регулярно выплачивала татарам экзенин (exenium – аналог русских «поминок») в виде различных товаров, таких как ткани и шубы, сладости и орехи, пиво, вино и медовуха, лошади и оружие, расходы на которые могли

составлять до 10% городских доходов. Сами же татары в ответ дарили скакунов, которых консул был обязан продавать с аукциона³⁷⁴.

Также полагалось выплачивать ханам и беям новены – то есть экзении (как правило, из 9 подарков, что следует из названия), предоставляемые по особому случаю (например, по случаю восшествия хана на престол (даже повторного)³⁷⁵. Именно записи об этих расходах делают счета казначейства Каффы важным источником по истории Крымского улуса и Крымского ханства.

Генуэзцы придерживались нейтральной политики, признавая ханом того правителя, который в данный момент был сильнее и при этом находился ближе всех к ним. Угрозы конфликтов на других направлениях вынуждали Каффу всеми силами поддерживать мир, и, соответственно, не вмешиваться в борьбу за ханский престол.

Куда большей проблемой в 20-30-е годы для генуэзцев стало княжество Феодоро, претендовавшее на прибрежную Готию и Чембало. В этих конфликтах татары занимали, скорее, примирительную позицию. Возможно, что конфликт и вовсе рассматривался ими как, в сущности, конфликт между двумя в той или иной степени подчинёнными Солхату государствами, который они, соответственно, были в праве (или даже обязаны) рассудить.

Также стоит заметить, что в конфликтах Феодоро с Каффой читается и общеполитический контекст, стремление Феодоро к обладанию прибрежной Готией наверняка подпитывалось со стороны других не вполне дружественных Генуе сил – Венеции, Трапезунда и, возможно, Молдавии.

Однако в последнем из конфликтов с Феодоро, в 1434 г., соблазнившись возможностью разграбить Солхат, администрация Каффы убедила генуэзские силы действовать против татар, что вылилось в страшное поражение для армии Карло Ломеллини.

Точно выяснить степень вовлеченности и мотивацию татар в конфликте между Каффой и Феодоро пока не удалось. Однако характер отношений татар с

---

³⁷⁴ Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма... С. 162.

³⁷⁵ Там же. С. 174

Каффой и отсутствие какой-либо помощи феодоритам с их стороны позволяет сильно усомниться в их про-феодоритской ориентации в ходе, как минимум, первого конфликта 1422–1424 гг. В конфликте 1433–1441 гг. татары активно поучаствовали исключительно в качестве обороняющейся стороны и легко пошли на «сепаратный мир» с Каффой, что также скорее говорит в пользу отсутствия каких-либо договорённостей с Феодоро, касающихся совместных действий против генуэзцев.

В 1441 г. в Крыму и Причерноморье происходит целый ряд изменений – заканчивается конфликт между Генуей и Венецией, а также между Каффой и Феодоро. Однако ключевая перемена происходит в степной части полуострова – к власти в Крыму приходит Хаджи Гирей.

Глава 4: Крым и Каффа в 1441–1466 гг.

§1. Обстоятельства прихода к власти Хаджи Гирея

В историографии истории Крымского ханства называются различные даты прихода к власти Хаджи Гирея: 1434³⁷⁶, 1441-1442³⁷⁷, 1443³⁷⁸ и 1449³⁷⁹ гг., разнятся и мнения о его деятельности до занятия крымского престола, степени участия в политической жизни Крыма во время правления там его предшественников, а также о том, имел ли место так называемый «краткий ранний период правления» Хаджи Гирея в Крыму. Чтобы ответить на эти вопросы, имеет смысл рассмотреть происхождение и личность первого хана Крыма, и его появление на исторической арене Восточной Европы.

Известно, что будущий хан Крыма родился в Литве, в Троках³⁸⁰. Тем не менее, определённые споры раньше вызывало происхождение Хаджи Гирея. Рашид-ад-Дин называет его сыном Гияс-эд-Дина, и, таким образом, внуком Таш-Тимура³⁸¹. Именно эта генеалогия на сегодняшний день является историческим консенсусом и подтверждается другими источниками, в частности, нумизматическими³⁸².

Достоверно о детстве и молодости хана мало что известно. Смирнов приводит в своей книге предание, повторяющееся, по его словам, у «всех турецко-татарских историков»³⁸³ (например, практически в таком же виде у Халим Гирай-султана³⁸⁴). Согласно этому преданию, Сеид-Ахмед стал ханом после смерти Улуг-Мухаммеда (!) и был Хаджи Гирею двоюродным дядей. Для укрепления собственной власти он убил сыновей Таш-Тимура – Али-бея и Гияс-эд-Дина, после чего решил расправиться и с сыновьями последнего. Хаджи Гирей

³⁷⁶ Колли Л. П. Хаджи-Гирей хан и его политика. С. 99–139.

³⁷⁷ Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. С. 110–146.

³⁷⁸ История татар с древнейших времен. В 7-ми томах Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. / Гл. ред.: Р. С. Хакимов; Науч. ред.: Р. Р. Салихов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 725–726.

³⁷⁹ Почакаев Р.Ю. Указ. соч. С. 250.

³⁸⁰ Михалон Литвин О нравах татар, литовцев и москвитян. С. 65.

³⁸¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 61.

³⁸² Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев... С. 75.

³⁸³ Там же. С. 168–171.

³⁸⁴ Халим Гирай-султан Розовый куст ханов или История Крыма. Симферополь, 2008.

и его брат Джанай вынуждены были бежать. Шесть лет Хаджи вынужден был жить в племени Гирей у некоего Девлет-гэльд-суфи – воспитателя его отца. Однако затем, когда в Крыму умер Айдер Конграт, «престиж перешёл» к Тегине Ширину, который не любил Сеид-Ахмеда и затеял бунт против него. Он отыскал Хаджи и сделал его ханом Крымским, после чего Хаджи победил Сеид-Ахмеда. А в честь старца суфи хан присовокупил к своему имени и завещал всем потомкам добавлять название племени Гирей в память о том, что они приютили молодого Хаджи Гирея.

Разумеется, это предание сформировалось значительно позже восшествия Хаджи Гирея на престол, однако в нем есть ряд деталей, перекликающихся с источниками и даже несколько дополняющих их. В частности, подтверждается главенствующая роль Ширинов в призвании Хаджи Гирея и любопытные детали сообщаются о смерти Айдера Конграта.

Первое однозначное появление Хаджи Гирея в исторических источниках можно констатировать только в 1441–1442 гг. Речь идёт в первую очередь об упоминании татарского царевича в хрониках Матвея Стрыйковского и хронике Быховца, которые рассказывают историю прибытия татарского посольства, которое испрашивало Хаджи Гирея «на царство» у князя Казимира.

Согласно хронике Быховца, в том же году, когда к Казимиру вернулся из Молдавии князь Свидригайло, к нему приехало посольство татар из Крыма во главе с Ширинами, чтобы испросить себе на царство Хаджи Гирея: «И в том же году приехали к великому князю Казимиру князья и уланы и все мурзы Шириновские и Баграновские и от всей орды Перекопской, прося и бия челом, что бы дал им на царство царя Ач-Гирея, который приехал из Орды в Литву ещё при великом князе Сигизмунде, и князь великий Сигизмунд дал ему Лиду. И князь великий Казимир того царя Ач-Гирея послал из Лиды в орду Перекопскую на царство, одарив, с честью и с большим почётом, а с ним послал посадить его на царство земского маршала Радзивилла. И Радзивилл проводил его с почётом до

самой столицы его, до Перекопа, и там именем великого князя Казимира посадил его Радзивилл на Перекопском царстве»³⁸⁵.

Этот рассказ сообщает нам о примерном времени начала последнего периода пребывания Хаджи Гирея в Литве, а именно – не ранее 1432 г. (когда Сигизмунд был избран Великим князем Литовским).

Хроника Стрыйковского сообщает нам практически ту же самую историю: «В том году татары Перекопские, Барыньские и Ширинские, когда их царь без потомства умер, послали к Казимиру Великому князю Литовскому, просить, чтобы дал им на царство Аджигирея (Aczkieraja), который сбежал из Орды в Литву [где] в тот момент жил, держа Лиду на попечении из щедрости панов Литовских, потому Казимир в назначенный день в Вильне того Аджигирея в замке принял, на царство Татарское с панами Литовскими возвёл и послал его в орду Перекопскую с маршалком Радзивиллом, который его там в столице отцовской успешно посадил»³⁸⁶.

Рассказ Стрыйковского относится в хронике к 1443 г. Значимым отличием от хроники Быховца является упоминание о некоем бездетно умершем царе, на смену которому Ширины и Барыны и призвали Хаджи Гирея. Однако никто из известных нам на тот момент правителей Орды не умер в 1443 или 1445 г. Зато из уже приведённого выше предания о молодости Хаджи Гирея известно, что Ширины смогли начать активно действовать против Сеид-Ахмеда только после смерти Айдера Конграта, могущество которого при Сеид-Ахмеде позволяло легко спутать его с ханом.

Сама датировка этих событий в приведённых хрониках крайне сомнительна, так как она противоречит синхронным источникам, а именно книгам казначейства Каффы.

Первое упоминание Хаджи Гирея в них относится к маю 1442 г.: молодой хан уже получает экзени от Каффы³⁸⁷. Но ещё незадолго до 29 марта 1441 г.

³⁸⁵ Хроника Быховца. С. 98.

³⁸⁶ Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi... S. 212–213.

³⁸⁷ Jorga N. Op. cit. P. 59.

Каффа признавала ханом Сеид-Ахмеда³⁸⁸. Таким образом, воцарение Хаджи Гирея произошло где-то в 1441 – нач. 1442 гг. и, соответственно, вышеприведённая история имела место примерно в это время.

Ещё более конкретизируют время прихода к власти Хаджи Гирея первые известные монеты с его именем, относящиеся к 845 г. х. (30 мая 1441 г. – 19 мая 1442 г.). К тому же монета сообщает также и имя отца Хаджи Гирея – Гияс-эд-Дин³⁸⁹, подтверждая сведения Рашид-ад-Дина.

Косвенно подтверждает появление на просторах степи «вольного царя Татарского» и текст договорной грамоты молдавского господаря Ильи Александровича и великого князя Литовского Казимира от 8 июня 1442 г., где некий Татарский царь, который «вольный есть», упомянут в списке союзников Литвы³⁹⁰. С большой долей вероятности, это именно Хаджи Гирей, так как о союзных отношениях между Казимиром и Сеид-Ахмедом мы не знаем, а упоминание Улуг-Мухаммеда, давно правящего в Казани, в одном списке с Польшей и Венгрией, непосредственными соседями Молдавии, выглядело бы странно.

Таким образом, можно однозначно отнести начало правления Хаджи Гирея в Крыму к промежутку между июнем 1441 г. и маем 1442 г.

§2. Крымское ханство в международной жизни Восточной Европы в 1440-х – нач. 1460-х гг.³⁹¹

В начале своего правления Хаджи Гирей проводил активные военные компании против Сеид Ахмеда (тогдашнего правителя Золотой Орды и представителя родственной крымским ханам ветви Чингизидов – Тука-Тимуридов) за пределами Крыма. Несомненно, на раннем этапе правления Хаджи

³⁸⁸ Jorga N. Op. cit. P. 60.

³⁸⁹ Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев//ИТУАК. – Симферополь, 1893. – №18 – С. 76–77.

³⁹⁰ Договорная грамота Молдавского Господаря воеводы Ильи Александровича и Литовского Великого князя Казимира. С. 53–55.

³⁹¹ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении учёных степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Кравченко И.В. Крымское ханство в международной жизни восточной Европы в 1440-х - начале 1460-х гг. // Человеческий капитал. 2023. № 3 (171). С. 21-31.

Гирея, восточное направление играло наибольшую роль во внешней политике хана, так как именно от положения дел на этом направлении зависело само существование молодого государства.

Об активных боевых действиях едва ли ни с самого воцарения нового правителя говорит запись в книге массарии Каффы от 30 июля 1442 г., в которой сообщается о выдаче подарка некоему татарину, который принёс весть о победе Хаджи Гирея над Сеид-Ахмедом³⁹². Вероятнее всего, это были в большей степени оборонительные действия, направленные на удержание власти над Крымом, едва ли Хаджи Гирей пытался атаковать Сеид Ахмеда или тем более идти на Сарай.

В последующие годы борьба Хаджи Гирея с Сеид Ахмедом была не только борьбой за независимость и сохранение своей власти, но и в целом соответствовала интересам Великого князя Казимира, который с 1444 г. стал ещё и королём Польши Казимиром IV. Это обстоятельство вызвало недовольство среди части литовской знати, ориентированной на независимость Литвы от Польши. Выразителем её интересов в 40-е годы стал Михаил Сигизмундович, сын предыдущего князя Сигизмунда Кейстутовича.

Хроника Стрыйковского сообщает о том, что Михаил сбежал именно к Перекопским (то есть крымским) татарам, которые по его наущению напали на Подолье³⁹³. Имя правителя татар не сообщается, но сложно предположить, что это мог быть Хаджи Гирей. Тем более, Хроника Быховца сообщает: «пока жил тот царь Ач-Гирей, был мир между княжеством Литовским и Перекопскую Ордою», и «ни одна нога поганая татарская безбожных исмаильтян в Литве и в Польше не ступала»³⁹⁴.

Конечно, автор хроники тут несколько лукавит, но доля правды в этом сообщении, вероятно, имеется, все своё правление Хаджи Гирей был лоялен Казимиру, а татары, напавшие на Подолию в 1449 г., были людьми Сеид Ахмеда. Более того, существует предположение, согласно которому Хаджи Гирей мог вообще потерять власть над Крымом в 1449–1452 гг. в связи с захватом

³⁹²Jorga N. 1896 Op.cit. P. 60.

³⁹³Kronika polska, litewska, zmodzka... S. 227.

³⁹⁴Хроника Быховца. С. 98.

полуострова Сеид Ахмедом, который воспользовался отсутствием войск Хаджи Гирея, участвующего в походе на Молдавию вместе с Казимиром IV³⁹⁵. Однако оно представляется слабо аргументированным, в большей степени строящимся лишь на гипотетической возможности этого события.

В 1452 г. татары вновь нападают на Подолье, на этот раз сообщается, что под предводительством Сеид-Ахмеда «царя Заволжского», и берут огромную добычу. При этом часть местной знати спешит к царю с дарами. Однако на обратном пути, при переправе через Днепр, армия Сеид-Ахмеда терпит сокрушительное поражение от сил Хаджи Гирея «царя Перекопского». После чего Сеид Ахмед пытается скрыться в Литве, но попадает в плен и оказывается заточен в Ковно³⁹⁶.

Однако согласно Яну Длугошу, окончательное поражение Сеид Ахмеда и начало его пребывания в Литве датируется 1455 г., когда он прибывает в Киев, пользуясь расположением литовской знати, но оказывается арестован королём и заточается в Ковно³⁹⁷. Так или иначе, обстоятельства пленения Сеид Ахмеда в этом рассказе говорят о том, что он уже не располагал значительными силами, которые потерял, потерпев поражение от рук Хаджи Гирея тремя годами ранее.

Конечно, все эти события не обязательно следует трактовать как защиту Крымом Литвы. Хаджи Гирею также было важно избавиться от угрожающего его власти хана (к тому же родственника, имеющего шансы заручиться поддержкой крымских беев), оказавшегося в непосредственной близости от его владений. Победа над Великим ханом означала повышение статуса крымского правителя и обретение им претензии на власть над всей Ордой.

Явное указание на этот статус встречается позже, когда Хаджи Гирей выдаёт Ярлык Казимиру IV, в котором подтверждает его власть над

³⁹⁵ Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев.... С. 201-203.

³⁹⁶ Kronika polska, litewska, zmodzka... S. 234-235.

³⁹⁷ Jana Długosza Dziejów Polskich... S. 201.

русскими землями и даже несколько расширяет её – ярлык давал также право на владение Псковом, Тулой и Новгородом Великим³⁹⁸.

Такой ярлык ранее могли выдавать русским и литовским князьям только ханы Золотой Орды. В частности, в последующих ярлыках, выдаваемых литовским правителям уже Менгли Гиреем, прямо упомянуто, что такие же документы оформляли отношения Тохтамыша и Витовта³⁹⁹. Что ещё раз говорит о восприятии крымским ханом себя как единственного легитимного правопреемника Золотой Орды.

Так или иначе, в результате всех этих событий Сеид Ахмед по сути дела сходит с исторической сцены, а его Орду, значительно ослабевшую, наследуют его сыновья⁴⁰⁰. Ослабление Орды Сеид Ахмеда было связано с тем, что она по большей части перешла под власть брата Хаджи Гирея – Джаная. Об этом в своём отчёте от 31 января 1453 г. сообщает консул Каффы Боруэлле Гримальди. Он упоминает, что «Джанай Гирей султан, брат этого императора Хаджи Гирея, недавно перехватил народ Сеид Ахмеда, вместе с чем сделал себя императором много сильнее чем есть Хаджи Гирей, каковой султан теперь пребывает с указанными людьми в окрестностях Илличе и сообщается, что он задумал выдвинуться в Кырк-Ер, что, насколько мы можем понять, наводит на этого Хаджи Гирея некоторый страх» (*Jancharei Soltam frater huius imperatoris Agicarei nuper interceptit populos Seitacmet cum quibus se creavit imperatorem multe maioris potentie istius Agicarei, qui Sultam nunc rescidet cum dictis populis in contratibus illici et fertur quod adverso se transferre proponit Hercherum, quas res secundum quod comprehendere possumus afferte huic Agicarei aliqualem formidum*)⁴⁰¹.

Однако конфликт между братьями, судя по всему, так и не случился, либо быстро закончился, судя по отсутствию дальнейших упоминаний о нем, и место главных противников Крымского ханства в степи занимает Кичи-Мухаммед, который уже довольно давно удерживал Сарай и претендовал на власть над всей

³⁹⁸ Gołębiowski Ł. *Dzieje Polski...* S. 230-231.

³⁹⁹ Ярлык Крымского хана Менгли-Гирея... С. 4-5.

⁴⁰⁰ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 251-252.

⁴⁰¹ Andreescu Șt. *Op. cit.* P. 48.

территорией бывшей Золотой Орды, в том числе и над Крымом. Борьба с Кичи-Мухаммедом, а затем и с его сыновьями продлится до самого конца правления Хаджи Гирея. Параллельно с ней хан был вынужден реагировать и на другие вызовы.

Так, важным дипломатическим направлением для формировавшегося ханства стал юг. Крым должен был реагировать на экспансию турок-осман и их первую экспедицию к берегам полуострова, совершенную в 1454 г. С этого момента достаточно давно развивающийся конфликт между ханом и Кафрой переходит в горячую фазу. Первым этапом этого столкновения можно считать участие крымских татар в осаде вышеупомянутого города в июле 1454 г. Однако и до этих событий, отношения с генуэзцами у Хаджи Гирея были достаточно натянутыми. Письмо консула Боруэлле Гримальди (Borruele Grimaldi) дожу Пьетро Кампофрегозо от 31 января 1453 г. говорит о том, что Хаджи Гирей принимал непосредственное участие в деятельности, фатально бьющей по интересам генуэзцев в регионе⁴⁰².

Консул сообщает, что Каламита стала основным торговым портом для турецких купцов: «Сообщаем же вашему великолепному превосходительству, что в месте Каламита ведется бойкая торговля и [туда] постоянно пребывает большее чем обычно число турецких кораблей, лодок и галер с большим количеством купцов и товара, из какового места они доставляются в Кырк-Ер — резиденцию императора татар, где император недавно приказал построить дворец и возвести большую крепость, и проживает там не так, как привыкли императоры татар, но как если бы он был латинским купцом» (*Significamus enim m(agnifici) dominationibus vestris, prout ad locum Calamite frequens comerchium et acessus continuus ultra solitum fit per multas naves, navigia et galearias Teucrorum cum magna mercatorum et mercature summa, de quo loco se transferunt ad Cerchera cum mansionem imperatoris Tartarorum, ubi imperator ipse nuper preterium in magna forcia*

---

⁴⁰² Assini A. Op. cit. P. 30-31.

construiri et fabricari fecit residetque ibi non ut solent imperatores Tartarorum, sed uti esset mercator latinus)⁴⁰³.

К его немалому удивлению (*quod mirabile est*) товары из Турции приходят ежедневно, цена на них низка, в том числе из-за низких пошлин и дешёвого и доступного транспорта в Кырк-Ер. Интересно упоминание Кырк-Ера уже в качестве столицы «императора татар» (хотя самое раннее упоминание Кырк-Ера в качестве резиденции встречается ещё в 1446 г.⁴⁰⁴). По мнению консула, именно он стоит за всем этим. С недавних пор он водит дружбу «с Олобеем и другими сыновьями Алексея», которые продолжают постоянно убеждать его делать это и даже побуждают к строительству кораблей в Каламите (*...Olobei et fratribus filiis quondam Alexii da Todoro continue persuadentibus eidem imperatori et eum inducentes in similibus scalis navigiorum fiendis*)⁴⁰⁵. Сообщается, что Хаджи Гирей помимо прочего построил там таможню и теперь получает большие доходы.

Консул сообщает также и о других торговых путях, огибающих Каффу и Чембало, развитием которых занимаются турки при поддержке местных властей. В наибольшей степени генуэзцев волновало сохранение их монополии на работорговлю, которая начала дерзко и систематически нарушаться турками. Консул сообщает, что турки теперь часто появляются во многих портах «Белой Зихии», в частности в Севастополисе (ныне г. Сухум), куда их корабли пребывают полные купцами и многочисленными товарами, каковые товары и вымениваются на рабов (*ipsi Teucris, que non parua est in Savastopoli, et confine costeria nuncupata Alba Zichia, quo accessus fit per eos cum navigiis, mercatoribus et infinita rauba et inde extrahunt multa capita*)⁴⁰⁶. Большая активность турецких купцов была зафиксирована и в Копе (или скорее ее окрестностях), которая тем более считалась генуэзцами местом своих исключительных торговых интересов. Скупая там рабов, турки тайно доставляли их на лодках-плоскодонках в Воспоро

⁴⁰³ Archivio di Stato Di Genova, Banco di San Giorgio, Cancellieri, 223, №1

⁴⁰⁴ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы... С. 91.

⁴⁰⁵ Archivio di Stato Di Genova, Banco di San Giorgio, Cancellieri, 223, №1

⁴⁰⁶ Ibidem.

(...quos exinde secrete via maritima cum monosolis et vasas alibus lignis navigabilibus conducunt Vosporum)⁴⁰⁷, откуда уже по суше они переправлялись в Кырк-Ер и Каламиту для продажи в Турцию. Помимо того факта, что это рассматривается как нарушение «древнего порядка и привилегии» (*antiquus ordo et prerogativa*) которые предполагали исключительные права генуэзцев на такую торговлю, турки еще и делали это на более выгодных для местных контрагентов условиях, продавая дешевле свой товар и покупая рабов дороже, чем могли себе позволить генуэзские купцы.

Очевидно, что эта схема также предполагала непосредственное содействие крымского хана, который осознанно способствовал налаживанию торгового маршрута из Воспоро в Кырк-Ер и Каламиту, минуя таким образом Каффу.

По мнению Боруэлле Гримальди, эти инициативы неверных могут привести к полному запустению и исчезновению города, если не предпринять решительные меры. Каффа, как он считает, может повторить путь Таны «некогда богатого и многолюдного города, ныне превратившегося в ничто» (...ut civitas Tane olim ampla et opidissima nunc ad nihilum reducta)⁴⁰⁸. Вскоре он ожидает, что помимо турок подобным образом начнут вести себя и подданные субаши Синопа, которые уже нарушают условия последнего договора с генуэзцами, запрещающие синопцам строить корабли тоннажом свыше 500 модиев. Главной причиной столь наглого поведения неверных в зоне генуэзских экономических интересов консул считает тот факт, что неверные более не боятся генуэзского флота, вследствие того, что Каффа давно не вооружала кораблей, способных купировать подобную активность. Соответственно, главным предложением консула является вооружение судна с полицейскими функциями, которое могло бы как-то переменить неблагоприятную ситуацию. Впрочем, он

---

⁴⁰⁷ Archivio di Stato Di Genova, Banco di San Giorgio, Cancellieri, 223, №1

⁴⁰⁸ Ibidem.

осознает ограниченность такого шага, поскольку понимает, что хорошо вооруженным и укомплектованным командами турецким кораблям одна единственная «трирема» не способна будет противостоять (...universalis sententia sit et firma intelligencia, quod ...mis principiis sola triremis non satisfaceret, quod res jam sint inveterate, quia eciam navigant isti Teucrici cum galearum magnis viris et armis bene ordinatis quibus sola triremis obessa non possat)⁴⁰⁹.

Этот документ наглядно демонстрирует, что территориальной османской экспансии предшествовала экономическая, причём Крым она затронула ещё до взятия Константинополя и последующей турецкой экспедиции 1454 г. В свою очередь, крымский хан активно способствовал проникновению в регион купцов-мусульман, для которых торговля через Каффу была менее выгодна, в силу существования отдельной пошлины, которую генуэзцы собирали с «сарацин»⁴¹⁰.

Ещё одним свидетельством напряженных отношений является многократное посещение Каффы родственниками хана (матерью, сыном и другими татарами с неустановленной степенью родства), вероятно, посланными им самим для получения крупных подарков и своего рода денежного наказания для генуэзцев. Ведь если бы в подарках было отказано, или они оказались бы недостаточно дорогими, это стало бы проявлением неуважения и едва ли не *casus belli* для хана⁴¹¹.

Событием, которое действительно серьёзно изменило международную обстановку и ознаменовало собой начало конца генуэзского владычества в Черном море, стало падение Константинополя 29 мая 1453 г. Вместе с Константинополем турки захватили и Перу – генуэзскую торговую факторию в Галате. Таким образом, Каффа и другие причерноморские фактории Республики оказались фактически отрезаны от метрополии.

Весна 1454 г. стала для генуэзцев временем ожидания непосредственной атаки турок, чьи военные приготовления консул Деметрио Вивальди отмечает в своём донесении Протекторам Банка от 2 мая 1454 г. (*Non alia dicenda occurrunt*

⁴⁰⁹ Archivio di Stato Di Genova, Banco di San Giorgio, Cancellieri, 223, №1

⁴¹⁰ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства... С. 195.

⁴¹¹ Данилова Э. В. Указ. соч. С. 200-202.

quam quod ex multis partibus feritur dominum theucrorum armatam potentem instruere)⁴¹². Как показали дальнейшие события, эти опасения были вполне обоснованы.

В сентябре 1454 г. консул Каффы отправляет в Геную подробный рассказ о событиях, произошедших летом, а именно об экспедиции в Крым турецкого флота под командованием Демир-Кяхьи (или Тимир-Ходжи, в другой транскрипции) и о переговорах с ним и с ханом Хаджи Гиреем. Интересно, что этот документ сообщает о дипломатической деятельности «императора татар», по крайней мере в том виде, в котором её видели генуэзцы⁴¹³.

Консул Деметрио Вивальди сообщает, что сразу после падения Константинополя и последующей передачи факторий под управление Банка Св. Георгия, ему пришли распоряжения «держатъ согласие» (*intelligentiam prehabere*) с Хаджи Гиреем, «императором татар», и с Господином Готии. Однако сделать это «было невозможно» (*minime fuit possibile*) вследствие того, что Император уже сделал это с правителем турок. По мнению консула, между турками и татарами было установлено соглашение, согласно которому Каффа должна была быть взята силами татарской сухопутной армии и турецкого флота. После этого генуэзские владения достались бы хану, а султан получил бы в качестве добычи все население города вместе с их имуществом⁴¹⁴.

Конечно, сложно сказать, насколько консул был на самом деле осведомлён о деталях дипломатических договорённостей между Крымом и Османами. Однако в дальнейшем рассказе называется ряд довольно точных подробностей. Так, сообщается, что «многими днями раньше» (*plures dies ante*) в Воспоро прибыл турецкий корабль, доставивший обратно в Крым посла Хаджи Гирея, который отправлялся в Константинополь как раз с просьбой отправить турецкий флот к Каффе. После чего этот корабль начал

---

⁴¹²CDCTL 1868 Op. cit. P. 86-87.

⁴¹³ Ibid. P. 102-112.

⁴¹⁴ Ibid. P. 103.

пиратствовать в районе Керченского пролива, а несколько позже был захвачен биремой гражданина (*burgensis*) Каффы Джованни де Нигро (*Iohannis de Nigro*).

Примечательна судьба моряков с захваченного судна. Консул сообщает, что после боя выжило 13 турок, 10 гетов (*getici* – вероятнее всего, черкесы), и 7 неверных из окрестностей Воспоро, а также 7 татар, на бирему «взошедших для дохода» (*lucri ascenderant causa*). Из них «геты» были повешены в петле, турки доставлены в качестве пленников в Каффу вместе с кораблём, а подданные крымского хана посажены на встречные суда для возвращения домой⁴¹⁵. Судьба моряков, видимо, в некоторой степени отображала иерархию дипломатических отношений генуэзцев в Черном море. К тому же подробность рассказа, уверенность в том, с какой миссией турецкий корабль прибыл к берегам Крыма, и сам факт его захвата намекает на то, что информация эта была получена из первых рук – вероятно, от самого экипажа корабля, что увеличивает её достоверность.

Документ также содержит и подробное описание непосредственно событий турецкой экспедиции 1454 г. Турецкий флот первоначально подошёл к Монкастро и «пытался вести войну» (*bellum agere sunt*), что потребовало отправить туда 70 казаков (казаки в данном контексте — иррегулярная кавалерия, нанимаемая из местных, вероятнее всего татар) (*sociis cazachis*) с 2 комиссарами и припасами, однако найдя это место слишком укреплённым, флот отправился в Севастополь (Сухум). В этот раз турки смогли разграбить город и сожгли 2 генуэзских корабля, находившихся там⁴¹⁶.

Далее документ вновь касается турецко-татарских отношений. Согласно ему, турки уже имели оговорённое место встречи с татарами, видимо, для согласования действий против Каффы. Им стало местечко Кавалари (*Cavalarii*), находившееся в сельской округе города Воспоро на крымском побережье

---

⁴¹⁵ CDCTL 1868 Op. cit. P. 104.

⁴¹⁶ Ibid. P. 103.

Керченского пролива⁴¹⁷. Именно туда первоначально прибыл турецкий флот, где с татарами были проведены некие переговоры.

После этого 11 июля флот из 56 бирем подошёл непосредственно к Каффе. Он расположился на якоре на расстоянии одного пушечного выстрела от города. Первоначально турки остановились якобы для пополнения припасов. На следующий день часть из них сошла на берег, однако во время приобретения припасов вспыхнул конфликт, завязалась потасовка, в ходе которой генуэзской администрации стоило немалых трудов удержать людей и не допустить убийства турок, находящихся на суше. Тем не менее в ещё одной стычке 15 человек было убито, и консулу пришлось приносить извинения перед Демир-Кяхьей, которые, видимо, не произвели на него впечатления, так как на следующий день турки пытались устроить пожар в городе, что не получилось у них только в связи с «неслыханным со времён основания Каффы летним дождём» (*pluvie a caffensi origine inaudite non capere*)⁴¹⁸.

Стоит отметить, что на протяжении всей осады генуэзцы не бездействовали. В городе все это время присутствовал турецкий посол, с которым, видимо, также велись переговоры. К тому же из города были отправлены лазутчики к Хаджи Гирею и, что более интересно, куда-то в Орду (l'Ordo)⁴¹⁹. Суммы выплат, полученные ими, говорят о небольших расстояниях, которые лазутчикам предстояло преодолеть, поэтому точно сказать, шла ли речь о Большой Орде, нельзя.

14 июля к стенам города прибыл сам Хаджи Гирей в сопровождении 6000 всадников и немедленно провёл переговоры с Демир-Кяхьей и его капитанами. С некоторым сомнением консул высказывает догадку, что на этих переговорах татары и турки пришли к выводу, что не располагают силами, достаточными для взятия города. Хотя само по себе взятие и

⁴¹⁷ Бочаров С.Г. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове//Поволжская археология № 4 (22). Казань, 2017. С. 81-83.

⁴¹⁸ CDCTL 1868 Op. cit. P. 105.

⁴¹⁹ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы... С. 95, 103.

разграбление города, а тем более переход его под власть турок, не вполне соответствовали интересам хана.

Так или иначе, вскоре Хаджи Гирей попросил переговорщика от Каффы, однако генуэзцы отказались его дать. Тогда с ними вступил в переговоры Демир-Кяхья, который сообщил, что «император» будет удовлетворён теми договорённостями, которые были достигнуты до его прибытия, на которые генуэзцы пошли «из страха перед флотом, который, как мы думали, был больше и сильнее» (*metu classis ipsius quam potentiolem et maiorem extimabamus peracta sunt*).

Эти договорённости предполагали выплату «императору» дани (*tributum*) в 600 соммов ежегодно и 150 аспров ежедневно (видимо подразумевалась минимальная сумма ежедневного содержания подданных хана в городе — алафа), что не отменяло выплату «обычных экзений» (*solitaque exenia*)⁴²⁰. К тому же Каффа обязывалась обеспечить флот хлебом и другими припасами. На первый взгляд сумма весьма значительная, однако вполне сравнимая с расходами на укрепление и вооружение города, которые в 1453–1454 гг. составили 120 000 аспров⁴²¹.

После этого флот двинулся далее вдоль побережья Готии, «где они причинили большие убытки к чрезвычайному их позору, и никто не сделал им никакого препятствия, затем они отплыли в Константинополь» (*Ubi plura in maximum illarum dedecus dampna intulerunt cum nullum fecerint obstaculi... ..deinde Constantinopoli navigarunt*)⁴²².

Консул, однако, выражает уверенность, что «император» по-прежнему заинтересован в «полном уничтожении» (*nichilare... ..nulationem*) города. Для предотвращения этого он просит отправить из метрополии 4 вооружённых корабля (*navibus quatuor armatis*) и 10 галей (*galeis*) до начала зимы. Важно заметить, что в это время вот уже больше года никакого сообщения между Генуей и Каффой по морю не поддерживалось вследствие блокирования Босфора

⁴²⁰ CDCTL 1868 Op. cit. P. 105.

⁴²¹ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы... С.101.

⁴²² CDCTL 1868 Op. cit. P. 104.

турками. Однако консул выражает уверенность, что корабли смогут прорваться через проливы, «если будут осторожны вблизи суши», и доставить в Каффу так необходимых стипендиариев (*stipendiarios*) и велитов (*velitis* – лучники, застрельщики?)⁴²³.

Просьба консула осталась не услышанной, и до весны 1455 г. в Каффу так и не прибудет ни одного корабля из Генуи. Зато несколько кораблей, напротив, в страхе уйдут из города, увозя на борту беженцев.

Каффе ещё только предстояло заключить официальный мирный договор с Хаджи Гиреем. Вопрос этот, однако, сильно затянулся. Вероятно, из-за отсутствия хана в Крыму, так как 27 сентября 1455 г. генуэзцы узнают, что Хаджи Гирей «прекратил раздор» с неким «другим императором»⁴²⁴. Видимо речь шла об очередном столкновении с силами Большой Орды где-то в причерноморских степях. Вполне возможно, что речь шла и об окончательном уходе с исторической сцены Сеид-Ахмеда, которое произошло в том же году.

Так или иначе, только с возвращением хана переговоры продолжились. Посредником в них, видимо, выступал князь Феодоро⁴²⁵. Их затягивание, впрочем, было выгодно генуэзцам, как становится ясно из последующих событий 1456-1457 гг.

Согласно одной из армянских памятных записей, относящихся к 1456 г., Хаджи Гирей на некоторое время потерял власть над ханством: «В этом году [1456] пришёл султан Махмутаг и обратил в бегство хана Хатжи-Кирея, и город этот [Кафа] очень рад, да сделает Бог завершение (этих событий) добрым»⁴²⁶.

Помимо этого, инструкцию касательно ведения дел с «новым Императором скифов» содержит письмо в Каффу протекторов Банка Св.

⁴²³ CDCTL 1868 Op. cit. P. 107.

⁴²⁴ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы... С. 133.

⁴²⁵ Там же. С. 136-137.

⁴²⁶ Саргсян Т.Э. Указ. соч. С. 252.

Георгия от 27 ноября 1456 г., которое в свою очередь является ответом на рапорт консула от 18 июля⁴²⁷.

В ней выражается просьба оказывать хану поддержку в его борьбе с соперниками, причём любыми способами. Также инструкция свидетельствует о благосклонном расположении нового хана к Каффе. Эта информация относится, вероятно, к июню-июлю 1456 г. и была сообщена в Геную в рапорте консула. Любопытно отметить, что и в армянской памятной записи говорится о том, что Каффа была рада воцарению нового хана⁴²⁸. Что само по себе не удивительно, ввиду политики, проводимой Хаджи Гиреем в отношении города.

Ещё больше свет на ситуацию проливают данные из книг массарии Каффы за 1456 и 1457 г., материалы которых были изучены А. В. Джановым. Эти записи раскрывают куда большее участие генуэзцев в этой кратковременной междоусобице между Хаджи Гиреем и неким Махмудеком. Точнее, оказывается, что вовсе не только Махмудек являлся главным действующим лицом этих событий.

Как выяснилось из записей, ещё 3 декабря 1455 г. консул Каффы Тома де Домокульта выделил 40 300 аспров Иоанну Джентилле, который был послан с ними в московские земли (*in Moschi*), чтобы привести в Каффу султана Касима, сына Улуг-Мухаммеда (*causa conducere Casimum soltanum tartarum filium quondam Ollomasometi Caffam*)⁴²⁹. Из дальнейших записей становится понятно, что вместе с Касимом прибыл также его старший брат — казанский хан Махмудек (не называемый прямо по имени), который далее в тексте называется «императором султана» (*imperator sultani*)⁴³⁰. Вероятно, что поводом к выступлению Касима и Махмудека послужило отсутствие Хаджи Гирея в Крыму в связи с его отъездом в Валахию (известно, что в феврале 1456 г. он покинул Крым)⁴³¹.

Султаны появляются на полуострове незадолго до 19 июля, а уже 23 сентября в книге массарии Каффы появляются новые счета: «Расходы по случаю

⁴²⁷ CDCTL 1868 Op. cit. P. 658-663.

⁴²⁸ Ibid. P. 660.

⁴²⁹ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы... С. 147-148.

⁴³⁰ Там же. С. 148.

⁴³¹ Assini A. Op. cit. P. 18.

прихода Касима султана татарина» и «Расходы, сделанные Джулиано Скварчафико во время войны Хаджи Гирея императора, когда он окружил землю Каффы»⁴³². Несмотря на краткое перемирие в конце 1456 г. война продолжилась в следующем 1457 г. Однако, состав её активных участников претерпел некоторые изменения.

Судя по регулярным упоминаниям в массариях в этот же период крымского бея Мамака из рода Ширин⁴³³, часть крымской знати поддержала притязания претендента. Потерпев поражение в 1456 г. Касим и Махмудек покинули Крым, однако, Каффа и Ширины, по-видимому, отнюдь не намеревались отказываться от борьбы с Хаджи Гиреем. Новыми претендентами стали сыновья старого врага крымского хана, сошедшего с исторической сцены двумя годами ранее — Сеид-Ахмеда. Братья Хаджи-Ахмед и Махмуд весной 1457 г. вступили в борьбу с Хаджи Гиреем и первоначально вели её весьма успешно. Основным претендентом на ханский титул выступил старший из братьев — Махмуд⁴³⁴. В начале весны в Каффу прибывает его семья, а уже в конце апреля в книгах массарии упоминается о том, что Хаджи Гирей был им разбит и Махмуд ведёт подготовку к провозглашению себя «императором». Собственно, под таким титулом он и упоминается в дальнейших записях⁴³⁵. Теперь становится понятно, почему генуэзцы всячески оттягивали выплату дани и заключение мирного договора с Хаджи Гиреем, по итогам переговоров 1454 г., видимо, рассчитывая на смену крымского правителя и более приемлемые условия.

Удача, однако, недолго преследовала новопровозглашённого хана, и уже 15 июля в записях массарии сообщается что Каффа снова окружена силами Хаджи Гирея, что вынудило генуэзцев снарядить посольство для мирных переговоров с крымским правителем. Результатом переговоров становится ярлык Хаджи Гирея Каффе, с фотокопией которого нами велась

⁴³² Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы... С. 154.

⁴³³ Там же. С. 156.

⁴³⁴ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства... С. 168.

⁴³⁵ Там же. С. 172-175.

работа⁴³⁶, позволяющая согласится с транскрипцией и переводом выполненными автором публикации этого источника⁴³⁷. Также был выполнен самостоятельный перевод на русский язык (см. Приложение). Фактически ярлык представляет из себя мирный договор, условия которого были предварительно выработаны на переговорах⁴³⁸.

После разрешения конфликта братья претенденты покинули город сухим путём, видимо достигнув некой договорённости с ханом⁴³⁹. В историографии существовала некоторая путаница в связи с личностями претендентов на крымский престол в ходе татаро-генуэзской войны 1454-1457 гг. Так, А. Л. Пономарёв считал Махмудека – сыном Сеид-Ахмеда, и при этом креатурой ширинского бея Мамака⁴⁴⁰. С учётом вероятного крымского происхождения Сеид-Ахмеда от Таш-Тимура эта гипотеза имела определённую логику. Заподозрить в упоминающемся в армянской памятной записи Махмутаге — Махмудека сына Улуг-Мухаммеда мешал тот факт, что после смерти последнего Махмудек был ханом в Казани, что, казалось бы, должно было делать для него малопривлекательными авантюры по завоеванию крымского престола. Тем не менее, записи генуэзской массарии прямо подтвердили его совместное с братом Касимом участие в подобной аванюре, что может быть любопытно уже с точки зрения истории Казанского ханства. Наконец, имя второго претендента Махмуда сына Сеид Ахмеда позволяло легко перепутать его с Махмудеком, и лишь прямое упоминание его происхождения в записи массарии⁴⁴¹ позволило однозначно говорить о смене претендента, выдвигаемого частью крымских беев и генуэзцами.

Условия договора, несмотря на очевидную неудачу генуэзской авантюры со сменой власти в Крыму, нельзя назвать односторонними, где очевидно превалировали бы интересы победившей стороны — Хаджи Гирея. Хан пошёл на ряд уступок в пользу генуэзцев: во-первых, он предоставил в качестве гарантии

⁴³⁶ Archivio di Stato di Genova. Affari Generali. Cancellaria dei Protettori. Primi cancellieri. Unità 2913. 14.09.1457.

⁴³⁷ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства... С. 185-190.

⁴³⁸ Там же. С. 178.

⁴³⁹ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы... С. 161.

⁴⁴⁰ Пономарёв А. Л. Ибрагим, сын Махмудека... ч. 1. С. 146.

⁴⁴¹ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства... С. 167.

соблюдения договора своего неназванного сына, ставшего заложником, во-вторых, он пошёл на ряд уступок по некоторым важным для генуэзцев вопросам.

Так, например, по условиям договора ни один другой порт кроме Каффы не должен был быть устроен на подвластных хану территориях, что пусть и не решало проблемы обходной торговли через Каламиту (которая находилась под властью князя Феодора Олобея), но по крайней мере делала невозможной торговлю в обход Каффы через Воспоро и мелкие порты на побережье. Также стороны, вполне традиционно, договаривались о военном союзе, хан обещал быть другом друзьям и врагом врагам генуэзцев, и встать на их защиту как против христиан, так и против «сарацин». Ещё одним важным условием было обязательство взаимной выдачи преступников, должников и беглых рабов. В предшествующие годы проблема побега должников из Каффы на подвластные хану территории была достаточно острой для города⁴⁴².

Стороны договаривались также о беспрепятственном перемещении своих подданных на территориях друг друга, генуэзцы обязывались не причинять вреда людям хана, а Хаджи Гирей в свою очередь гарантировал безопасность генуэзским торговцам, проходящим через его владения. Договор также содержит пункт, касающийся берегового права, генуэзцы получали гарантию сохранения своей жизни и имущества в случае кораблекрушения вблизи подвластных хану берегов. Ну и важнейшим пунктом договора, с точки зрения интересов Хаджи Гирея, был пункт, запрещающий впредь генуэзцам принимать у себя кого-либо из детей Сеид-Ахмеда или Улуг-Мухаммеда⁴⁴³.

Впрочем, несмотря на это, неудача все равно достаточно дорого обошлась коммуне: больших денег стоили подарки всем султанам-претендентам, их содержание и дальнейшие переговоры с Хаджи Гиреем. Несмотря на обязательство Хаджи Гирея не вводить новых поборов, по

---

⁴⁴² Basso E. 1999. Op. cit. P. 84-85.

⁴⁴³ Archivio di Stato di Genova. Affari Generali. Cancellaria dei Protettori. Primi concellieri. Unità 2913. 14.09.1457.

условиям мира Каффа лишалась возможности сбора налогов с «канлюков» — мусульман, проживающих в их владениях. В целом, по итогам войны 1456-1457 г. Каффа потерпела неудачи, и ей пришлось перейти к старой тактике успокоения и задабривания крымского «императора».

К 1460 г. относится ещё одно интересное свидетельство дипломатической деятельности крымского хана. Известно, что владыка Лусты Бердибек выступал в качестве посредника между Хаджи Гиреем и неким Биберди (Biberdi), господином Зихии (Zichia). Переговоры должны были состояться в Воспоро, однако Биберди не явился на них, за что Бердибек был казнён Хаджи Гиреем, и Лусту получил во владение Чейхиби – брат казнённого⁴⁴⁴.

Этот эпизод говорит не только о существовании своего рода татарско-генуэзского кондоминиума на части территории южного берега Крыма и присутствии черкесского элемента в Крыму, но и о дипломатических интересах Хаджи Гирея на той стороне Керченского пролива. Предмет предполагаемых переговоров неизвестен, однако, помимо торговых вопросов, им мог стать вопрос, касающийся возобновившейся угрозы со стороны Большой Орды, которая как раз являлась восточным соседом господина Биберди.

После смерти Кичи-Мухаммеда в 1459 г. его Орду разделяют сыновья – Махмуд и Ахмад. Номинальное старшинство принадлежало Махмуду, и именно его Орда соседствовала с Крымским ханством. Он унаследовал от отца и конфликт с Хаджи Гиреем⁴⁴⁵.

Первое столкновение с новым ханом случилось в 1460 г., причём в этом противостоянии победу одержал Хаджи Гирей⁴⁴⁶, однако она была совсем не окончательной.

В 1465 г. Махмуд собрал значительные силы в низовьях Дона, и, как предполагает русская летопись, намеревался идти на Русь⁴⁴⁷. На какую именно, точно сказать нельзя, речь могла идти и о Великом княжестве Литовском. В

⁴⁴⁴ Assini A. Op. cit. P. 27.

⁴⁴⁵ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 253.

⁴⁴⁶ Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев.... С. 228.

⁴⁴⁷ ПСРЛ т. XXIV. С. 186.

любом случае эта позиция позволяла атаковать с равной вероятностью и северо-восточную, и юго-западную Русь, а также Крым.

Видимо, последнее обстоятельство и заставило Хаджи Гирея нанести превентивный удар и разгромить Махмудово войско. Даже в случае, если целью Махмуда был избран не Крым, Хаджи Гирей спасал от разорения земли своего союзника – Казимира IV. К тому же это ещё больше поднимало статус крымского хана, разгромившего уже второго хана Орды на своём веку⁴⁴⁸.

Это была последняя победа, одержанная Хаджи Гиреем. Вероятно, что он и не успел в полной мере воспользоваться её плодами. Однако Ян Длугош сообщает, что незадолго до смерти Хаджи Гирею удалось на некоторое время занять собственно территорию Большой Орды⁴⁴⁹.

Так или иначе, Крымское ханство значительно усиливается. Увеличивается и его международный вес. В 1466 г. Хаджи Гирея пытаются втянуть в антиосманскую коалицию, однако он отвечает, что поступит так, как поступит Казимир IV⁴⁵⁰, а польский король совсем не спешил вступать в войну с Мехмедом II. Окончательно ситуация не успела разрешиться. Этот эпизод подтверждает предположение о том, что лояльность Казимиру IV поддерживалась на протяжении всего правления Хаджи Гирея. В 1466 г. Хаджи Гирей умирает, и Крымское ханство погружается в очередную междоусобицу между сыновьями покойного.

Таким образом, на протяжении четверти века своего правления, Хаджи Гирей развивал активную дипломатическую деятельность на всех основных направлениях: северном (в отношении Польши и Литвой), южном (в отношении Каффы и Феодоро) и восточном (противоборство с ханами Большой Орды и прочими татарскими претендентами).

Несомненно, наиболее важным для молодого государства направления было восточное. Именно из степи, от татарских правителей

⁴⁴⁸ Гайворонский О. Указ. соч. С. 30.

⁴⁴⁹ Jana Długosza *Dziejów Polskich*... S. 398.

⁴⁵⁰ Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев.... С. 230.

Поволжья исходила главная угроза независимости Крымского ханства. На протяжении 40-50-х гг. внешнеполитическая деятельность Хаджи Гирея была сосредоточена на борьбе с угрозой со стороны Сеид-Ахмеда и лишь после победы над ним в 1452 г. хан на некоторое время обращается на юг.

Накануне 1453 г. Хаджи Гирей уже успел наладить дружественные отношения с правителями Феодоро и организовать извлечение прибыли из торговли в обход Каффы через Каламиту. Вероятно, это могло начаться ещё раньше и именно с этим был связан перенос ханской резиденции из Солхата в Кырк-Ер, осуществлённый ещё во втор. пол. 40-х гг., что было тесно сопряжено с экономической экспансией нарождающейся Османской империи. Возможно, это же обстоятельство обусловило и дальнейшее участие бея Ширина в борьбу против Хаджи Гирея, поддержанной генуэзцами.

Крымское ханство также поддерживало отношения с растущим региональным гегемоном — Османской империей, в целях извлечения прибыли из экспансионистских устремлений Осман в отношении генуэзцев Каффы. Об этом говорит активное участие Хаджи Гирея в осаде Каффы 1454 г.

В сер. 50-х гг. хан столкнулся с попыткой генуэзцев повлиять на внутривосточную обстановку в Крыму и спонсировать его смещение в пользу более стоворчивого кандидата, что вылилось в войну 1456-1457 гг. Итогом войны стало заключение мирного договора и урегулирование отношений с генуэзцами на относительно компромиссных условиях, что поддерживалось как минимум до конца правления Хаджи Гирея.

На завершающей стадии правления хана в 60-е гг. возобновилась угроза из степи, на этот раз в лице Кичи-Мухаммеда и его сыновей, война с которыми завершилась разгромом хана Махмуда в устье Дона.

В отношении же северо-западного направления, на протяжении всего своего правления Хаджи Гирей оставался верным союзником Казимира IV, защищая его владения от недружественных татарских орд и оказывая поддержку в некоторых конфликтах.

Таким образом, успешная внешнеполитическая деятельность Хаджи Гирея на каждом из упомянутых направлений, позволила отстоять и укрепить независимость Крымского ханства, что уже при следующем крымском хане Менгли Гирее сделало Крым одним из ключевых игроков в восточноевропейской политике, оказавшим большее влияние в том числе и на ход русской истории.

§3. Каффа в период правления в Крыму Хаджи Гирея

Отрицательные тенденции в положении Причерноморских владений Республики, проявившиеся в предыдущие годы, продолжали нарастать на протяжении 40-х и особенно 50-х гг. XV в.: сложности в управлении, напряженная этническая и социальная обстановка, оскудение торговых потоков, неблагоприятная для генуэзцев международная конъюнктура и, как следствие, огромные дефициты бюджета. Важнейшим негативным фактором, во многом обусловившим остальные, являлась именно международная обстановка на Черном море в целом и в Крыму в частности.

Конечно, наиболее важные международные процессы, повлиявшие на черноморскую торговлю, произошли задолго до середины XV века: распад Золотой Орды и военно-экономическая экспансия Османской Империи начались ещё в XIV столетии. Однако именно к сер. XV в. они в полной мере проявили себя, болезненно отразившись на торговой жизни региона.

Окончательное отделение Крыма от Золотой Орды в 1441–1442 гг. и установление между Крымом и Ордой сугубо враждебных отношений на последующие 50 лет знаменует собой полную потерю безопасного пути на Восток для европейцев и даже какого-либо шанса на его восстановление.

Серединой XV в. также датируется возникновение такого феномена, как «турецкий страх», который, как считается, охватил христианские народы после падения Константинополя в 1453 г. Однако первые его проявления возникли задолго до этого и особенно усилились в 1444 г. после катастрофического

поражения крестоносного войска в битве под Варной и гибели короля Польши и Венгрии Владислава III Варненчика.

Надо отметить, что Генуя стремилась наладить хорошие отношения с султаном Мурадом II. Турки виделись естественным союзником против складывающейся в 30-40-е гг. антигенуэзской коалиции в составе Венеции, Феодоро, Молдавии, Византии, а также Трапезунда и других государств Понта. Такой взгляд в той или иной степени продержался вплоть до падения Константинополя и Перы в 1453 г.⁴⁵¹

Не самым лучшим образом в 40-е гг. складывались отношения у Генуи с Трапезундом. Разного рода трения, возникавшие между сторонами, к середине 40-х постепенно подводили к новому столкновению. Своего пика конфронтация достигла в 1446–1447 гг., когда под стены Каффы подошёл трапезундский флот из 13 галер под началом деспота Давида Комнина. Эта экспедиция, по сути дела, была демонстрацией силы, о боевых действиях речи не шло, экспедиция лишь пополнила в городе запасы продовольствия, а сам Давид получил от администрации подарок в 1413 аспров⁴⁵².

Дополнительные возможности Императора Трапезунда создать проблемы для Каффы демонстрировал факт дальнейшего посещения флотом порта Каламиты (всего пять лет назад возвратившейся под власть князя Мангупа) и подтверждение союза с княжеством Феодоро. Вкупе с тем, что позицию Трапезунда поддерживали и другие государства Понта, это ставило Геную в неловкое положение и заставило отнестись к ситуации с максимальной серьёзностью. Конечно, боевые действия между сторонами так и не начались, в 1447–1448 гг. шли переговоры⁴⁵³. Конфликт до конца так и не был урегулирован, но перешёл в состояние своего рода таможенной войны, которая, без сомнения, оказывала далеко не благотворное влияние на довольно значительную генуэзско-трапезундскую торговлю⁴⁵⁴.

⁴⁵¹ Andreescu S. New genoese documents relating... P. 260.

⁴⁵² Карпов С. П. История Трапезундской Империи. С. 368

⁴⁵³ Там же. С. 368–369.

⁴⁵⁴ Там же. С. 372.

И хотя с Трапезундом до открытой войны дело так и не дошло, видимо, боевые действия велись с правителем Синопа, поскольку в инструкции консулу Каффы от Оффиции Попечения Романии, отправленной 6 апреля 1447 г. дож и Оффиция повелевают «чтобы против синопцев мужественно и быстро велась война и осуществлялись наступления» (*quod contra Sinopenses viriliter et prompte guerram moveatur et offense fiant*)⁴⁵⁵. Впрочем власти Генуи явно желали скорейшего окончания этого конфликта, что ясно из альтернативной инструкции: «если прежде получения этого письма упомянутые синопцы пересмотрят свою волю и поэтому с вами и с обитателями Перы договорятся о мире и каком-либо дружественном и благом согласии, которое вам покажется добрым и похвальным, то тогда мы оставляем на усмотрение вашей рассудительности, а также обитателей Перы, прекратить упомянутую войну и наступление, следуя указанному договору и соглашению» (*si ante receptione harum nostrarum litterarum dicti Sinopenses recognoscerent sententiam suam et ex cum vobis et perensibus descenderent aut ad pacem aut ad aliquod amicabile et bonum concordium quod videretur vobis bonum et laudabile tunc contentamur in iudicio discretionis vestre et illorum de pera desistatis a dictis guerra et offensis vos adherentes ad dictam reformationem et concordium*)⁴⁵⁶. Очевидно, конфликт мешал торговле, вероятно, был спровоцирован именно синопской стороной и тяготил генуэзцев.

Довольно бурная международная жизнь в регионе вместе со сломом традиционного регионального миропорядка обуславливали те экономические проблемы, с которыми столкнулись генуэзские фактории в это время.

Падение доходов вынуждало Геную искать способы оптимизировать управление факториями, попытаться удешевить его и при этом повысить его эффективность. Именно с этой целью в 1446 г. в Каффу из Генуи направляется комиссия во главе с Барнабо Вивальди, целью которой является инспекция и упорядочивание законодательных актов, регулирующих жизнь Каффы⁴⁵⁷. Из мер, которые предприняли «Барнабо де Вивальди и его сотоварищи комиссары и

⁴⁵⁵ Archivio di Stato di Genova. Sala 34, N 590. 1308/3 (1447-1448) Л. 42r-42v.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 42r-42v.

⁴⁵⁷ Юргевич В. Указ. соч. С. 633.

реформаторы восточных краёв» можно выделить: заморозку выплат по старым долгам массарии, попытку секвестирования владений и доходов семейства Гвизольфи в Матреге, борьбу с частной сеньорией генуэзских граждан в регионе, введение новых штрафов и сокращение выплат и льгот представителям генуэзской администрации⁴⁵⁸.

Тем не менее, из дальнейших событий становится понятно, что результаты работы комиссии не оправдали ожиданий. По возвращении миссии Вивальди выяснилось, что результаты её работы так и не были предоставлены Оффиции Романии в письменном виде, члены комиссии ограничились их пересказом на словах⁴⁵⁹. В дальнейшем Оффиции пришлось утверждать или отклонять отдельные постановления комиссии в переписке с консулами Каффы. К тому же распоряжения Вивальди не столько упорядочивали старые законы, сколько решали частные вопросы и вводили новые нормы. По сути работа комиссии ничего фундаментально не изменила, она оказалась скорее работой «пожарной команды» и представляла из себя «латание дыр» в ручном режиме. К тому же не было гарантий, что распоряжения Вивальди не подвергнутся новым дополнениям и корректировкам со стороны местных чиновников. Для предотвращения самоуправства и злоупотреблений было решено создать новый Устав, который не мог бы быть подвержен каким-либо корректировкам и исправлениям со стороны администрации колоний⁴⁶⁰.

В соответствии с этой идеей 28 февраля 1449 г. дож Лодовико Кампофрегозо и восемь членов Оффиции попечения Романии принимают новый Устав для черноморских владений. Ряд положений этого Устава говорят о том, что тяжёлая ситуация сложилась не только в области международных отношений, но и в среде самого генуэзского чиновничества.

Новый Устав ужесточал антикоррупционную составляющую законов, серьёзно ограничивая возможности должностных лиц по извлечению прибыли из

---

⁴⁵⁸ Кравченко И.В. Политико-экономическое положение Каффы второй половины 40-х гг. XV в. в отражении неизданных документов Оффиции попечения Романии // Человеческий капитал. 2023. № 6 (174). С. 33-34.

⁴⁵⁹ Archivio di Stato di Genova. Sala 34, N 590. 1308/3 (1447-1448) Л. 42r.

⁴⁶⁰ Юргевич В. Указ. соч. С. 632.

своей должности, что довольно парадоксально с учётом того факта, что в предшествующие годы Республикой уже использовалась практика расплачиваться с долгами предоставлением официий в Газарии (например случай Дарио Грилло в 1443 г.⁴⁶¹).

Хотя, возможно, целью Устава была как раз борьба с этой практикой (в частности, там содержится прямой запрет на продажу должностей⁴⁶²), что, опять же, довольно парадоксально, ведь в случае того же Дарио Грилло он не получил практически никаких доходов с предоставленной ему официи. А с учётом свидетельств задолженностей коммуны перед чиновниками⁴⁶³ и оттока латинского населения из колоний достаточно странным выглядит решение лишить официалов сторонних доходов. Впрочем, целью этих ограничений могла быть борьба за торговую привлекательность города, ведь самоуправство чиновников, притеснения и поборы со стороны консула вредили торговле и как следствие ещё больше истощали и так скудные бюджеты. Впрочем, как станет ясно из анонимного письма 1452 г.⁴⁶⁴, Устав не решил этой проблемы.

Также в Уставе содержится подтверждение декрета от 21 апреля 1441 г., который прямо запрещает консулам осуществлять расходы, превышающие доходы⁴⁶⁵. Это гениальное в своей простоте решение, конечно, не привело к ликвидации бюджетного дефицита, зато красноречиво свидетельствует о наличии такового.

Вторым важным аспектом Устава, отлично отражающим международную атмосферу в Черном море, являлись пункты, затрагивающие мусульман. Они демонстрируют то недоверие, с которым относились к ним в колонии. В то же самое время видно, что власти не желали и какого-либо конфликта с ними, боясь спровоцировать правителей мусульманских государств на ответную реакцию.

---

⁴⁶¹ Карпов С. П. Регесты документов Фонда *Diversorum Filze*... С. 43.

⁴⁶² Юргевич В. Указ. соч. С. 746.

⁴⁶³ Карпов С. П. Регесты документов Фонда *Diversorum Filze*... С. 49.

⁴⁶⁴ Basso E. *Caffa 1453: Tensioni interne e difficoltà economiche alla vigilia della caduta di Costantinopoli/Romania Orientale*. Roma, 1999. Doc. 1. P. 72-79.

⁴⁶⁵ Юргевич В. Указ. соч. С. 753–754.

Любым «сарацинам», проживающим в городе (в том числе и в антибургах), запрещалось держать у себя дома любое наступательное или оборонительное вооружение. Туркам и другим «сарацинам» оружие было также запрещено и ввозить в город⁴⁶⁶.

Атмосферу недоверия именно к татарским правителям Крыма засвидетельствовали статьи, прямо озаглавленные «De coniunctione burgensium cum Tartaris removenda». В частности, жителям Каффы было запрещено брать какие-либо подарки (*exenium*) или вещи (*res*) от «императора татар» или его подданных⁴⁶⁷. Запрещалось принимать татар дома или в гостинице, причём вне зависимости от того, являются ли они подданными хана. Также вводился запрет на всякий разговор с послами «императора» без разрешения консула и Совета старейшин под угрозой огромного штрафа в 25–50 соммов. При этом мотивировались эти запреты тем, что «братская дружба и связи» (*fraternitatem et coniunctionem*) жителей Каффы с императором татар и его подданными наносят «большой вред и ущерб» (*magnum damnum et incommodum*) городу Каффе и коммуне Генуи. Причём упоминается, что некие граждане, получающие от татар подарки, передают татарам некие важные секреты⁴⁶⁸.

Отдельно оговаривается запрет для тудуна (*Titanus Canlucorum* – должность, которую с согласия генуэзцев занимал знатный татарин, ведающий делами татарского населения (такими как суд, сбор части налогов и т. д.), проживавшего на подвластной генуэзцам территории так называемой Кампании (*la camragna*)⁴⁶⁹) как-либо вмешиваться в дела горожан Каффы вне зависимости от их национальной или религиозной принадлежности⁴⁷⁰. С учётом того, что эту должность, как правило, занимали представители татарского бейского рода Ширинов, эта статья также была призвана оградить Каффу от влияния «императора» и его подданных.

⁴⁶⁶ Юргевич В. Указ. соч. С. 814.

⁴⁶⁷ Там же. С. 739-740.

⁴⁶⁸ Там же. С. 739.

⁴⁶⁹ Галенко О. Тудун // Східний світ. 1998. № 1–2. С.183-204.

⁴⁷⁰ Юргевич В. Указ. соч. С. 763.

В чем же состояла причина таких натянутых отношений с ханом? Неужели и он входил в состав условной складывающейся «антигенуэзской коалиции»? Как уже упоминалось в предыдущем разделе данной главы, Хаджи Гирей действительно вёл антигенуэзскую политику, причём в отличие от предыдущих недружественных ханов степи, её целью являлось не просто стремление увеличить свою долю из получаемых доходов Каффы и обобрать генуэзцев. На этот раз хан целился к полному их экономическому вытеснению из крымской торговли и бил по ключевым экономическим интересам города.

И это на фоне и так кризисной ситуации в управлении колониями, кризиса бюджета и противостояния с Трапезундом. До нас дошли документы, которые ярко демонстрируют многочисленные экономические сложности, с которыми городу пришлось столкнуться ещё до падения Византии и блокирования Босфора. В частности, речь идёт о докладах консула Боруэлле Гримальди, содержание которых уже упоминалось в предыдущем разделе главы. Опять же, как и в 40-е гг. внешние проблемы усугублялись внутренними.

Например, яркую иллюстрацию внутренней обстановки в Каффе можно обнаружить в ранее упомянутом анонимном письме, подписанном просто как «жители Каффы» (*habitatores Caffè*), от 11 октября 1452 г.⁴⁷¹. По большей части письмо представляет из себя критику правления консула и его приближенных, в нем приводится достаточно большой список злодеяний консула, нарушений Устава и прочих обвинений. Однако интересно то, что в нем также затрагивается проблема иссякания торгового потока, проходящего через Каффу. Сообщается, что вследствие притеснений консулом иностранных купцов и заключения их в тюрьму под надуманным предлогом они избегают посещать город.

В последующем ответе консула на эти обвинения он подтверждает существование экономических проблем в Каффе и раскрывает личность анонима⁴⁷². Консул сообщает, что письмо было отправлено Лоренцо Спинола, должником, что был посажен в тюрьму по требованиям кредиторов, которых он

⁴⁷¹ Basso E. Caffa 1453... P. 72-79.

⁴⁷² Ibid. P. 84–85.

не мог удовлетворить (*est Laurencius Spinulla quondam domini Antonii qui, dum esset in carceribus ad instantiam creditorum suorum plurium numero, nec vellet aut non posset illis satisfacere*). Однако Лоренцо удалось сбежать в Солхат, к крымскому хану, где генуэзские власти ничего не могут ему сделать.

Отсюда же мы узнаем, что случай Спинола не единственный: по словам консула, за последний год Каффе угрожает 50 банкротств на общую сумму в 40 000 соммов (*ab anno uno citra occurrerint hominum rapture qui, computatis civibus et burgensibus logie, attingunt ad quinquaginta numero, quorum debitum facto diligenti computo ascendere non dubitamus ad sommos quadraginta milia in plus*).

Соответственно, ещё до передачи Каффы и остальных черноморских факторий во владения Банка Св. Георгия она уже испытывала значительные экономические трудности, связанные с уменьшением торгового потока, разорением граждан и, как следствие, конфликтами внутри латинского меньшинства. Причём приём, оказываемый татарами латинянам, находящимся вне закона, может лишний раз свидетельствовать о совсем не дружественных отношениях, сложившихся у коммуны с Хаджи Гиреем.

Однако событием, которое действительно серьёзно изменило международную обстановку и ознаменовало собой начало конца генуэзского владычества в Черном море, стало падение Константинополя 29 мая 1453 г. Вместе с Константинополем турки захватили и Перу – генуэзскую торговую факторию в Галате. Таким образом, Каффа и другие причерноморские фактории Республики оказались фактически отрезаны от метрополии.

Ещё больше ситуацию усугубляли сложности в самой метрополии: опустошение казны вследствие войны с Арагоном, постоянная угроза со стороны Франции и Милана, а также огромные долги Банку Св. Георгия⁴⁷³.

Участие генуэзцев в обороне Константинополя несколько осложнило проведение переговоров о новом порядке прохода через проливы, которые необходимо было провести с османами. Необходимость проведения таких переговоров стала очевидна практически сразу после падения Византии, однако

---

⁴⁷³ Волков М. Четыре года города Кафы... С. 111–112.

дипломатические усилия генуэзцев сильно запоздали и не спасли Перу (хотя фактически генуэзская администрация функционировала там до октября 1453 г.)⁴⁷⁴.

По сути дела, черноморские фактории потеряли связь с метрополией, не говоря уже об огромном психологическом ударе, нанесённом всем христианам этим известием. Именно в таком неопределённом и неустойчивом состоянии, когда жители Каффы со дня на день ожидали прибытия османского флота для осады и захвата города, фактории и были переданы Банку Св. Георгия 15 ноября 1453 г. за относительно небольшую плату (скорее символического характера) в 14 310 лир⁴⁷⁵.

К этому времени Каффа переживает не лучшие свои времена: все проблемы, существовавшие в городе до 1453 г., усилились, а вместе с ними появился и ряд новых. На 28 ноября 1453 г. город характеризуется как «голый, пустующий и малонаселённый» (*nudus et vacuus et pusilanimis*)⁴⁷⁶. В ужасном состоянии находились укрепления города, а социальная обстановка оставалась нестабильной, в том числе из-за действий местного католического духовенства⁴⁷⁷.

Именно в такой внутренней обстановке город пережил уже упоминавшиеся турецкую осаду 1454 г. и последующую трёхлетнюю войну с Хаджи Гиреем, в ходе которой его окрестности несколько раз были разорены.

Проблемой стало назначение должностных лиц в беспокойную, изолированную колонию, находящуюся под угрозой голода и вражеского вторжения. Так, из 7 консулов, назначенных в 1454 г. (на будущий 55-й) в различные города на побережье Чёрного моря (Каффа, Солдайя, Чембало, Самастра, Тана, Севастополь и Трапезунд), ни один не явился для принесения присяги и отправки в колонию⁴⁷⁸.

Это вынудило несколько реформировать систему управления факториями. В 1455 г. было послано сразу три консула, причём разными путями, как по суше,

⁴⁷⁴ Assini A. Op. cit. P. 20-21.

⁴⁷⁵ CDCTL 1868 Op. cit. Doc. IV. P. 32-43.

⁴⁷⁶ Ibid. Doc. XVII. P. 54-55.

⁴⁷⁷ Колли Л.П. Кафа в период владения ею Банком св. Георгия. С. 79, 89.

⁴⁷⁸ Волков М. Четыре года города Кафы... С. 117–118.

так и на прорыв через Босфор⁴⁷⁹. В дальнейшем, правда, место консула занимает лишь один, а остальные становятся массариями, по очереди сменяя друг друга. Большие проблемы у администрации вызвал и вопрос выплаты дани туркам и татарам. Для её выплаты в казне критически не хватало средств, что привело в 1454 г. к необходимости занимать деньги у местного (греческого, армянского и еврейского) населения⁴⁸⁰. С аналогичными целями был организован публичный заем и в 1455 г.⁴⁸¹

Опасность, угрожавшая городу со стороны турок и татар, обратила на Каффу внимание римских пап. Сначала Николай V⁴⁸², затем Каликст III⁴⁸³ и позже Пий II⁴⁸⁴ выпустили буллы с призывом защитить Каффу, даруя отпущение грехов всем, кто пожертвует или отправится лично на её защиту. Папы оказывали поддержку городу не только на словах: в 1456 г. Каликст III отправляет в Каффу 3000 rubra (rubbi) зерна из собственных запасов⁴⁸⁵.

Лишь завершение войны с Хаджи Гиреем и получение ярлыка 1457 г., который гарантировал сокращение дани татарам и возобновление торговли, несколько улучшили положение города. Хаджи Гирей, столкнувшись с реальной угрозой потери власти, пересматривает свою политику в отношении Каффы.

За последующим улучшением крымско-каффинских отношений могло стоять и ещё одно обстоятельство. Как известно из писем генуэзского консула Казимиру IV, написанных в 1462 г., нарастающая угроза со стороны Турции и общие торговые интересы привели к улучшению каффинско-польских отношений. Консул со дня на день ожидал атаки турецкого флота и считал, что нападение на Каффу было отложено только из-за войны турок с Валахией. Узнав о том, что Казимир IV намеревается заключить мир с Мехмедом II, консул просит вписать Каффу в этот договор в качестве города, находящегося под

⁴⁷⁹ CDCTL 1868 Op. cit. Doc. CL. P. 355-364.

⁴⁸⁰ Ibid. Doc. XXXIII. P. 109.

⁴⁸¹ Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы в 1454–1456 гг. С. 124.

⁴⁸² CDCTL 1868 Op. cit. Doc. CXVIII. P. 302-303.

⁴⁸³ Ibid. Doc. CLXXVIII. P. 403-407.

⁴⁸⁴ Ibid. Doc. CCCCLVII. P. 940–942.

⁴⁸⁵ Ibid. Doc. CCLX. P. 599–600.

покровительством короля⁴⁸⁶. Согласие короля означало, что теперь и Каффа, и Крым являются его союзниками, что явно снижало напряжение между странами.

Таким образом, для генуэзцев угроза с севера отчасти миновала, установившийся статус-кво вновь начал устраивать хана, однако никуда не делась угроза с юга. Побережье Крыма регулярно подвергалось нападениям со стороны турецких пиратов, которые приводят к появлению новых частных замков (например, Lo Taxili, принадлежавший Антонио Гуаско⁴⁸⁷), причем масштаб этих нападений по-видимому был настолько велик, что заставил жителей Каффы желать строительства как можно большего их числа по всему побережью Готии, не только против турок, но и против правителей Феодоро (*Utinam essent alii nostri qui vellent fabricare fortilitia per contra dictos dominos Gotie, qui de certo tempore citra multum se extollerunt, et qui domini Gotie pro saluare populos eorum a dictis piratis in diversis partibus Gotie circha litora maris fortilitia construxerunt*)⁴⁸⁸. Хотя ранее на протяжении многих предшествующих лет строительство частных замков жестко контролировалось. Конечно, подобные пиратские рейды бывали и раньше, например, известен рейд 1427–1428 гг.⁴⁸⁹, однако можно предположить, что после падения Константинополя генуэзцы стали куда более беззащитны на Черном море.

Турецкий натиск продолжался и в экономической сфере. И так испытывающая экономические трудности Каффа (население которой сильно сократилось) была вынуждена вводить новый прямой налог – *partimentum* на уплату дани Мехмеду II, которая увеличилась до 4000 венецианских дукатов⁴⁹⁰.

В дальнейшем лишь хорошие отношения с крымскими ханами и другими правителями региона стали, по-видимому, своего рода противовесом турецкой угрозе. Именно это обстоятельство определяло внешнюю политику колонии на протяжении последнего десятилетия её существования.

⁴⁸⁶ Listy Genuencykow do Kazimierza... S. 1–17.

⁴⁸⁷ Assini A. Op. cit. P. 26.

⁴⁸⁸ Archivio di Stato di Genova, Banco di San Giorgio, Cancellieri, 223. №4.

⁴⁸⁹ Карпов С. П. История Трапезундской Империи. С. 486.

⁴⁹⁰ Assini A. Op. cit. P. 25.

Таким образом, можно выстроить своего рода периодизацию внешней политики Хаджи Гирея, приоритетные цели которой несколько менялись на протяжении его правления. Тем не менее, она имела и некоторые константы, например, опора на союз с Польшей и Литвой и постоянное противостояние угрозе вторжения в Крым из степи, которые были обусловлены самими обстоятельствами прихода хана к власти в Крыму

В период 1441–1452 гг. приоритетным направлением внешней политики Хаджи Гирея был север, и, соответственно, противостояние с Сеид-Ахмедом. Об осуществлении военных кампаний против него мы знаем, как из записей массарии, так и из польско-литовских источников. В этом противостоянии в 1452 г. Хаджи Гирей смог добиться окончательной победы, навсегда сместив Сеид Ахмеда с исторической арены.

Значительное ослабление угрозы с севера привело к проявлению большей активности на южном направлении. Именно на 1452–1457 гг. приходятся основные антигенуэзские действия хана: поддержка торговли в обход Каффы (через Каламиту и Воспоро), поддержка турецких купцов, военный поход против города и наложение на неё дани. Этот период завершается событиями 1456–1457 гг.

Отстранение Хаджи Гирея от власти летом 1456 г., а затем и весной-летом 1457 г. однозначно подтверждается источниками, и, как становится понятно из записей массарии Каффы, произошло с подачи генуэзцев и было поддержано частью крымских беев. Заговорщики, пригласившие султана Касима и хана Махмудека, вероятно, воспользовались отлучкой Хаджи Гирея в Валахию, чтобы произвести переворот. После неудачи с Махмудеком, уже в следующем году генуэзцы и бей Ширин попытались посадить на трон другого претендента, сына Сеид Ахмеда — Махмуда.

Антигенуэзская политика Хаджи Гирея, турок и молдаван, несомненно, уменьшила торговый поток, проходящий через Каффу. Сам Хаджи перенёс свою резиденцию из Солхата в Кырк-Ер, где мог извлекать доходы от торговли через Каламиту. Солхат же остался традиционной резиденцией ширинских беев, чьи доходы, вероятно, тоже упали, так как доходы Солхата, несомненно, коррелировали с активностью торговли в Каффе. Не могла ли в таком случае попытка со стороны Ширинов посадить на трон своего претендента быть результатом антигенуэзской политики Хаджи Гирея? Сам факт переноса столицы в Кырк-Ер также мог являться попыткой хана избавиться от влияния могущественного рода, что тоже, вероятно, не устраивало беев Ширинов⁴⁹¹.

Так или иначе, после завершения войны 1454-1457 гг. отношения Хаджи Гирея с генуэзцами получают юридическое оформление и несколько улучшаются. Хан осознал опасность, которую таили в себе его антигенуэзские действия, и в то же время не располагал силами для взятия Каффы, полного её подчинения и ликвидации генуэзской администрации как актора внутрикрымской политики. Взор хана снова обратился на север, который вскоре снова стал источником опасности после смерти Кичи-Мухаммеда и раздела его Орды в 1459 г.

В 1458 г. генуэзцы не без насторожённости ведут дела с ханом Крыма. В 1462 г. налаживание отношений с Казимиром IV способствует и улучшению отношений с Хаджи Гиреем – неизменным союзником польского короля на протяжении вот уже 20 лет. Позже, в 1465 г. протекторы Банка Св. Георгия даже отмечают успехи администрации в поддержании хороших отношений с «императором татар». Неудивительно, ведь в это время внимание крымского правителя было приковано к Орде Махмуда, которая будет разбита им, пусть и не окончательно, в этом же году на Дону.

В то же время, для Каффы 40-е годы XV в. были довольно тяжёлыми. Ухудшение международной обстановки и другие факторы привели к росту социальной напряжённости, оттоку латинского населения и снижению доходов. Упала так же и эффективность управления. В попытке её улучшить и удешевить в

---

⁴⁹¹ История Крыма: в 2 т. /отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. I. С. 398.

1449 г. в Генуе принимается новый Устав для генуэзских колоний, однако он не исправляет положения.

Сильный удар по генуэзским позициям в регионе нанесло падение Константинополя в 1453 г. За ним в 1454 г. последовала и турецкая экспедиция в Крым, согласованная турками с Хаджи Гиреем. Экспедиция привела к наложению на город тяжёлой дани в пользу Крымского хана. В дальнейшем к ней добавилась и дань в пользу Османского султана.

Подробности из отчётов консулов Каффы этого периода позволяют однозначно утверждать о существовании таких устойчивых турецко-татарских связей, как: поддержка торговли, обмен послами, совместные военные кампании. Однако после временного смещения с престола и возобновления угрозы с севера Хаджи Гирей становится более расположен к Каффе. Не стоит переоценивать турецко-татарские связи в эпоху Хаджи Гирея. В это время они преследовали скорее частично совпадающие экономические интересы, политически же крымский хан был куда более лоялен Казимиру IV.

Вероятно, одной из причин общей стабилизации обстановки в генуэзских факториях в 60-е годы XV в. являлось как раз улучшение отношений с Крымом.

Глава 5: Крым и Каффа в 1466-1475 гг.

§1. Междоусобица 1466-1469 гг. в Крымском ханстве

После смерти Хаджи Гирея Крымское ханство вступило в полосу внутренней нестабильности и междоусобиц. Это было связано с несколькими факторами: во-первых, с, предположительно, неожиданностью смерти Хаджи Гирея, во-вторых, с плохо отработанной системой престолонаследования в чингизидских государствах. По сути, с самого начала «великой замятни» вот уже практически столетие на ордынском политическом пространстве не осуществлялось стабильного наследования, да и раньше ни Монгольское государство, ни Золотая Орда не обладали чёткой правовой процедурой передачи власти.

Начиная со времён Чингисхана, наследником государства мог стать любой достойный представитель Чингизидов. Достоинство претендента определяется при этом выбором знати и других представителей рода. Конечно, со временем в различных улусах, а позже в независимых ханствах, практиковались различные порядки наследования - как по старшинству, в сторону братьев правителя, так и по нисходящей линии от отца к сыну. Однако в любом случае формально должна была соблюдаться процедура выборности хана⁴⁹². Разумеется, это делало систему наследования неустойчивой, что ярко иллюстрирует нам история распада Золотой Орды. Именно этой традицией объясняются и многочисленные усобицы в Крымском ханстве, как, например, рассмотренные в предыдущей главе попытки сместить с престола Хаджи Гирея за счёт призыва оппозиционно настроенной частью знати иного претендента. Видимо, именно к этому времени, ко второй половине XV в., выстраивается та внутренняя структура и иерархия крымской знати, известная нам большей частью из более поздних источников конца XV – начала XVI вв.

Крымская знать состояла из нескольких старейших родов. До прихода Гиреев к власти в Крыму, крупнейшим на полуострове был род Яшлау (Яшлав)

---

⁴⁹² Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей, Астана, 2006. С. 80-85.

отожествляемый также с Кыпчаками⁴⁹³, возможно под ним подразумевается и упоминаемый в предании о призыве Хаджи Гирея род Конграатов. Известны и другие крымские роды: Седжеуты, Кияты, Мангыты. Однако в эпоху Гиреев в качестве значительнейших выделились четыре знатных рода: Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак⁴⁹⁴. Такая дифференциация знати на «карачи» – представителей четырех знатнейших родов (главы которых соответственно назывались карачи-беями), и всех остальных, была типична для Джучидских государств, а большая часть этих знатных родов имела старое монгольское происхождение и ветви в различных осколках Монгольской империи. Подобное деление знати и её состав встречается и в Казанском, и в Сибирском, и в Касимовских ханствах, а также в Ногайской Орде⁴⁹⁵.

Существовала определенная иерархия и среди самих карачи-беев. Разницу в их весе и статусе отлично понимали зарубежные государи. Так, в 1496 и в 1503 годах литовские послы привезли подарки для «старших» и «подлых» карачи-беев⁴⁹⁶. Старшими признавались рода Ширин и Барын. Между этими двумя, в свою очередь, Ширины признавались старшим родом.

В Крыму владения Ширинов располагались вокруг г. Солхат, на западе достигая окрестностей Карасубазара (ныне г. Белогорск), на востоке заходя на Керченский полуостров и ограничиваясь, таким образом, генуэзскими владениями на юге. Это расположение обусловило и особые привилегии Ширинов в отношении Каффы: во времена генуэзского владычества именно они традиционно занимали должность «тудуна» (или префекта) в генуэзской Кампании, имели право облагать пошлиной проезжающих через их владения купцов, а также получали особое «жалованье» (то есть долю от доходов ханства) от ханского дувана⁴⁹⁷.

В политическом отношении Ширины оказывали значительное влияние на политику ханства, не раз решая судьбу крымского престола. Они обладали

⁴⁹³ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... С. 66.

⁴⁹⁴ Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 122.

⁴⁹⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. С. 411–436.

⁴⁹⁶ Довнар-Запольский М.В. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. // ИТУАК. 1898. № 28. С. 37–38.

⁴⁹⁷ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... С. 30.

внушительной военной силой и могли совершать самостоятельные военные походы за пределы ханства. В разные периоды истории Ширины могли выступать как в качестве опоры власти Гиреев, так и занимать место в оппозиции⁴⁹⁸. Ширинские беи могли даже открыто вести дипломатическую переписку с недругами хана, как например это делал карачи-бей Эминек⁴⁹⁹.

Вторым по влиянию родом считался род Барынов, центром владений которых был Карасубазар⁵⁰⁰. Род этот считается одним из древнейших монгольских родов. Тем не менее, Барыны никогда не оказывали на ханство влияния, сравнимого с Ширинами, хотя в определенные периоды истории представители рода занимали важнейшие государственные посты. Остальные роды даже не приближались по своему влиянию к лидерам. Интересное место занимали представители рода Кыпчак. Их часто можно было увидеть на различных государственных постах, в чинах наместников крупных и важных крепостей – Перекопа и Кырк-Ера. Однако род этот не имел обширных улусов и/или земельных владений, что не позволяло ему стать в один ряд с Ширинами или Барынами.

Примечательно, что влиятельнейшими родами считались именно те, чьи владения располагались в юго-восточной части Крымского полуострова, с XIII в. находящейся вблизи крупных центров транзитной торговли — Сугдеи и Каффы.

В отличие от эпохи ранних Чингизидов родовые рамки выбора претендента на крымский престол сузились в глазах крымских беев. Так, например, на территории Крымского ханства беи рассматривали исключительно кандидатов, являющихся представителями условной крымской ветви Тука-Тимуридов.

Таким образом, предполагаемыми наследниками Хаджи Гирея, исходя из сложившейся практики престолонаследия, могли оказаться как всякий из его девяти сыновей, так и один из его братьев. Однако в итоге противостояние разгорелось между двумя сыновьями покойного хана. Причём, возможно, в нем участвовали и третьи силы.

⁴⁹⁸ СИРИО т. 41. СПб.: типография Ф.Еленского и Ко, 1884. С. 119.

⁴⁹⁹ Stosunki polski... Ibid. S. 204.

⁵⁰⁰ Лашков Ф.Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. №23. С. 81.

Смерть Хаджи Гирея, как правило, датируется серединой августа 1466 г.⁵⁰¹. Касательно трактовки последовавших за этим событий в Крыму, существующая историография все ещё не пришла к однозначным выводам.

Классическая трактовка тех событий строится главным образом на сведениях, которые можно почерпнуть из документов «Тавро-лигурийского кодекса» Амедео Виньи. Авторами XX⁵⁰² в. смута описывалась следующим образом: сразу после смерти Хаджи Гирея свои права на престол заявляют старший и один из младших сыновей Хаджи Гирея — Нур-Давлет и Менгли Гирей. Первоначально Менгли Гирей терпит поражение, бежит в Каффу, однако в 1468 г. крымские беи свергают разочаровавшего их Нур-Давлета и вновь провозглашают ханом Менгли Гирея.

Привлечение книг массарии Каффы, материал которых позволяет точнее воспроизвести ход этих событий, привело к появлению новых реконструкций.

На основании записей одной из книг массарии Каффы, охватывающей период с 15 декабря 1465 г. по 11 декабря 1466 г., а также нумизматической атрибуции «дангов Ибрагима» с двойной тамгой, А.Л. Пономарёв реконструирует события смуты 1466 г. следующим образом: сразу после смерти Хаджи Гирея на ханский титул претендует сразу двое его сыновей Менгли Гирей и Нур-Давлет. Менгли Гирей, воспользовавшись отсутствием в Крыму Нур-Давлета, который сопровождал отца в летней военной кампании за пределами Крыма, провозглашает себя ханом в Кырк-Ере, однако не находит должной опоры среди крымских беев и сразу по возвращении Нур-Давлета скрывается в Каффе. При этом «в степи» действуют войска двух других «императоров», одним из которых является Нур-Давлет, а вторым Ибрагим, сын уже пытавшегося десятилетием ранее утвердиться на крымском престоле, Махмудека. Как и его отца, Ибрагима поддерживает Мамак Ширин, бей Солхата. Именно поэтому 25 октября в

⁵⁰¹ Джанов О. Боротьба за владу в Крымському ханаті в 1466–1468 рр. за відомостями бухгалтерських книг казначейства генуезької Кафи. Нові інтерпретації // Сходознавство на межі світів та цивілізацій. Матеріали міжнародної наукової конференції присвяченої 150-річному ювілею з дня народження Агатангела Юхимовича Кримського/ Упорядник д. і. н. Я. В. Пилипчук. Київ: Національний педагогічний університе імені М. П. Драгоманова, 2021. С. 37.; Пономарёв А. Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки//Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3) С. 141.

⁵⁰² Małowist, M. Kaffa S. 276-280.; Гайворонский О. Повелители... С. 39-41.

массарии упоминаются два брата «императора», которые выступили с войсками против Солхата, под которыми следует понимать лояльных братьев Нур-Давлета⁵⁰³. При этом отсутствие упоминания имени упомянутого Ибрагима в массарии, объясняется тем, что хан не являлся хоть сколько-нибудь самостоятельной фигурой, и генуэзцы в сентябре-октябре 1466 г. даже не пытались наладить отношения с ним, вместо этого направляя подарки и письма непосредственно Мамаку Ширину. Кульминацией противостояния стало прибытие войск двух враждебных партий к Солхату, у стен которого где-то между 16 и 29 октября в ходе переговоров Мамак Ширин признал Нур-Давлета ханом, что было подкреплено браком последнего с племянницей бея⁵⁰⁴.

Совершенно иная трактовка этих событий приводится в монографии В.П. Гулевича. Исследователь оспаривает версию А.Л. Пономарёва о присутствии третьего «императора» в Крыму, характеризуя её как «шаткую и валкую», и считает хронологически невозможным оперативное прибытие Ибрагима в Крым, а поддержку крымскими беями потомков Улуг-Мухаммеда (что, как показывает опыт смуты 1456-1457 гг., не так) — маловероятной. Отвергает он также и попытку Менгли Гирея провозгласить себя ханом, трактуя два сообщения от 6 и 26 сентября о появлении «новых императоров», не называемых в массарии по имени, как повторные попытки Нур-Давлета утвердиться на троне. В качестве же двух «императоров», чьи войска собрались у Солхата, исследователь предлагает рассматривать по методу исключения других сыновей Хаджи Гирея, также якобы заявивших свои претензии на престол, — Айдара и Келдыша⁵⁰⁵.

Наконец, ещё одну реконструкцию событий на основании повторного изучения записей массарии за 1466-1468 гг. предлагает А.В. Джанов⁵⁰⁶. На основе прочтения других записей массарии, не учтённых А.Л. Пономарёвым, от 25

⁵⁰³ Пономарёв А. Л. Ибрагим, сын Махмудека... ч.1 С. 142-143.

⁵⁰⁴ Пономарёв А. Л. Ибрагим, сын Махмудека... ч.1 С. 144.

⁵⁰⁵ Гулевич В.П. От ордынского улуса... С. 241-247.

⁵⁰⁶ Джанов О. Боротьба за владу в Кримському ханаті в 1466–1468 рр. за відомостями бухгалтерських книг казначейства генуезької Кафи. Нові інтерпретації // Сходознавство на межі світів та цивілізацій. Матеріали міжнародної наукової конференції присвяченої 150-річному ювілею з дня народження Агатангела Юхимовича Кримського/ Упорядник д. і. н. Я. В. Пилипчук. Київ: Національний педагогічний університе імені М. П. Драгоманова, 2021.

октября о подарке коней от «двух братьев императоров», он делает вывод, что противостояние в сентябре-октябре 1466 г. разворачивалось между Нур-Давлетом (который, согласно этой версии, трижды в течение осени провозглашался ханом) и двумя сыновьями Кичи-Мухаммеда - Ахмадом и Махмудом. Таким образом, междоусобица в ханстве превращается в конфликт с внешним врагом, атаковавшим полуостров, надеясь воспользоваться неразберихой в наследовании, наступившей вслед за смертью Хаджи Гирея.

Для того, чтобы разобраться в сложившейся ситуации, имеет смысл проанализировать и привести записи массарии без какой-либо их трактовки и лишь после этого предпринять попытку реконструкции событий смуты на их основе (транскрипции части массарии были предоставлены автору А.В. Джановым). Это позволит отвергнуть или согласиться с вариантами хода событий, уже представленными в историографии.

Записи, прямо сообщающей о смерти Хаджи Гирея, в книге нет. Первая запись с упоминанием некоего нового хана относится к 6 сентября и сообщает о получении в Каффе стандартного ханского подарка — коня. Уже 9 сентября посольство из Каффы отправляется к новому хану «для укрепления мира, а также утверждения соглашений между нами и Его Величеством» (*pro firmanda pace ac pactis inter nos et suam maiestatem*)⁵⁰⁷. В этих записях имени «императора» не называется, есть лишь указание на то, что он является сыном Хаджи Гирея. Однако судя по записи о компенсации расходов послам Кристофоро Нариче и Андреа Фатинанти от 29 декабря, уже тогда они направлялись к Нур-Давлету⁵⁰⁸.

10 сентября Каффа снова получает «щедрый дар» от нового «императора» в виде коня, и тогда же отправляет посланника к бею Солхата Мамаку Ширину⁵⁰⁹. 16 сентября два оргузия посланы в Кырк-Ер с сообщения о препятствиях, чинимых каффинским послам. 20 сентября к Мамаку высылают оргузия с инструкцией для послов, а 26 сентября Каффа принимает посланника самого Мамака. Первого октября записана выплата подорожных многочисленным

⁵⁰⁷ Джанов О.В. Книга масарії Кафи 1465–1466 pp. Транскрипція. Л. f77r

⁵⁰⁸ Там же. Л. f84v

⁵⁰⁹ Там же.

оргузиям, направляющимся в Солдайю, Матрегу, Солхат и в том числе, видимо, в Кырк-Ер с сообщением для «императора» о прибытии его брата в город⁵¹⁰.

Вообще расходы, связанные с пребыванием в Каффе Менгли Гирея, выделены в книге массарии в отдельный счёт, открытый 1 октября⁵¹¹. Султан получал ежедневное содержание — алафу. Примечательна в этом счёте запись от 8 октября, сообщающая о прибытии «нашего даруги» с требованием выдать султана. Очевидно, это требование осталось неудовлетворенным.

14 октября датируется выплата вознаграждения некоему бывшему оргузию по имени Божич или Бочак, который до того был отправлен в степь разузнать «что-нибудь новое». А уже 16 октября двое оргузиев отправляются в сторону Солхата, чтобы разузнать «о многотысячном войске двух императоров, которые [туда] пришли» (*exercitu duorum imperatorum qui cum tot millitibus venerunt*)⁵¹². В тот же день один оргузий был отправлен в Кырк-Ер к «недавно избранному императору» (*ad imperatorem nuper electum*). 20 октября впервые названо имя недавно избранного хана — Нур-Давлет, посланник которого прибывает для принесения клятвы о мире с Каффой. В тот же день Нур-Давлет (впервые?) получает от Каффы положенные экзении.

На момент избрания Нур-Давлета степь характеризовалась каффинской администрацией в письме в Геную как «не замеренная», каковым обстоятельством администрация была крайне обеспокоена. Но уже в письме от 18 ноября сообщается, что «...князя Скифии пришли в подчинение новому императору, что в Кампании было мирно, и есть надежда на то, что прекратятся все волнения, разразившиеся после смерти Хаджи Гирея» (*...significatur proceres schitaram ad obedientiam noui imperatoris deuenisse campaniam pacatam esse et bonam spem haberi posse quod omnes turbationes post obitum agicarei orte cessare deberent*)⁵¹³.

Что же произошло между этими двумя датами? Здесь опять же необходимо обратиться к записям книги массарии.

⁵¹⁰ Джанов О.В. Книга масаріі... Л. f80r

⁵¹¹ Там же. Л. f81r

⁵¹² Там же. Л. f80r

⁵¹³ CDCTL 1871.. Op.cit. P. 487.

24-го октября посол из Каффы вновь отправляется к «императору» в Кырк-Ер, а 25-го к «господину Мамаку» в Солхат, в тот же день фиксируются расходы на покупку двух штук алой тафты в подарок «двум братьям императорам», а их послу была также подарена одежда⁵¹⁴. Ответным подарком стали традиционные два жеребца. Интересна следующая запись от 29-го числа, фиксирующая траты на дары для пришедших с сообщением о новом избрании (*novum creationis*) Нур-Давлета⁵¹⁵. Таким образом, это уже второе сообщение, упоминающее его избрание. 4-го ноября Каффа снова принимает посла «императора», а 27-го самого Мамака Ширина, тогда же становится известно о заключении императором некоего брака.

Упоминание «двух братьев императоров» в контексте, явно подразумевающим, что они действуют заодно, действительно создаёт весомые основания видеть в них сыновей Кучук-Мухаммеда: Махмуда и Ахмата. Этому способствует также и более ранняя запись из книги массарии от 16-го июня, согласно которой генуэзцы отправили оргузия к Хаджи Гирею, чтобы сообщить новость о выступлении против него «двух братьев императоров». Вполне вероятно, что, потерпев годом ранее поражение от руки Хаджи Гирея, Махмуд вновь выступил в поход для реванша - в этот раз, совместно со своим братом Ахматом. Неожиданная смерть Хаджи Гирея открыла для братьев уникальную возможность, и им удалось вторгнуться непосредственно в Крым.

Однако открытым остаётся вопрос о позиции крымских беев и, в частности, Мамака Ширина в этой ситуации. В записях мы наблюдаем, что Нур-Давлет избирается ханом, по меньшей мере, дважды. В перерывах между этими двумя провозглашениями происходит побег Менгли Гирея в Каффу, и попытка некоего «даруги нашего» добиться от генуэзцев его выдачи, а позже — появление армий «двух императоров» в районе Солхата. В письмах в Геную каффинская администрация выражает опасения и сообщает о беспорядках в степи. Все это время наблюдается активизация дипломатической деятельности: Каффа рассылает

---

⁵¹⁴ Джанов О.В. Книга масарії... Л. f82r

⁵¹⁵ Там же. Л. f82r

и принимает послов Нур-Давлета, Мамака Ширина, двух братьев, а также активно рассылает посыльных в свои регионы — Солдайю, Чембало и Матрегу. Недолгое время спустя, 18 ноября, администрация уже отчитывается в метрополию о том, что степь подчинилась новому императору, а через какое-то время в город приезжает лично Мамак и появляются сообщения о некоем браке императора.

Все это говорит о том, что никакого сплочения государства перед лицом иностранного вторжения не состоялось, более того, та лёгкость с которой, казалось бы, иностранные захватчики покинули Крым (а никаких сообщений о произошедшем сражении или поражении братьев у нас в распоряжении нет) заставляет предполагать, что и их появление непосредственно на полуострове могло состояться по приглашению части местных беев усмирить которых удалось сугубо дипломатическими методами. Примечательна и концентрация их сил вблизи Солхата, и, хотя в одном из сообщений и упоминается, что войска братьев «*venierunt contra sulchatum*», в данном контексте речь идёт скорее о «*contra*» в значении «напротив». По крайней мере, дипломатическая доступность Солхата для генуэзских посланников говорит об отсутствии какой-либо осады (к тому же город не имел серьёзной фортификации). Появление Мамака непосредственно в Каффе вскоре после предполагаемого «дипломатического регулирования» также намекает на то, что Мамак выступал на одной стороне с «братьями императорами». Наконец, о том, что именно Мамак стоял во главе оппозиционно настроенных по отношению к Нур-Давлету беев, напрямую сообщает один из документов тавро-лигурийского кодекса, а именно письмо Протекторов от 16 июня 1467 г., вновь со ссылкой на письмо консула от 18 ноября: «...а также то, что содержится в вашем письме от 18 ноября относительно соглашения Мамака и других дворян с новым императором, и что в Кампании было тихо, и можно надеяться, что скандалы, возникшие после смерти упомянутого Хаджи Гирея, утихнут» (...*et ea etiam que in litteris vestri calocij diei XVIII nouembris de compositione mamachi et aliorum procerum cum nouo imperatore continentur, et quod*

Campania quieta erat et sperabatis cessare deberent scandala orta post mortem dicti Agicarei)⁵¹⁶.

Примечательно то, что в этот раз крымские беи изменили своим династическим пристрастиям, поскольку сыновья Кучук-Мухаммеда никоим образом не могут быть отнесены к представителям Таш-Тимуридов или их ближайшим родственникам. Здесь в пересмотре нуждаются либо личности «братьев императоров», либо принципиальность династических пристрастий крымских беев той эпохи, либо целеполагание Мамака Ширина. Стремился ли карачи-бей возвести иноземцев на престол или все-таки имел некие другие династические планы?

Так или иначе результатом смуты 1466 г. стало воцарение старшего сына Хаджи Гирея — Нур-Давлета. Менгли Гирей продолжал содержаться в Каффе, причём, как можно предположить из записей массарии, упоминающих о пресечении попытки его побега, в качестве почётного пленника, а не гостя⁵¹⁷. Можно сказать, что именно с этого момента Каффа берет на себя содержание неудачливых претендентов на престол, освобождение которых могло бы угрожать власти текущего хана.

Уже в следующем династическом кризисе 1468 г. Менгли Гирей и Нур-Давлет поменяются местами. Какие-то точно не упомянутые в записи книги массарии беспорядки разгорелись в начале мая, а уже 9-го мая Мамак Ширин прибыл к стенам Каффы для того, чтобы забрать оттуда Менгли Гирея. Тем не менее, наученные горьким опытом генуэзцы не спешили с участием в династических авантюрах, сохраняли лояльность Нур-Давлету и не выдали «султана». 16-го мая Мамак вновь пребывает под стены Каффы, уже со многими татарскими вельможами. 25-го числа Менгли Гирей самостоятельно пробует выбраться из города, однако эта попытка была пресечена генуэзцами. Наконец, 15-го июня Менгли Гирея отпускают, а затем какое-то время снабжают его деньгами и продовольствием. 25-го июня претендент на престол возвращается в город в

⁵¹⁶ CDCTL 1871.. Op. cit. P. 489-496.

⁵¹⁷ Пономарёв А. Л. Ибрагим, сын Махмудека... ч.1 С. 146-147.

сопровождении Мамака Ширина и большого количества других татарских вельмож, для которых во дворце консула был организован пир, где Менгли Гирей был официально избран новым ханом. По этому поводу в городе прошли торжества, 200 безантов было разбросано в толпу во дворце и на улицах Каффы⁵¹⁸.

Избрание и провозглашение хана непосредственно в Каффе — случай беспрецедентный и ярко свидетельствующий о возрастании интеграции города в крымскую политику после утверждения на полуострове династии Гиреев.

Примечательно, что противником Менгли Гирея выступил не только Нур-Давлет, но и их брат Келдыш. В дальнейшем они оба, с несколькими другими братьями, детьми и родственниками появятся в Каффе. Видимо, изначально их длительное пребывание там в качестве заложников не планировалось. В одном из писем Протекторов в Каффу от 7 ноября 1468 г. сообщается о наличии некоего соглашения по переправе Нур-Давлета «с его людьми» в Зихию. Также в письме ярко раскрывается реакция генуэзцев на приход к власти нового хана: «С великой радостью мы узнали то, что вы написали о том, что прославленного господина Менгли Гирея сделали новым императором с высочайшего согласия всей знати, и о том, что его семья прибыла в Каффу со всем своим двором, и о любезных договорах с ним, которые были щедро подтверждены, и об уменьшении дани, и об умиротворении Кампании, и о соглашении, что Нур Давлета, отвергнутого императора, следует переправить со своими людьми в Зихию. На что мы отвечаем, нам кажется, что столь великие дела должны были быть совершены по милости Всемогущего Бога, чьё милосердие соизволило обратить столь многие и столь опасные беспорядки на мир и счастье этого благословенного города» (*Cum ingenti letitia intelleximus ea que scripsistis de illustri domino menglicarei creato nouo imperatore cum summo consensu omnium procerum et de familiari aduentu suo in capham cum tota ejus curia et de benigna pactorum cum eo firmatione et diminutione illa tributorum liberaliter facta, ac pacificatione Campanie et de compositione quod Nordolar vetas imperator cum suis in zichiam transportari deberet. Circa que respondemus videri nobis quod ingentes omnipotenti deo gratie agende sint, cujus*

⁵¹⁸ Джанов О. Борьба за власть в Крымському ханаті... С. 40-41.

clementia dignata est tot tamque periculosas turbationes in quietem ac felicitatem illius benedictae ciuitatis conuertere) Консул и массарий также получают приказ «стараться со всем умением и усердием не только поддерживать дружбу с упомянутым новым императором, но и увеличивать её изо дня в день» (*ut omni arte ac diligentia studeatis amicitiam dicti noui imperatoris non solum vobis conseruare sed etiam in dies augere*)⁵¹⁹.

Как видно из приведённого отрывка, восшествие на ханский престол Менгли Гирея было встречено генуэзцами крайне благожелательно. Помимо того обстоятельства, что хан, вероятно, был отпущен ими из почётного плена на царство на определённых условиях (возможно, на условиях упомянутого в письме снижения дани), он, к тому же был избран непосредственно в Каффе в присутствии в том числе и местной администрации, и городской верхушки. Дополнительным фактором, проверить который, однако, нет возможности, может быть и более раннее пребывание Менгли Гирея в Каффе после подписания ярлыка 1457 г. в качестве заложника.

Характерно, что в этот раз Каффа, по сути, брала на себя посреднические функции в решении кризиса, а не выступала просто сторонним наблюдателем. Можно сказать, что большее вовлечение в дела Крыма стало жизненной необходимостью для существования колонии, крайне заинтересованной в стабильности на территории соседнего государства. Однако в данном случае необходимость вступала в противоречие с предшествующей традицией и городским законодательством, поскольку такое вовлечение и постоянное пребывание представителей татарской знати в городе (масштабнее, чем в прошлом?) неизбежно вело к увеличению риска нарушения тех пунктов Устава, которые касались ограничений на взаимодействие с подданными «императора». В свою очередь, это делало Каффу не только субъектом, но и объектом внутрикрымской политики и участником противоречий уже между различными группировками татарской знати. Именно это обстоятельство в дальнейшем

---

⁵¹⁹ CDCTL 1871.. Op. cit. P. 560-565.

послужило одной из предпосылок появления турецкого флота у стен города летом 1475 г.

Судя по всему, события мая-июня 1468 г. не покончили с притязаниями Нур-Давлета на власть, и весной-летом 1469 г. он попытался вернуть себе престол, так как в очередной инструкции Протекторов, на этот раз от 16 февраля 1470 г. (которое в свою очередь является ответом на письма из Каффы от 7 мая и 28 июля 1469 г.), мы вновь видим сообщение о победе Менгли Гирея над Нур Давлетом в качестве свежей новости: «Особенно нас обрадовали те (известия), которые были написаны вами, а затем и некоторыми купцами, остановившимися там, о соглашении Нур-Давлета, бывшего императора, и о том, что, наконец, господин Менгли Гирей, император, овладел всей Кампанией в полнейшем спокойствии. О чем, по-видимому, больше ничего и не стоит говорить, кроме того, что вы всегда должны стараться со всем умением и усердием сохранить и укрепить взаимную дружбу с самим господином императором, потому что, по всеобщему мнению, мир в Кампании прежде всего полезен и необходимо этому городу» (*Gratissima nobis fuerunt ea que per vos et deinde latius per nonnullos mercatores ibi moram facientes scripta fuerunt de compositione Nordolar olim imperatoris, et quod ultimate dominus Minglicarei imperator possideret totam Campaniam in summa tranquillitate. Circa quod nihil aliud dicendum videtur nisi quod semper omni arte ac diligentia studeatis cum ipso domino imperatore mutuam amicitiam conseruare et augere, quia omnium iudicio pax Campanie illi ciuitati super omnia utilis ac necessaria est*)⁵²⁰.

Приведённый отрывок примечателен ещё и тем, что хоть умиротворение Кампании и видится генуэзцам важным обстоятельством, ещё более радостным и желанным для них являлось умиротворение Кампании именно под властью Менгли Гирея. Вероятно, что и в этом конфликте Каффа всецело его поддерживала, поскольку возвращение к власти Нур-Давлета, против которого город уже сделал ставку, ничего хорошего генуэзцам не сулило. Лишь после этого столкновения Нур-Давлет и получает статус заложника в Каффе.

---

⁵²⁰ CDCTL 1871. Op. cit. P. 652-656.

Сам факт заключения бывшего хана в городе впервые упоминается в письме Протекторов от 28 апреля 1470 г.⁵²¹. Примечательно, что при этом в город прибывает сам Менгли Гирей и господин Феодоро, с которыми были заключены некие соглашения. Достигнутые с ханом договорённости, в том числе касающиеся содержания пленников, получают одобрение со стороны Протекторов, однако они выражают недовольство в связи с несоответствующим обращением с братьями «императора», а также с недостаточной их охраной. Неудовольствие метрополии вызывает стоимость содержания «почётных гостей», поскольку может быть весьма обременительно для и так испытывающей многолетний дефицит массарии, и эти огрехи требуют исправления. Примечательно, что и в одном из следующих писем, уже от 21 января 1471 г.⁵²², вновь повторяется замечание относительно расходов массарии на содержание пленников. Позже, это даже заставит генуэзцев задуматься о сокращении числа самих пленников и их свиты, как в силу сложностей охраны, так и для сокращения расходов.

В конечном счёте неурядицы в Крымском ханстве, связанные со смертью Хаджи Гирея, завершились лишь к 1469 г. Краткое правление Нур-Давлета в этот период нельзя каким-либо определённым образом характеризовать в плане подходов хана к татаро-генуэзским отношениям. Можно лишь подчеркнуть, что генуэзцы сразу по смерти Хаджи Гирея признают нового хана «императором» и сохраняют ему лояльность во время смуты сентября-октября 1466 г. Это видно на примере ситуации с прибытием Менгли Гирея в Каффу, о котором генуэзцы незамедлительно докладывают «императору» и в последующем не выдают его представителям оппозиционно настроенной хану крымской знати. К тому же судя по значительной дипломатической активности каффинской администрации, она прикладывала немалые усилия для урегулирования смуты и в конечном счёте стала своего рода посредником, поскольку именно личное прибытие туда Мамака Ширина знаменует собой окончание конфликта и его примирение с императором. В дальнейшем книги массарии фиксируют вполне рутинную дипломатическую

⁵²¹ CDCTL 1871.. Op. cit. P. 674-676.

⁵²² Ibid. P. 729-736.

деятельность в отношении Нур-Давлета: периодическое отправление писем и подарков.

Тем не менее, события мая-июня 1468 г. заставили генуэзцев пересмотреть свою лояльность «императору». Скорее всего, их сподвигло на это не только возможное хорошее личное знакомство Менгли Гирея с каффинской городской верхушкой, но и крайне слабые позиции Нур-Давлета. Возможно, что такой новостью, которая заставила генуэзцев отпустить Менгли Гирея на царство, стала новость о мятеже против брата ещё и Келдыша, который, впрочем, очень быстро после выступления Менгли Гирея из Каффы бежал из страны. Доверительные чувства в отношении Каффы, по-видимому, питал и сам Менгли Гирей, который оказался совсем не против содержания своих мятежных братьев в городе, несмотря на собственную историю прихода к власти.

§2. Правление Менгли Гирея 1468-1475 гг.⁵²³

Первый период правления Менгли Гирея в Крымском ханстве в целом может быть охарактеризован как относительно спокойный в плане международных отношений. В это время новый хан налаживает дипломатические контакты с окружающими правителями, а угроза со стороны Большой Орды на некоторое время ослабевает.

В 1471 г. неприятное происшествие в Каффе происходит с Нур-Давлетом. Речь идёт о попытке покушения на «бывшего императора», которое якобы собирался совершить Джованни Барбо. Однако жертва оказалась оповещена о его подготовке, итогом чего стало убийство упомянутого Джованни людьми Нур-Давлета. Это происшествие вызвало антитатарские волнения в Каффе, и городским властям пришлось приложить немалые усилия, чтобы уберечь неудачливого хана от расправы. Итогом происшествия стал перевод пленников в

---

⁵²³ При подготовке данного параграфа диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении учёных степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Кравченко И.В. «*Dominus Menglicarei imperator tartarogum*»: крымский хан Менгли Гирей в генуэзских источниках // Клио. 2024. № 1 (205). С. 13-19.

Солдайю. Эти скандалы и сложности с охраной стали ещё одним фактором, наряду с дороговизной содержания, чтобы задуматься о сокращении числа пленников. Однако как минимум троих из них удерживать было необходимо (а именно Нур-Давлета, некоего трудно идентифицируемого султана России (*soltano rossie*) и Келдыша), так как их освобождение могло вызвать гнев Менгли Гирея (или развязать ему руки в действиях против Каффы): «...ибо в отношении названных троих, если они будут сохранены, светлейший император не подумает сделать против этого города то, чего ему не следует делать» (...nam respecto dictorum trium si custodientur serenissimus imperator non facere cogitabit quod non debeat contra hanc ciuitatem)⁵²⁴. Интересно, в чем именно видится каффинским официалам опасность возможного побега пленников. Отдельно отмечается, что если кто-либо из них сбежит, то степь будет находиться в «большом беспорядке» (...et si aliquis ipsorum exiret Campania esset in magno desguerno)⁵²⁵. Однако в более раннем письме примечательно описание конкретного вероятного в глазах генуэзцев сценария кризиса: «Опять же, их следует охранять с такой тщательностью, как вместе, так и по отдельности, чтобы нельзя было и подумать о бегстве любого из них, особенно потому, что, если кто-либо из них приблизится к туркам по морю, так, что они легко смогли бы их перехватить и придумать с ними как они могли бы нарушить покой государства господина императора и спокойствие города Каффы. Поэтому мы хотим, чтобы вы проявили всю бдительность и усердие, чтобы подобные скандалы не происходили» (Item quod de cetero, vel simul vel separatim tanta diligentia custodiantur ut de fuga alicujus eorum dubitari non possit, et presertim quia si via maritima eorum aliquis ad tureos accederet, facile machinari posset cum eis prouisiones quo statum domini imperatoris et quietem ciuitatis caphensis offenderent. Ex quo volumus omni vigilantia ac diligentia prouideatis quod ejusmodi scandala euenire non possint)⁵²⁶. Уже тогда ясно виделась опасность вмешательства турок в крымскую политику, а стабильность в Крымском ханстве и сила правящего «императора» казались естественной защитой от возможного

⁵²⁴ CDCTL 1871. Op. cit. P. 796-801

⁵²⁵ Ibid. P. 800.

⁵²⁶ Ibid. P. 729-736.

турецкого вторжения. Подтверждение такому образу мысли можно найти в одном из последующих писем, где в перечне средств защиты города от возможного нападения турок наличие у города «вернейшего и милостивейшего императора татар» стоит в одном ряду со стенами, укреплениями и защитниками крепости (...*dei gratia urbs illa multo magis solito et muris et munitioibus et viris munita erit, et dei gratia dominum imperatorem tartarorum fidelissimum et obsequentissimum habet...*)⁵²⁷.

К тому моменту такой подход не был лишён оснований. Ранее, в 1469 г., некий османский подданный Якуб, будучи командиром небольшой османской флотилии, во время стоянки в Каффе вступил в конфликт с местными жителями. Это привело к некоторым разрушениям вблизи города и попаданию нескольких горожан в турецкий плен. Каждая из сторон обвинила в произошедшем другую⁵²⁸. Эти события заставили Менгли Гирея написать письмо (битик) султану Мехмеду Завоевателю (Фатиху) с просьбой отпустить пленных и впредь считать какой-либо урон, причинённый Каффе уроном ему самому. К тому же в битике Менгли-Гирей называет Каффу «местом нашей стоянки» (местожительства)⁵²⁹.

Генуэзцы обращались к хану за заступничеством не только в конфликтах с турками. Так, например, к его помощи предполагалось прибегнуть в вопросе возмещения ущерба, понесённого генуэзскими купцами в Монкастро, находящимся под властью молдавского господаря Стефана III Великого. В связи с обострением турецкой угрозы, генуэзские власти в 60-70-е гг. XV в. руководствовались стратегией «минимальной конфликтности», в связи с чем применение репрессалий в отношении молдавских подданных было нежелательно. Это заставляло прилагать дипломатические усилия для обеспечения добровольной компенсации со стороны Стефана. Компенсации предполагалось добиться хотя бы и «рукой и благосклонностью господина императора татар» (...*cum brachio et fauore ili domini imperatoris tartarorum*)⁵³⁰. Протекторы уверены в его

⁵²⁷ CDCTL 1871. Op. cit. P. 743.

⁵²⁸ Гулевич В.П. От ордынского улуса... С. 260.

⁵²⁹ Курат А.Н. Собрание сочинений... С. 122-128.

⁵³⁰ CDCTL 1871. Op. cit. P. 729-736.

заступничестве, ведь они верят «господину императору татар за его милосердие и привязанность ко всем нашим делам» (...domini imperatoris tartarorum quam pro sua clementia et affestu erga res omnes...) ⁵³¹.

В целом характеристики «императора» в генуэзских источниках не оставляют сомнений в его высочайшей благосклонности генуэзцам. Помимо вышеприведённых, можно отметить ещё одну. В письме, касающемся выкупа коммерция канлюков, хан описывается как «...всегда готовый угодить вам во всем...» (...dispositissimus est in omnibus semper vobis complacere...) ⁵³².

Важным геополитическим направлением для ханства оставался северозапад, а именно отношения с Казимиром IV. Политический курс Менгли Гирея здесь шёл в соответствии с отцовским наследием. Надо отметить, что и Нур-Давлет стремился установить дружественные отношения с польским королём, также ссылаясь на былую дружбу того с Хаджи Гиреем ⁵³³.

С самого начала своего правления новый хан налаживает контакты с правителем польско-литовского государства, в 1469 г. в Польшу прибывает посольство от Менгли Гирея с рекомендациями хана королю Казимиру и новостями о смещении Нур-Давлета с престола ⁵³⁴, в том же году король отвечает хану собственной посольской миссией в Крым ⁵³⁵. Обмен послами продолжался и позже, в 1470-1471 гг. и далее в 1472 г. Конечными результатами этого обмена дипломатическими миссиями стал союзный договор ⁵³⁶, а также ханский ярлык Менгли Гирея Казимиру IV ⁵³⁷ на владение землями Руси. Помимо уже находившихся во владении короля и великого князя земель, ярлык давал также право владения и некоторыми неподвластными ему территориями, такими, как, например, Великий Новгород.

В этом отношении первая половина правления Менгли Гирея выступила, скорее, продолжением старой международной конфигурации в Восточной Европе,

⁵³¹ CDCTL 1871. Op. cit. P. 724-725.

⁵³² Ibid. P. 746.

⁵³³ The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... Doc. №2. P. 534-535.

⁵³⁴ Jana Długosza Dziejów... k. 12, 2009. S. 240.

⁵³⁵ Kolankowski L. Dzieje... S. 324.

⁵³⁶ The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... Doc. №3. P. 536-538.

⁵³⁷ Ibid. Doc. №4 P. 539-544.

сложившейся ещё в середине XV в. Русско-литовское противостояние ещё не достигло накала, каковое оно приобретёт в последней трети XV – начале XVI вв. Иван III к 1472 г. делал лишь первые робкие попытки установить контакты с крымским ханом⁵³⁸, а тот все ещё не был заинтересован в помощи Руси в борьбе с Литвой, поскольку литовско-ордынский союз также ещё не наметился.

В 1469 г. Менгли Гирей даже оказал содействие Польше в отражении нападения некоего «сына царя заволжского» Маниака, предупредив короля о вторжении. Итогом этого рейда на правобережье Днепра стала казнь сына Маниака молдавским господарем Стефаном III⁵³⁹. Однозначная интерпретация этих событий, как и однозначная идентификация личности Маниака, достаточно затруднена. У правящего на тот момент в Большой Орде хана Ахмата нет сыновей по имени Маняк, Мамак или созвучными ему. По мнению Людвиг Колянковского, под этим именем может скрываться Махмуд, брат Ахмата, который вёл независимую от брата политику сидя в Хаджи-Тархане⁵⁴⁰. Любопытное предположение было выдвинуто В.П. Гулевичем, предлагающим рассматривать под Маниаком Мамака Ширина, с вольностями которого Менгли Гирей никак не мог совладать. Информация же о заволжском происхождении татар при этом объясняется ошибкой автора «Истории Польши» Яна Длугоша, перепутавшего Волгу с Днепром⁵⁴¹. В молдавских источниках принадлежность татар, разбитых Стефаном, не уточняется⁵⁴². Такое предположение не лишено смысла, поскольку в дальнейшем мы точно знаем о нападении крымских татар из Крыма на Молдавию и Подолье, осуществлённого Менгли Гиреем в 1473 г. по наущению Эминька, брата Мамака⁵⁴³. Известны и более ранние нападения татар на Молдавию и Подолье. Так, в 1470 г. славяно-молдавские летописи фиксируют нападение татар неясного происхождения на владения Стефана III, который

⁵³⁸ Гулевич В.П. От ордынского улуса... С. 267.

⁵³⁹ Jana Długosza Dziejów... k. 12, 2009. S. 255-256.

⁵⁴⁰ Kolankowski L. Dzieje... S. 324.

⁵⁴¹ Гулевич В.П. От ордынского улуса... С. 261-262.

⁵⁴² Славяно-молдавские летописи... С. 38, 48,

⁵⁴³ CDCTL 1879. P. 122.

разбил грабителей у дубравы Липнич вблизи Днестра⁵⁴⁴. Рейды татар в этом направлении продолжились и в следующем году: так, в отчёте властей Каффы Протекторам от 16 мая 1471 г. упоминается возвращение армии татар из Валахии, где они разграбили деревни и привели множество скота и около тысячи душ обоего пола. Нападению способствовала идущая война между Стефаном III Великим и Раду III Красивым. Генуэзцы рекомендуют своим гражданам избегать владений Стефана, поскольку все эти обстоятельства делали их крайне опасным местом для путешествий. К тому же небезопасной стала и степь, поскольку ограбленные «валахи и русские» создают беспорядки на границах «Гартарии»⁵⁴⁵.

Практически ежегодная частота нападений (если принять за крымские и набеги 1469-1470 гг.) указывает на появление экономического значения набегов для страны. Даже если первые нападения действительно не согласовывались с Менгли Гиреем, который одновременно с этими событиями клялся в дружбе и верности Казимиру IV, то в дальнейшем набеги, по-видимому, все же получили высшее покровительство.

Параллельно с этим польский король и великий князь литовский, в свою очередь, инициируют первые контакты с Большой Ордой видя в ней возможного союзника для борьбы с Москвой, сдерживание которой становилось тем более важным, что основной точкой приложения сил для Казимира IV в то время была Чехия⁵⁴⁶. Не случайно, что именно в это время Менгли Гирей начинает налаживать отношения с Иваном III.

Весной 1474 года, спустя два года после неудачного нападения татар хана Ахмата на город Алексин, обнаружившего польско-ордынский союз⁵⁴⁷, Москва и Крым налаживают контакты. Судя по содержанию переговоров, в качестве основной угрозы обе стороны рассматривали Орду, впрочем, русское посольство во главе с боярином Никитой Васильевичем Беклемишевым, стремились добиться

---

⁵⁴⁴ Славяно-молдавские летописи... С. 70, 107.

⁵⁴⁵ CDCTL 1871. P. 779, 783.

⁵⁴⁶ Гулевич В.П. От ордынского улуса... С. 268-269.

⁵⁴⁷ Базилевич К.В. Указ. соч. С. 100-101.

от хана и обязательств по совместной борьбе с «королём»⁵⁴⁸. И хотя контакт между странами и их государями был налажен, полноценного союза не получилось, Менгли Гирей не спешил одновременно менять геополитическую ориентацию и брать на себя обязательства по борьбе с Казимиром IV. Как видно из наказов для боярина Алексея Ивановича Старкова⁵⁴⁹, задачи следующего московского посольства в Крым оставались все теми же — убедить хана действовать против польско-литовской унии.

Одним из предлогов, способствовавшим повышенному вниманию к крымским делам для московского князя стал скандал, связанный с требованием репрессалий по отношению к русским купцами в Каффе, уже рассматривавшийся в историографии⁵⁵⁰. Предположительно, непосредственный повод для этого имел место в 1472-1473 гг. во время консульства в Каффе Джофредо Леркари. Этот факт, как и описание обстоятельств конфликта можно найти в письме каффинских купцов, пострадавших от действий неких «грабителей и казаков господина Москвы» (...latrones et cozachos illius domini de mosco...) ⁵⁵¹. Купцам, чьи товары были захвачены в ограбленном на пути из Москвы караване, удалось все-таки добиться от местных властей и городского совета репрессалий в отношении русских купцов из Москвы. Однако это компенсировало только часть средств, к тому же они так и не были переданы пострадавшим, а лишь арестованы, что и заставило потерпевших написать в столицу для утверждения дополнительных репрессалий и передачи в их распоряжение конфискованного. Иван III, однако, не считал себя сколько-нибудь виноватым, его позиция по этому вопросу, переданная в Каффу с уже упоминавшимся выше посольством Беклемишева, сводилась к тому, что «огланов, князей и казаков у него много: как к нему приезжают люди многие на службу, так от него и отъезжают люди многие, и нам почему ведати хто будет ваших купцов пограбил? А у нас тот грабёж не бывал». В качестве ответной меры Москва запретила каффинским купцам въезд на свою территорию и

---

⁵⁴⁸ СИРИО т. 41. С. 2–9.

⁵⁴⁹ Там же. С. 10-14.

⁵⁵⁰ Эрнст Н.Л. Конфликт Ивана III с генуэзской Кафой (К истории московской торговли и происхождении казачества) // ИТОИАЭ. Т. 1 (58-й). Симферополь, 1927. С. 167–180.

⁵⁵¹ CDCTL 1879. P. 114-116.

требовала компенсации убытков для своих купцов⁵⁵². Конфликт раскрывает и некоторые стороны крымско-генуэзских отношений, поскольку Менгли Гирей при приеме посольства Беклемишева говорил, что Каффа это «его люди», чем не преминул воспользоваться Иван III, со следующим посольством отправивший просьбу хану оказать давление на администрацию Каффы по вопросу компенсации убытков русским купцам⁵⁵³. Впрочем, к тому моменту Менгли Гирей уже был лишён такой возможности, да и самой генуэзской администрации в Каффе оставалось всего лишь несколько месяцев существования. Конфликт так и не решился до падения города, во время которого пострадало ещё большее число «московских гостей»⁵⁵⁴.

Таким образом, как мы видим по регулярному обмену посольствами и агрессивным действиям татар на польско-литовском пограничье, в период первого правления Менгли Гирея в Крыму, несмотря на формальное поддержание дипломатического статуса-кво эпохи Хаджи Гирея в начале 70-х гг., уже к середине 70-х начинает складываться система отношений и военных альянсов, которая в последующем определит облик восточноевропейской политики на следующую четверть столетия.

§3. Обстоятельства падения Каффы

К моменту сложения этой новой международной конфигурации, генуэзцы, однако, уже не будут субъектами восточноевропейской политики. 1475 г. стал последним в истории генуэзских владений в Северном Причерноморье. Опуская рассуждения о неизбежности подчинения Крыма Османам, есть смысл привести и проанализировать конкретные обстоятельства падения города, поскольку они оказались теснейшим образом связаны с генуэзско-крымскими отношениями и внутренней политикой Крымского ханства.

---

⁵⁵² СИРИО т. 41. С. 8–9.

⁵⁵³ Там же. С. 12.

⁵⁵⁴ ПСРЛ т. 12 С. 157; Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане... С. 40-41.

Как мы видим из целого ряда источников, генуэзцы вполне осознавали нависающую над ними турецкую угрозу, что заставляло их регулярно тратить немалые суммы на ремонт укреплений и снабжение гарнизонов крепостей в Крыму⁵⁵⁵. К тому же как видно из одной из вышеприведённых цитат, наряду с укреплением и солдатами гарнизона, весомым фактором было также наличие лояльного и покровительствующего Крымского хана, который был заинтересован в сохранении Каффы и мог выступать гарантом её интересов за рубежом. Это хорошо видно на примере заступничества или апелляции к Менгли Гирею в случае конфликтов генуэзцев с зарубежными владыками, такими как молдавский господарь, турецкий султан или великий князь московский.

Как показала история, этот последний фактор защиты Каффы и оказался наиболее значимым, так как именно его исчезновение привело к падению города.

Конечно, для того, чтобы подойти к анализу этих событий, необходимо тщательно исследовать обстоятельства потери власти Менгли Гиреем в 1475 г.

Роковые события, приведшие к утрате ханом поддержки крымской знати, были связаны с местом «сеньора Кампании» и, вместе с тем, карачи-бея – главы клана Ширинов. До своей смерти летом-осенью 1473 г. эту должность занимал игравший огромную роль во внутрикрымской политике бей Мамак Ширин. Наследником могущественного бея стал его брат Эминек, также уже упоминавшийся выше.

Первоначально, судя по всему, генуэзцы были вполне довольны сменой бея Ширина, ведь Мамак уже успел отметиться мятежом против Гиреев, а нестабильность в степи явно шла вразрез с интересами республики. Фигура же Эминека вполне устраивала власти в Генуе: «Мы были очень довольны избранием господина Эминека на место его покойного брата Мамака... .. и многочисленные демонстрации его искренней благосклонности по отношению к вам и этому городу были нам очень приятны» (*Placuit nobis plurimum electio domini eminec loco quondam domini Mamac fratris sui... .. et multis demonstrationibus sincere benivolentie sue erga vos et illam ciuitatem gratissima nobis fuerunt*). В инструкции

---

⁵⁵⁵ Колли Л.П. Исторические документы... С. 3.

Попечителей, Эминек наравне с Менгли Гиреем должен быть целью дипломатических усилий администрации Каффы: «...мы считаем, что вам было бы полезно всегда стараться не только поддерживать, но и день ото дня увеличивать взаимную дружбу с господином императором и самим господином Эминеком» (...utile iudicamus studeatis semper mutuam amicitiam cum domino imperatore et ipso domino Eminec non solum conseruare sed etiam in dies augere)⁵⁵⁶. Такой оптимизм несомненно был связан с тем, что: «Этот господин, сеньор Кампании, давал большие и великие обещания, ещё прежде чем стать сеньором, обещая, что он будет хорошим сыном Каффе и что он не отступит от их воли и советов и что он всегда будет делать все те вещи, что будут угодны консулу и старейшинам Каффы» (Questo signor eminec signor de campagna fe large e grande promise auanti che ello fosse signore prometando che ello sereiuu bon figliolo de caffu e che no se partireiuu da la lor volontae e consegio e che fareiuu semper tute quelle cose chi fosen im piaxe di de lo consolo e de li vegiardi de caffu)⁵⁵⁷.

Однако, как мы узнаем далее, и указания правления Банка администрации Каффы, и обещания Эминека оказались нарушены. Так, Эминек после избрания «вскоре, через короткое время, он решил обращаться к императору с просьбами то об одном, то о другом, так что можно сказать по правде, что он никогда не проводил и дня, не беспокоя императора» (Poi che e staeto electo, asae tosto de li a poco tempo a incomensato a far requeste a lo imperao aora de una cosa aora de una altra, che se po di cum veritate che mai no e staeto uno jorno senza molestiar lo imperao)⁵⁵⁸. В число этих просьб, вероятно, входили и уже упомянутые выше походы на Молдавию и Подолье. Однако просьбой, которая крайне негативно сказалась на отношениях хана и карачи-бея, стала дерзкая просьба о браке Эминека с матерью Менгли Гирея, которая, разумеется, была отклонена⁵⁵⁹. Несмотря на это, какое-то время между ними сохранялись нейтральные, вполне приемлемые отношения, по крайней мере до тех пор, пока Менгли Гирей под

---

⁵⁵⁶ CDCTL 1879. P. 51-57.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 120.

⁵⁵⁸ Ibid.

⁵⁵⁹ Ibid. P. 121.

давлением генуэзцев не стал предпринимать попыток сместить старшего карачи-бея с его поста.

Некую подноготную этих событий раскрывает нам рассказ Кристофоро Мортаро, свидетеля падения Каффы⁵⁶⁰. Подробности и детали рассказа, сообщённые очевидцем, придают ему высокую долю достоверности. Он утверждает, что администрация города была подкуплена вдовой Мамака, которая прилагала все усилия для назначения своего непопулярного и неуважаемого среди татар сына Сейтаха на должность. Для этих целей ею был нанят некто Константин Пьетраросса, который с самого 1473 г. пытался воздействовать на каффинских официалов, с целью возведения Сейтаха на должность «сеньора Кампании». Однако, несмотря на значительные суммы выделяемые вдовой, администрация Каффы не поддавалась, поскольку «они видели и считали, что продвижение Сейтаха в качестве господина Кампании, было не чем иным, как разрушением Каффы, потому что все татары были против Сейтаха и никоим образом не хотели, чтобы он был возведён в этот сан... ..если Сейтах будет утверждён в этом достоинстве, вся Тартария обратится или будет против Каффы, и Генуэзская республика окажется в опасности быть лишённой этого владения» (*e vedevano e consideravano che la promozione di Seitac al principato della campagna, non era altro che la distruzione di Caffa, perchè tutti i Tartari erano contrarii a Seitac, e non volevano in modo alcun che fosse alzato a questo grado... ..cioè che essendo costituito Seitac in tal dignità, tutta la Tartaria si volgesse, o fosse contraria a Caffa, e la Repubblica di Genova fosse in pericolo di essere privata di quella signoria*)⁵⁶¹.

Тем не менее, после вступления в должность консула Антониотто Кабеллы Константину удалось подкупить ряд чиновников Каффы, истратив на это дело не менее 6000 дукатов. И тогда «ослеплённые жадностью» чиновники в своих многочисленных письмах Менгли Гирею начали просить его сместить Эминека и назначить на его место Сейтаха, якобы более им удобного. На это хан отвечал им, что хоть и совсем не прочь расправиться с Эминекком, но даже смерть карачи-бея

---

⁵⁶⁰ CDCTL 1879. P. 251-256.

⁵⁶¹ Ibid. P. 252.

не поможет в продвижении Сейтаха, так как все ещё жив Кара-Мирза — другой сын Мамака, который должен был наследовать Эминеку по завещанию покойного бея. Игнорировать же интересы Кара-Мирзы было нельзя, поскольку его зятем был султан Айдер — последний оставшийся на свободе брат Менгли Гирея, имеющий собственные силы и влияние среди знати. На что генуэзцы лукаво ответили хану, что если он устранит Эминеку то будет волен назначить того, кто будет ему угоден⁵⁶².

Менгли Гирей, рассчитывая таким образом расправится с излишне деятельным карачи-беем, убедил Айдера и Кара-Мирзу выступить на его стороны против Эминекы, в обмен на назначение Кара-Мирзы «сеньором Кампании». Услышав о таком намерении хана, Эминеку поспешил бежать из Крыма даже без какого-либо серьёзного противостояния. «Император» и его сторонники могли праздновать победу. Однако формальное назначение на должность «сеньора Кампании» должно было происходить в Каффе, куда и направился Менгли Гирей, вместе с Айдером и Кара-Мирзой. Последние, однако, отказались въезжать в город, не получив сначала гарантий, что официалы Каффы выберут «сеньором» Кара-Мирзу. Генуэзцы же такие гарантии дать были не готовы, и хан в одиночку въехал в город, чтобы провести переговоры на этот счёт.

Однако, на переговорах официалы заявили «императору», что уже обещали место Сейтаху, который, очень кстати, тоже находится в городе, и что им было бы очень неловко не сдержать своего слова. Менгли Гирей резонно возразил им, что они обещали, что он сможет назначить кого-угодно если устранит Эминеку, а ему и самому крайне не хотелось бы нарушать обещание, данное Кара-Мирзе. Юридически подкованные генуэзцы на это подметили, что под словом «устранить» подразумевается смерть или тюремное заключение, а Эминек сумел бежать, поэтому они не считают условие своего обещания выполненным. Такой оборот событий заставил хана опешить, однако решиться на назначение Сейтаха он все же не мог⁵⁶³.

---

⁵⁶² CDCTL 1879. P. 253.

⁵⁶³ Ibid. P. 254.

Менгли Гирей отлично понимал непопулярность такого шага и опасность настроить против себя теперь не только Эминека, но и Айдера с Кара-Мирзой и большей частью знати ханства. Тогда, согласно этому рассказу, администрация Каффы была вынуждена пойти на прямой шантаж хана, угрожая отпустить Нур-Давлета и других братьев, находящихся в заключении в Солдае, чтобы вынудить его назначить Сейтаха сеньором Кампании. Угрозы возымели действие, и в присутствии всех должностных лиц Каффы (в том числе автора этого рассказа) Сейтах был выбран на должность во дворце консула в декабре 1474 г.⁵⁶⁴.

Разумеется, это привело к тому, что Айдер и Кара-Мирза при поддержке значительной части татарской знати восстали против Менгли Гирея и вернули из степи Эминека. В феврале 1475 г. хан был вынужден бежать из Кырк-Ера и укрыться в Каффе, которую с апреля начали осаждать татарские войска Эминека.

Сами по себе татары были не способны взять хорошо укрепленный город, а потому, согласно рассказу Кристофор Мортаро, ещё в феврале вместе с турецким посланником, находившемся в Каффе по вопросу возвращения сбежавших из Трапезунда рабов⁵⁶⁵, Мехмеду II было направлено предложение атаковать генуэзские владения на крымском побережье, в частности уже находящуюся в татарской осаде Каффу.

Примечательно, что, как и во время событий 1454 г., договоренность с турками предполагала переход самого города в дальнейшем под юрисдикцию Крыма, в то время как добыча должна была достаться туркам⁵⁶⁶. Это обещание так и не было выполнено турками.

Для осуществления экспедиции, как раз кстати, в Константинополе уже была собрана армада, готовившаяся к отплытию на Крит для захвата венецианской Кандии. По другим данным, армада собиралась для осуществления грядущего масштабного похода на Валахию и Молдавию, где задачей флота

---

⁵⁶⁴ CDCTL 1879. P. 254-255.

⁵⁶⁵ Хаутала Р., Гулевич В. Письмо тосканского анонима о взятии Кафы в 1475 году из кодекса Q 116 sup Амброзианской библиотеки // Золотоордынское Обозрение. 2018, 6 (4). С. 844.

⁵⁶⁶ Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. С. 173.

должно было стать взятие крепостей Килии и Монкастро⁵⁶⁷. Так или иначе, узнав о том, что город лишился какого-либо татарского покровительства, турки немедленно изменили маршрут эскадры. Уже 1-го июня войска неприятеля высадились у стен города и немедленно приступили к осадным мероприятиям⁵⁶⁸.

До этого момента на протяжении всей весны генуэзцы пытались выпутаться из сложившегося непростого положения обращаясь за помощью к Казимиру IV⁵⁶⁹, однако время было не на их стороне. Примечательно, что существуют свидетельства стремления Эминекка договориться с Кафзой до прибытия турецкого флота, поскольку в действительности карачи-бей не был заинтересован в попадании Каффы в руки турок, что лишало бы его значительных доходов и подарков от местных властей. Однако, даже перед лицом надвигающегося турецкого флота часть официалов по сообщению тосканского анонима продолжала отстаивать права Сейтаха на титул главы Ширинов и «сеньора Кампании»⁵⁷⁰.

Соппротивление города оказалось недолгим. Различные источники называют несколько причин относительно быстрого падения Каффы. Среди них и отсутствие единства среди горожан, в том числе и в связи с терзавшими город вот уже несколько лет разногласиями касательно назначения армянского епископа, что привело к восстанию нелатинского населения⁵⁷¹. Другие называют предательство находившихся внутри города татар Менгли Гирея и Сейтаха⁵⁷². В письме тосканского анонима утверждается, что город просто не выдержал непривычного для него артиллерийского обстрела, после чего запросил переговоры⁵⁷³. Солидарен с ним и Кристофоро Мортаро — очевидец событий⁵⁷⁴.

Так или иначе город был захвачен турками в течении нескольких дней, а большая часть латинян покинула город навсегда. Сам Менгли Гирей попал в

⁵⁶⁷ Руев В.Л. Указ. соч. С. 119-120.

⁵⁶⁸ CDCTL 1879. P. 255.

⁵⁶⁹ Гулевич В.П. От ордынского улуса... С. 285.

⁵⁷⁰ Хаутала Р., Гулевич В. Письмо тосканского анонима... С. 845.

⁵⁷¹ Колли Л.П. Документы о падении Каффы... С. 15.

⁵⁷² Canale M.G. Della Crimea del suo commercio e de suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri commentarii storici. Vol. II. Genova, 1855. P. 144.

⁵⁷³ Хаутала Р., Гулевич В. Письмо тосканского анонима... С. 845.

⁵⁷⁴ CDCTL 1879.. P. 256

турецкий плен. Кто именно был ханом в Крыму в 1475-1478 гг. достоверно сложно сказать. В то время как некоторые источники сообщают о том, что турки сделали ханом выпущенного ими из Солдайи Нур-Давлета, существуют и предположения о сохранении в Крыму номинальной власти Менгли Гирея⁵⁷⁵. На этом историю тесных татарско-генуэзских отношений завершается. В этом отношении интерес представляет письмо Менгли Гирея генуэзским эмиссарам, свидетельствующее о его антиосманских планах в 1481 г., однако, в конечном счёте эти переговоры так и не привели к изгнанию турок из Крыма⁵⁷⁶.

* * *

Таким образом, на этапе правления в Крымском ханстве Нур-Давлета и Менгли Гирея Каффа оказывается наиболее глубоко вовлечена во внутреннюю политику Крыма. Обеспокоенные сохранением стабильности в государстве генуэзцы принимают активное участие в качестве посредников в династических кризисах, разрывающих ханство. Если раньше в Каффе и других генуэзских крепостях находили защиту и прибежище враждебно настроенные правящему хану претенденты, то теперь генуэзское правительство, напротив, обеспечивает надёжную охрану возможных противников правящего хана. В отличие от других мест Крыма, по сути, лишь в генуэзских крепостях такие претенденты оказывались вне зоны досягаемости оппозиционно настроенных крымских беев. Однако содержание такого рода почётных пленников накладывало на городскую администрацию большую ответственность и новые возможности для участия в кризисах. С той лишь разницей, что теперь генуэзцы действуют исключительно наверняка. Даже в вопросе поддержки симпатичного им претендента они далеко не сразу отвергают лояльность Нур-Давлету во время кризиса 1468 г. Тем не менее, неразумное распоряжение возможностями, которые давало генуэзцам наличие у них столь ценных пленников, стало в итоге фактором, приведшим к

⁵⁷⁵ Гулевич В.П. От ордынского улуса... С. 291, 296-297.

⁵⁷⁶ Гулевич В.П. Джанов А.В. Письмо Крымского хана Менгли Гирея генуэзским эмиссарам Бартоломео Кампофрегозо и Лодизии Фьески от 30 декабря 1481 года // Золотоордынское Обозрение. 2019, 7 (2). С. 318-332.

свержению с престола Менгли Гирея и падению Каффы. В истории, связанной с подкупом чиновников одной из группировок татарской знати, проявилась обратная сторона более плотного вовлечения Каффы во внутрикрымскую политику. Несмотря на законодательные запреты очевидно, что такое вовлечение неизбежно влекло за собой проекцию конфликтов между крымской знатью на каффинскую элиту.

Некоторое улучшение в том числе и экономического положения города также было связано с относительным миром и стабильностью после утверждения Менгли Гирея на престоле. Как свидетельствуют многочисленные документы, хан благоволил Каффе, в том числе выступая на защите её интересов в конфликтах с иноземными государями. Благорасположение хана к городу было взаимными, в различных генуэзских документах он часто характеризуется сугубо положительными эпитетами, что особенно контрастирует с эпитетами генуэзских источников в отношении Хаджи Гирея.

Каффа стала и одним из инструментов внешней политики ханства, через неё контакты с Менгли Гиреем налаживает Иван III, частично поддерживается сообщение и с польским королём. Генуэзцы, благодаря связи со своими гражданами в Тане, предупреждают крымских правителей об угрозах, исходящих со стороны Большой Орды — наиболее опасного внешнеполитического направления в ранний период существования ханства.

В свою очередь, для генуэзцев фактор покровительства со стороны «императора татар» становится одним из главных залогов выживания во все более агрессивной геополитической обстановке, складывающейся в Причерноморье по мере расширения турецкой экспансии. Покровительство хана прямо называется одним из элементов защиты Каффы наряду с её стенами и гарнизоном. Как показала история падения города, этот элемент оказался основным, и как только он исчез, судьба города «в этих крайних пределах мира, окружённого и осаждаемого отовсюду сарацинами» оказалась предопределена.

Заключение

В результате проведенного исследования, в соответствии с поставленными задачами были изучены генуэзско-ордынские отношения до 1419 г., в период становления первых независимых правителей Крыма (1419–1441 гг.), в период правления в Крыму Хаджи Гирея (1441–1466 гг.), а также Нур-Давлета (1466–1468) и первого периода правления Менгли Гирея (1468–1475). На основании результатов работы рассматриваемый период можно разделить на несколько этапов, характеризующих внешнюю политику Каффы в отношении татарских властей Крыма.

1260-е гг. – 1343 г. – начальный этап складывания генуэзско-татарских отношений. Характеризуется основанием Каффы и расцветом трансконтинентальной торговли, чему способствовала покровительствующая политика ханов Золотой Орды: Менгу-Тимура, Тохты и Узбека. Тем не менее, в этот период было проведено несколько карательных акций против города, что привело к его разрушению в 1299 и 1308 гг. Несмотря на это, Каффа всякий раз восстанавливалась. Накопление богатства, вкупе с наличием опыта разрушительных татарских нападений, привело к появлению организованной администрации и строительству первых фортификационных сооружений, которые уже в скором времени предотвратили очередное уничтожение города и помогли ему выдержать тяжелую осаду хана Джанибека.

Вероятно, именно в этот период складываются традиционные отношения Каффы с крымскими и ордынскими правителями включающие в себя фиксацию взаимных обязательств в ханских ярлыках и обмен подарками: выдача экзениев и новен со стороны генуэзцев и дарения коней со стороны татарских правителей.

1343 – 1387 гг. – период конфликта между Каффой и Золотой Ордой, происходящий с 1359 г. на фоне масштабной междоусобицы в Орде. Разумеется, не весь указанный период характеризовался постоянным конфликтом, однако именно в это время происходит целый ряд столкновений, в которых, что характерно, Каффа первоначально занимала скорее оборонительную сторону.

Сначала кризис Таны 1343 г. используется ханом Джанибеком как повод для ужесточения контроля над торговлей, которую ведут в Орде западные купцы. Это приводит к заключению союза между Генуей и Венецией и осаде Каффы в 1344–1349 гг. Джанибек добился своего лишь частично, увеличив в последующих мирных договорах налоговую нагрузку на западное купечество, однако взять Каффу ему не удалось. Более того, видимо, именно в это время генуэзцам удалось взять под свой контроль Чембало и впервые расширить свои владения на полуострове, что было формой обеспечения безопасности Каффы от повторения подобных осад в будущем. Овладение побережьем было важно не только как средство монополизации крымской торговли, но и с точки зрения лишения Золотой Орды возможных морских баз — городов с достаточно многочисленным оседлым населением, в которых было возможно строительство флота для блокады Каффы.

С началом масштабной междоусобицы в Золотой Орде в 1359 г. экономическая и социальная ситуация в Крыму ухудшается. В 1365 г. в ответ на нападение на Каффу Алибека — правителя Крыма, генуэзцы предпринимают захват Солдайи и прилежащих к ней 18 селений. Вероятно, в этом противостоянии они действовали совместно с Мамаем, который несколько позже установил контроль над Крымом и отобрал силой упомянутые 18 селений судакской долины.

Этот конфликт получил продолжение в 1380–1387 гг., в виде так называемой «Солхатской войны». Генуэзская власть над Судакком и прилежащими землями была юридически закреплена в рамках генуэзско-ордынских договоров 1380, 1381 и 1387 гг. — первых дошедших до нас соглашений между татарами и генуэзцами.

Этот период закончился воцарением в Орде относительной стабильности после установления контроля почти над всей её территорией со стороны хана Тохтамыша. Последним значительным вмешательством генуэзцев в крымскую политику стала поддержка Бек-Булата, а впоследствии помощь Тохтамышу в

борьбе с ним. Возможно, что подтверждение в 1387 г. положений договора 1381 г. стало своего рода наградой за эту помощь.

В это время доходы каффинской администрации сильно упали, вследствие нестабильности степи, а расходы на ведение активной внешней политики и поддержание сильно разросшихся владений, напротив, возросли.

1387–1419 гг. – этот период характеризуется противостоянием Тохтамыша и его сыновей сначала с Тимуром, а затем и с его золотоордынским сторонником Едигеем. Именно в это время появляются первые претенденты на ордынский престол, базирующиеся именно в Крыму, а именно – Бек-Булат (1386 (?), 1391–1392 гг.), а затем и Таш-Тимур (1394–1395).

Неизвестно отношение Каффы к этим «узурпаторам», однако, вероятно, она придерживалась политики признания ханом ближайшего сильнейшего претендента, который способен нанести городу существенный урон. Такая же политика наверняка проводилась и в отношении противостояния ставленников темника Едигея и Тохтамышовичей.

1419 – 1441 гг. – период начального этапа формирования Крымского ханства. Именно в 1419 г. ханом Орды становится близкий родственник Таш-Тимуридов Улуг-Мухаммед, а сын Таш-Тимура Бек-Суфи становится правителем Крыма. После смерти Бек-Суфи за власть над Крымом начинают бороться Улуг-Мухаммед и брат Бек-Суфи – Девлет-Берди. Длительное противостояние завершается около 1427 г. поражением последнего. Однако Улуг-Мухаммед все равно теряет власть над Крымом после выдвижения против него в 1432 г. Сеид-Ахмеда – сына Бек-Суфи, поддержанного в первую очередь бейским родом Конгратов.

Смерть могущественного бея Айдера Конграта развязывает руки старшим крымским беям Ширинам, и те инициируют захват власти в Крыму Хаджи Гиреем – внуком Таш-Тимура и племянником Бек-Суфи и Девлет-Берди.

Каффа в этот период ведет прагматичную внешнюю политику, признавая всякого хана, утвердившегося в Крыму. Генуэзцы практически никак не вмешиваются в борьбу между татарскими правителями (за исключением разве что

кредитования некоторых из них, но это скорее бизнес, а не политика) и всячески избегают возможного конфликта. Связано это было с занятостью республики на других «фронтах» региона. В первую очередь речь о противостоянии с княжеством Феодоро, претендующим на значительную часть генуэзских владений в юго-западном Крыму – так называемую прибрежную Готию и Чембало.

Между государствами происходят два крупных конфликта: в 1422–1423 гг. и в 1432–1441 гг. Последний конфликт приводит Каффу к столкновению с татарами при попытке напасть на Солхат. Однако этот эпизод следовало бы рассматривать скорее как случайность, попытку воспользоваться пребыванием в Крыму беспрецедентно крупного военного контингента из наёмников, о чем говорит как первоначальное отсутствие планов этого похода у главнокомандующего войском, так и последующее скорое примирение с татарами (в то время как с Феодоро конфликт продолжался еще несколько лет).

Причем конфликт с Феодоро был лишь частью гораздо большего политического расклада. Поддержку княжеству оказывали венецианцы, традиционные соперники Генуи, а также Трапезунд, с которым у генуэзцев были натянутые отношения и который имел династические связи с Феодоро. Разумеется, конфликт имел и экономическую основу. Правители Феодоро и его союзники стремились разрушить торговую монополию генуэзцев, для чего было необходимо освободить из-под их власти порты северного Причерноморья (или развивать новые порты), чтобы те могли составить конкуренцию Каффе. Таким портом стала Каламита, а впоследствии должно было стать и Чембало.

Итогом конфликтов для Генуи стала своего рода ничья, феодориты не получили Чембало, однако сумели сохранить Каламиту, что в дальнейшем сыграет весьма весомую роль в политике Крымского ханства.

Именно в этот период растянутый во времени процесс обособления Крымского улуса в самостоятельное государства, можно сказать, достигает своего финала. Призвание «на царство» Хаджи Гирея можно уже однозначно считать моментом возникновения независимого Крымского ханства.

1441–1452 гг. – приход к власти в Крыму Хаджи Гирея и завершение конфликта Генуи с Феодоро и Венецией, ознаменовывает ряд перемен в региональной политике. Каффа легко признает власть Хаджи Гирея, пришедшего к власти при помощи Ширинов и литовской поддержки.

Первое десятилетие своего правления Хаджи Гирей посвящает борьбе со своим родственником Сеид-Ахмедом, у которого он и отобрал Крым. В 1452 г. ему удаётся одержать значительную победу и на долгое время обезопасить северные границы своих владений. Это время хан использует для укрепления своей власти на южном направлении.

В Каффе этот период, впрочем, как и предыдущий, характеризуется трудной экономической обстановкой и разладом в управлении, что приводит к попытке проведения административной реформы и позже принятию нового Устава 1449 г. Трудно судить об эффективности этих действий, так как последующие события свели на нет какой-либо возможный положительный эффект от них.

1452–1457 гг. – краткий период жёсткого противостояния между Каффой и Хаджи Гиреем. Первоначально антигенуэзские действия Хаджи носят невоенный характер. Заключаются они главным образом в поддержке торговли с Турцией через альтернативные Каффе порты – Каламиту и Воспоро (Керчь). Его резиденцией становится Кырк-Ер (еще с 1446 г.), где он строит дворец, таможню, а в Каламите расширяет портовые сооружения, и в целом ведёт себя «не как татарский хан, но как купец латинянин». Очевидно, такие действия наносят немалый экономический ущерб Каффе, которая оказывается в ещё более трудном положении после захвата турками Константинополя в 1453 г.

В 1454 г. турки и татары и вовсе предпринимают совместную атаку на Каффу и добиваются наложения на город регулярной дани в пользу Хаджи Гирея (позже генуэзцам придётся пойти и на выплату дани турецкому султану).

Столкнувшись с такой очевидно враждебной политикой хана, генуэзцы демонстрируют готовность вмешаться в политику Крыма с целью смещения ненавистного Хаджи. В 1453 г. они условно поддерживают Джаная – брата Хаджи, приобретшего значительные силы после разгрома Сеид-Ахмеда. В 1456 г.

они уже инициируют прямое вмешательство, вступив в заговор с Мамаком Ширином и выделив средства на то, чтобы привести к власти Махмуда и Касима – сыновей Улуг-Мухаммеда, а затем и Махмуда сына Сеид-Ахмеда, пользуясь отсутствием Хаджи Гирея в Крыму. И хотя планы заговорщиков осуществить так и не удаётся, итогом конфликта становится ярлык Хаджи Гирея генуэзцам 1457 г.

1456–1466 гг. – появление юридического базиса для отношений (и несомненно наличие в Каффе султана заложника) приводит к потеплению отношений между ханством и Каффой. Хаджи Гирей больше не предпринимает враждебных действий в отношении города, удовлетворившись получаемой данью, допускает генуэзцев на свою территорию для ведения дел. Не располагая силами для самостоятельного захвата города и при этом не будучи заинтересованным в том, чтобы город заняли турки, Хаджи Гирей решает не конфликтовать с генуэзцами и лишней раз не подвергать себя опасности, провоцируя их на разжигание новых смут в ханстве и призыв других претендентов из Степи. Весомым фактором потепления отношений становится и покровительство генуэзцам со стороны короля Польши Казимира IV, союзнические отношения с которым Хаджи Гирей поддерживал с 1441 г.

Уязвимость Крыма для династических усобиц свидетельствует о слабости власти хана, чрезмерной её зависимости от поддержки родоплеменной знати и несформированности государства. Эти обстоятельства неизбежно приводят ханство к междоусобной войне после смерти Хаджи Гирея.

1466-1475 гг. — на финальном этапе своего существования генуэзская Каффа направляет свои усилия на поддержание стабильности в Крыму. Урегулирование отношений с ханством и продолжительный период относительной стабильности на территории полуострова во время правления Хаджи Гирея приводит к стабилизации внутренней обстановки в Каффе после потрясений 50-х годов. Это приводит к тому, что город куда плотнее интегрируется в крымскую политику, а главной задачей генуэзско-татарских отношений становится поддержание сложившегося порядка. Участие Каффы в смуте 1466-1468 гг. характеризуется сдержанностью и осторожностью, которая

приводит к тому, что в кои-то веки город делает верную ставку в династическую смуте и получает исключительно лояльного к себе хана — Менгли Гирея.

Большее вовлечение города во внутреннюю жизнь Крымского ханства проявляется в целом ряде моментов: генуэзские власти начинают рекомендовать новоназначенных официалов Каффы хану в специальных письмах, город становится местом содержания почётных пленников из числа ханских родичей, способных угрожать ханской власти, Менгли Гирей оказывает покровительство Каффе в международных конфликтах. Именно последнее обстоятельство делает «императора татар» одним из средств противостояния нарастающей турецкой угрозе, наряду со стенами и защитниками Каффы. Возрастает и реальное влияние генуэзских официалов на внутреннюю политику ханства. В свою очередь это приводит и к вовлечению города в борьбу различных группировок татарской знати. Именно это последнее обстоятельство, вкупе с коррумпированностью администрации, приводит к потере власти Менгли Гиреем и как следствие к потере городом ханской защиты, что, по сути, и предопределило падение Каффы в июне 1475 г.

В результате исследования в соответствии с поставленной целью можно заключить, что хоть генуэзцы и не оказали решающего значения на сам факт образования Крымского ханства, они оказали влияние на ряд факторов, влияющих на этот процесс.

Соседство Крымского улуса с генуэзской Каффой стало одним из таких факторов определившим его высокий статус и большое значение в ходе внутриордынских усобиц. Доходы ордынских правителей, контролирующих улус, обуславливались не только активной торговлей в регионе, но и прямыми и косвенными поступлениями от политического руководства генуэзской Каффы. В последующем, тесное соседство с генуэзцами обеспечивало крымским ханам не только сугубо экономические преимущества, но и позволяло получать с их стороны специфические услуги: военно-техническую поддержку, заказные убийства или кредитование для ведения войны с противниками.

Несколько раз на протяжении рассматриваемого периода генуэзцы Каффы пытались прямо вмешаться в политику Орды и Крыма. И хотя они делали это нечасто и не очень успешно, сам факт возможности такого вмешательства заставлял правителей Крыма учитывать «генуэзский фактор». По сути дела, пространство внутри городских стен Каффы было едва ли не единственным недоступным (и небезопасным) для них местом на полуострове, где потенциальный соперник за власть мог укрыться от хана и близостью своей смущать местную родоплеменную элиту (например, как в 1456 г.).

Особую актуальность это обстоятельство приобрело с утратой крымскими правителями реальных (но не формальных) претензий на власть за пределами бывшего Крымского улуса (то есть с 1441 г.) и, соответственно, с гораздо большей их зависимостью от поддержки, оказываемой им, собственно, в Крыму, что играло не в пользу добрососедских отношений с каффинцами.

Агрессивная в отношении генуэзцев политика Хаджи Гирея обуславливалась желанием не только увеличить собственные доходы, но и избавиться от опасного соседства или как минимум в большей степени контролировать ситуацию на полуострове. Плодом этой политики стало сближение Крыма с Османской империей и расширение её экономического и политического влияния в северном Причерноморье. Однако, события смуты 1456-1457 гг. в конечном счёте привели к нормализации татаро-генуэзских отношений и обновлению их юридической базы в виде ярлыка 1457 г. Постепенная стабилизация обстановки привела к улучшению экономического положения города. Власти Каффы стали проводить более осторожную и взвешенную политику в отношении татарских правителей. Это позволило им в очередной династическую смуту 1468 г. сделать верную ставку и получить исключительно лояльного к городу хана. «Генуэзский фактор» во внутренней политике Крыма этого периода достигает своего наивысшего значения. Глубокое вовлечение Каффы в крымские дела стало одновременно и преимуществом, и уязвимостью города.

Хорошие отношения с ханом Крыма и его покровительство стали важнейшим фактором внешней безопасности Каффы и единственным действенным ответом на возрастание турецкой угрозы. С другой стороны, малейшая ошибка или неверная ставка в очередном внутреннем кризисе в ханстве могли стоить генуэзцам полной потери крымских владений. В конечном итоге именно этот сценарий и реализовался. При этом важно отметить, что государственный кризис в ханстве в этот раз вновь был спровоцирован действиями генуэзской администрации, притом, как раз тогда, когда он был ей совершенно не нужен. Такое нерациональное поведение каффинцев как раз и стало негативным проявлением более плотной интеграции города во внутреннюю политику Крымского ханства.

Список сокращений

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей;

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии;

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;

СИРИО – Сборник Императорского Русского Исторического Общества;

CDCTL – Codice Diplomatico delle Colonie Tauro-Liguri;

Список источников и литературы

Источники

Архивные источники:

1. Archivio di Stato di Genova. Affari Generali. Cancellaria dei Protettori. Primi concellieri. Unità 2913. 14.09.1457.
2. Archivio di Stato di Genova. Sala 34, N 590. 1308/3 (1447-1448).
3. Archivio di Stato di Genova, Banco di San Giorgio, Cancellieri, 223.

На русском языке:

4. Джанов А.В. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов//Золотоордынское обозрение №8 (4). 2020. С. 675-713.
5. Джанов О.В. Книга масаріі Кафи 1465–1466 pp. Транскрипція.
6. Довнар-Запольский М.В. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. // ИТУАК. 1898. № 28. С. 19-91.
7. Карпов С. П. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья//Причерноморье в Средние Века. т. 3. СПб.: Алетейя, 1998. С. 9-82.
8. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 г.//ЗООИД Т.V. Одесса, 1863. С. 629-836.
9. Ас-Саб' ус-Сеййар, или Семь планет: История крымских ханов, сочиненная на турецком языке Сейид Ризою, с введением на русском языке. Казань, 1832.
- 10.Бережков М.Н. Крымские шертные грамоты. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. [2], 22 с.
11. Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам), СПб: в типографии Императорской Академии наук, 1850. 24 с.
12. Березин И.Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет Гирея: с введением, переписью, переводом и примечаниями изданные М. Березиным профессором Казанского университета, Казань: в типографии университета, 1851. 56 с.

13. Березин И.Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, Казань: издан князем Оболенским, 1850. 70 с.
14. Березин, И.Н. Библиотека восточных историков. Т. 1. Казань: Типография университета, 1849. LXXIX, 30, [161] с.; Т. 2, ч. 1. Казань: Типография губернского правления, 1854. VII, [83] с.; Т. 3, ч. 1. Казань: Типография губернского правления, 1854. XVIII, 130 с.
15. Договорная грамота Молдавского Господаря воеводы Ильи Александровича и Литовского Великого князя Казимира// Акты, относящиеся к истории Западной России Т. I. СПб., 1846. С. 53-55.
16. История Казахстана в персидских источниках т. III (Му'изз ал-ансаб). Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.
17. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
18. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. 648 с.
19. Михалон Литвин О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994. 151 с.
20. Негри А. Извлечение из Турецкой рукописи Общества, содержащей историю Крымских ханов// ЗООИД, Т. I, 1844. С. 379-392.
21. ПСРЛ, т. XVII. Издание 1-е. Западнорусские летописи. СПб., 1907. 648 с.
22. ПСРЛ, том X. Издание 1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. 244 с.
23. ПСРЛ, том XI. Издание 1-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897. 262 с.
24. ПСРЛ, том XXIV. Издание 1-е. Пг., 1921. 272 с.
25. Саргсян Т.Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Отв. ред. В. Е. Григорьянц. Симферополь: СОНАТ. 2010. 312 с.

26. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / под ред. Ф.А. Грекул. М.: Наука, 1976. 151 с.
27. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб: Типография императорской академии наук, 1884. 563 с.
28. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 309 с.
29. Хаутала Р., Гулевич В. Письмо тосканского анонима о взятии Кафы в 1475 году из кодекса Q 116 sup Амброзианской библиотеки // Золотоордынское Обозрение. 2018, 6 (4). С. 844.
30. Хаутала Р. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии//Золотоордынское обозрение. № 3(5). 2014. С. 35-36.
31. Хроника Быховца. М.: Наука, 1966. 154 с.
32. Ярлык Крымского хана Менгли–Гирея Литовскому великому князю Сигизмунду//Акты, относящиеся к истории Западной России Т. II. СПб., 1848. С. 4-5.

На иностранных языках.

33. Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434//Atti della società ligure di storia patria. Genova, 1977. P. 507-517.
34. Balletto L. Liber Officii Provisionis Romaniae. Genova, 2000. 531 p.
35. Bănescu N. Archives d'État de Gênes. Officium Provisionis Romaniae // Revue des études sud-est européennes. №3-4. 1966. P. 575-593.
36. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376-1430. Cracoviae : Acad. Literarum, 1882. 1113 s.
37. Diario del Concilio di Basilea di Andrea Gatari//Concilium Basiliense. Studien und Quellen zur Geschichte des Concils von Basel. Basel, 1904. P. 377-422.

38. G. Balbi - S. Raiteri, Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV)// Collana storica di fonti e studi. Genova, 1973. 237 p.
39. Guillebert de Lannoy. Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399-1450. Mons: Hoyois, 1840. 140 p.
40. Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. V. Kraków, 1870. 662 s.
41. Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle//Revue De L'Orient Latin. t. IV. Paris, 1896. 660 p.
42. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Warszawa: Nakł. G. L. Glücksberga, 1846. 572 s.
43. Listy Genuencykow do Kazimierza Jag. z Kaffy 1462 r. // Pamiętniki historyczne. T. 1. Warszawa, 1861. S. 1-17.
44. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1, 8: Mai 1429–1435. Reval, 1884.
45. Schiltberger J. Reisen des Joh. Schiltberger aus Munchen in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427. Munchen, 1859. 166 p.
46. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio, tomo I (anni 1453-1459), vol. VI. Genova 1868. 979 p.;
47. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio, (anni 1460-1472), vol. VII. part. 1. Genova 1871. 1014 p.;
48. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di San Giorgio, (anni 1472-147), vol. VII. part. 2. Genova 1879. 1014 p.

Литература

На русском языке:

49. Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок)// Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 67-80.

50. Бадян В. В., Чиперис А. М. Торговля Кафы в XIII – XV вв. // «Феодальная Таврика». Киев: Наукова думка, 1974. С. 174-188.
51. Баранов И.А. Главные ворота средневековой Солдаи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев 52.в, 1988. С. 81-96.
53. Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону. 1989. С. 46-62.
54. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства// История в школе, № 3, 1936 г. С. 29-61.
55. Бережков М.Н. Древнейшая книга крымских посольских дел 1474—1505 гг. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1894. 38 с.
56. Богуш-Сестренцевич, С. История о Таврии Т. I.-II. СПб: Типография Шнора, 1806. 880 с.
57. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. Вып. 3. СПб. 1998. С. 82-117.
58. Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки//Черноморье ч. 1. Одесса, 1879. С. 189-241.
59. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — 2-е изд. — СПб.: В тип. Имп. Академии наук. Т. 1. 1863. XIII, 558 с.
60. Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского ханства. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864. XI, 941 с.
61. Волков М. О соперничестве Венеции с Генуею в XIV в.//ЗООИД Т. IV. Одесса, 1858. С. 151-182
62. Волков М. Четыре года города Кафы (1453, 1454, 1455 и 1456)//ЗООИД Т. VIII. Одесса, 1872. С. 109-144.
63. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды, Киев – Бахчисарай: Оранта, Мастерня книги, 2007. 367 с.

64. Греков Б.Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
65. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. 372 с.
66. Гулевич В.П. Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг. Крым и «Императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей//Золотоордынское обозрение №4 (6). 2014. С. 166-196.
67. Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань, 2018. 491 с.
68. Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства//Золотоордынское обозрение, 2013. №1. С. 110-146;
69. Данилова Э. В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам "Codice") // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 189-214.
70. Джанов О. Боротьба за владу в Кримському ханаті в 1466–1468 рр. за відомостями бухгалтерських книг казначейства генуезької Кафи. Нові інтерпретації // Сходознавство на межі світів та цивілізацій. Матеріали міжнародної наукової конференції присвяченої 150-річному ювілею з дня народження Агатангела Юхимовича Кримського/ Упорядник д. і. н. Я. В. Пилипчук. Київ: Національний педагогічний університе імені М. П. Драгоманова, 2021. 92 с.
71. Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства в 1456-1459. По данным книг массарии Каффы.// Сугдейський збірник вып. VIII. Київ 2021. С. 163-229.
72. Джанов А.В. Крым и Каффа во второй половине XIV в.// Сугдейський збірник вып. 1 (VII). Київ 2018. С. 44-303.
73. Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и османы в 1454–1456 гг. (по данным книг массарии Каффы)// Сугдейський збірник. Вип. 2 (VIII). Київ. 2019. С. 79-373.

74. Еманов А. Г. Восточное направление торговли Кафы в XIII – XV вв. // Вестник Ленинградского университета, сер. 2, № 3. 1986. С. 99-102.
75. Еманов А. Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма. // Византия и её провинции. Свердловск, 1982. С. 62-68.
76. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII – XV вв. Тюмень: Ми Рутра, 1995. 227 с.
77. Еманов А. Г. Небесный Иерусалим или Вавилон. Выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии. СПб.: Алетейя, 2022. 734 с.
78. Еманов А. Г., Попов А. И. Итальянская торговля на Чёрном море в XIII – XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1988. С. 76-87.
79. Жаворонков П. И. Никейская империя и Запад: Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством// Византийский временник. № 36. 1974. С. 119-120.
80. Зайончковский Ю. В. Джучид Бек-Булат по данным письменных и нумизматических источников//Золотоордынское обозрение №4 (3). 2016. С. 534–551.
81. Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.): очерки / Центр восточ. культур ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, Ин-т востоковедения РАН. М.: Рудомино, 2004. 216 с.
82. Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв. // Исторические записки. Т. 3. 1938. С. 72-129.
83. Зевакин Е. С. Пенчко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // Исторические записки. Т. 7. 1940. С. 3-33.
84. Зуев В. Ф. Выписки из путешественных записок В. Зуева, касающиеся полуострова Крыма 1782 г. // Месяцеслов исторический и географический на

- 1783 год. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. С. 266-303.
85. Калан Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово - экономические взаимоотношения во второй половине XIII – XIV вв. Казань, 2012. С. 52-54.
86. Карпов С.П. Генуэзские и венецианские фактории в Крыму // История Крыма. Т.1. М., 2017. С.314-362.
87. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв.: в 2 т. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.
88. Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2017. 744 с.
89. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг.// Причерноморье в Средние века. Вып. IX. СПб.: Алетейя, 2015. С. 8-44.
90. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
91. Карпов С.П. Как феникс из пепла: возрождение торговли в Танае после катастрофы 1395 г.//Золотоордынское обозрение №8 (3). 2020. С. 504-514.;
92. Карпов С.П. Тана — колыбель Кризиса середины XIV века// Stratum plus. №6. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2016. С. 203–213.
93. Карпов, С.П. Латинская Романия: научное издание. СПб.: Алетейя, 2000. 253 с.
94. Китай во второй половине XIV–XV в. // История Востока: В 6 т. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. Т. 2. С. 528-546.
95. Колли Л.П. Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. 1911. № 45. С. 1-18.;
96. Колли Л.П. Кафа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. 1912. №47. С.75-112.
97. Колли Л.П. Падение Каффы // ИТУАК. 1918. № 55. С. 145-174.;
98. Колли Л.П. Хаджи Герей хан и его политика // ИТУАК. 1913. №50. С. 99–140.

99. Колли Л.П. Христофоро ди Negro, последний консул Сольдаи//ИТУАК. 1905. № 38. С. 1-29.
100. Кравченко И.В. Политико-экономическое положение Каффы второй половины 40-х гг. XV в. в отражении неизданных документов Оффиции попечения Романии // Человеческий капитал. 2023. № 6 (174). С. 33-34.
101. Кравченко И.В. Крымское ханство в международной жизни восточной Европы в 1440-х - начале 1460-х гг. // Человеческий капитал. 2023. № 3 (171). С. 21-31.
102. Кравченко И.В. «Dominus Menglicarei imperator tartarorum»: крымский хан Менгли Гирей в генуэзских источниках // Клио. 2024. № 1 (205). С. 13-19.
103. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв.// Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 506-532.
104. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк Крымско–татарского землевладения // ИТУАК. 1895. №23. С. 71-117.
105. Лебедев В. П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 2002. Вып. 9. С. 139-149.
106. Муравьев-Апостол, И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. 337 с.
107. Мурзакевич Н.Н. Генуэзские консулы города Кафы // ЗООИД. Т. III. 1853. С. 552-555;
108. Мурзакевич Н.Н. Донесение об осмотре архива банка св. Георгия // ЗООИД. Т. V.1863. С. 982-985.
109. Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Гор. тип., 1837. IV, 92, VIII с.
110. Мурзакевич Н.Н. Медные монеты города Кафы // ЗООИД. Т. IV. 1860. С. 387-388;

111. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. – Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
112. Мыц В.Л. Крым В XIII–XV веках: историко-археологическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 5.6.3. Казань, 2023. 39 с.
113. Мыц В.Л. Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооружённый конфликт между Каффой и Феодоро в 1422-1423 гг.// Херсонесский сборник. Вып. 14, Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 257-268.
114. Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. № 2. 1999. С. 48–58.
115. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV - первая половина XVI в. М.: Наука, 1990. 124, [3] с.
116. Никольский П.А. От крымского ханства до наших дней / П.А. Никольский. Симферополь: Крымгосиздат, 1929. 40 с.
117. Пейссонель де Ш.-К. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В.Х. Лотошниковой. Вступ. ст. и ком. В.В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. Киев, 2013. — 110 с.
118. Пономарёв А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи (квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 216 с.
119. Пономарёв А. Л. Население и территория Каффы по данным массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381—1382 гг. // Причерноморье в Средние века. СПб., 2000. Вып. 4. С. 317-443.
120. Пономарёв А. Л. Первые ханы Крыма: Хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы//Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 158-190.
121. Пономарёв А. Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат//Золотоордынское наследие. Вып. 2. 2011. С. 18-21.

122. Пономарёв А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII—XV вв. (2-е изд.). — М.: Издательство Московского университета, 2012. 672 с.
123. Почекаев Р.Ю., Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
124. Прохоров Д.А. Некоторые проблемы изучения истории Крымского ханства в отечественной историографии (1920-1930-х гг.)// Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. VII. 2000. С. 371.
125. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. / Пер. с нем. М.С. [лавич]; Ред. Ф.К. Бруна и Г.Э. Караулова // ЗООИД Т.12. Одесса, 1881. С. 62-208;
126. Паллас П.С. Поездки во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / Пер. с нем. М.С. [лавич]. Прим. Г.Э. Караулова // ЗООИД Т.13. Одесса, 1883. С.35-107.
127. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. 245 с.
128. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы (I) // ИТУАК. № 27. Симферополь, 1897. С. 49-104.
129. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы (II) // ИТУАК. № 29. Симферополь, 1899. С. 1-52.
130. Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев//ИТУАК № 19 – Симферополь, 1893. С. 73-119.
131. Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.
132. Сагдеева Р. З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды // Каталогопределитель. М.: Горячая линия- Телеком, 2005. 78 с.
133. Самойлович А. Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия. Пг., 1918. С. 1109-1124.
134. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 279 с.

135. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. 95.
СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 10, XX, 766 с.
136. Скржинская Е.Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // Византийский временник. Т. I. 1947. С. 215-234.;
137. Скржинская Е.Ч. Новые эпитафические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 155-175.
138. Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. Т. II. 1949. С. 245-266.;
139. Смирнов В.Д. Крымское ханство XIII–XV вв./Василий Смирнов. М.: Вече, 2020. 336 с.
140. Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII—XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 162-173.
141. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей, Астана, 2006. 256 с.
142. Сумароков, П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. В 2 ч. Ч.1. СПб.: В Имп. тип., 1803. 226 с.
143. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане (XIV-XV вв.). М.–Л.: ОГИЗ, 1935. 123 с.
144. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 4-61.
145. Тунманн И. Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь: Государственное издание Крым. АССР, 1936. 107 с.
146. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832.
147. Хартахай Ф.А. Историческая судьба крымских татар (статья первая) // Вестник Европы т. II., 1866. С. 182-236
148. Хвальков Е.А. Генуэзская Каффа в XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2024. 654 с.

149. Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом//Источниковедение истории улуса Джучи. Казань, 2001. С. 118.
150. Чиперис А. М. Борьба народов юго-восточного Крыма против агрессии султанской Турции в 50-70-х гг. XV в. // УЗ Туркменского университета. Т. 17, 1960. С. 131-155.;
151. Чиперис А. М. Внутреннее положение и классовая борьба в Кафе в 50-70-х гг. XV в. // УЗ Туркменского университета. Т. 21, 1961. С. 245-266.
152. Чиперис А. М. К истории ранней генуэзской колонизации северного Причерноморья: вт. п. XIII в. // УЗ Туркменского университета. Т. 27, 1964. С. 30-48.
153. Чиперис А. М. К истории Чембальского восстания. // УЗ Туркменского университета. Т. 19, 1961. С. 291-307.
154. Чиперис А. М. О характере и роли генуэзской работорговли в северном Причерноморье в к. XII – 70-х гг. XV в. // УЗ Туркменского университета, Т. 53, 1969. С. 25-31.
155. Чиперис А. М. Социально-экономическое положение и движение моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV – XV вв. // УЗ Кабардинского ПДИ. Т. 9, 1956. С. 67-79.
156. Эрнст Н.Л. Конфликт Ивана III с генуэзской Кафой (К истории московской торговли и происхождении казачества) // ИТОИАЭ. Т. 1 (58-й). Симферополь, 1927. С. 167–180.
157. Юргевич В. Н. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД. Т. VIII. 1872. С. 147-160
158. Юргевич В. Н. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 г.//ЗООИД Т.V. Одесса, 1863. С. 629–836.
159. Юргевич В.Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Т. V. 1863. С. 175-177.
160. Юргевич В.Н. Новые надписи генуэзские // ЗООИД. Т. VII. 1868. С. 274-282.

161. Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.-Л.: Наука, 1964. 232 с.
162. Якобсон А. Л. Крым в средние века / А. Л. Якобсон; Академия наук СССР. М.: Наука, 1973. 174 с.

На иностранных языках:

163. Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi del Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434//Atti della società ligure di storia patria. Genova, 1977. P. 507-517.
164. Assini A. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero//Romania Orientale, 12, 1999. P. 13-36.
165. Astuti, G. Le colonie genovesi del Mar Nero e ordinamenti giuridici.// In Colloquio romenoitaliano: “I genovesi del Mar Nero durante i secoli XIII-XIV”. Bucharest, 1977. P. 87-130.
166. Balard M. La Roumanie génoise (XIIIe–début du XVe siècle). Rome-Genoa, 1978. 494 p.
167. Balard M. La Mer Noire et la Roumanie Génoise (XIIIe - XVe siècles). London, 1989. 342 p.
168. Balard M. Gênes et la mer. Genova e il mare. Genova, 2017. T. I-II. 480 p.
169. Balard M. Les controverses politico-religieuses à Caffa (1473-1475) // I. Augé – G. Dédeyan (éd.). L'Église arménienne entre Grecs et Latins fin XIe – milieu XVe siècle, Paris 2009. P. 183-192.
170. Balbi G. - Raiteri S., Notai Genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV) // Collana storica di fonti e studi. Genova, 1973. 237 p.
171. Bănescu N. Archives d'Etat de Gênes. Officium Provisionis Roumanie//Revue des études Sud-Est Europeennes. 1966. №3–4. P. 575-593;

172. Bănescu N. Archives d'Etat de Genes. Officium Provisionis
Romanie//Revue des études SudEst Europeennes. 1967. №1–2. P. 235-263.
173. Bănescu N. Le conflit entre Gênes et l'empire de Trébizonde à la veille de
la conquête turque (1418-1449) // Atti del V Congresso Internazionale di Studi
Bizantini. T.I. SB, 1939. T. 5. P. 4-10.
174. Bartoszewicz J., Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami, Warszawa,
1859. 225 s.
175. Basso E. Caffa 1453: Tensioni interne e difficoltà economiche alla vigilia
della caduta di Costantinopoli//Romania Orientale. Roma, 1999. P. 59-85.
176. Basso E. In extremo Europae: note sull'attività agraria nella Crimea
genovese// Agricoltura, lavoro, società. Studi sul medioevo per Alfio Cortonesi / a
cura di Ivana Ait e Anna Esposito. Bologna: Clueb, 2020. P. 53-66.
177. Brătianu G.I., Marea Neagră. De la originipână la cucerirea otomană.
Ediție îngrijită, studiu introductiv și indice de V. Spinei, Iași: Polirom, 1999. 504
p.
178. Brătianu G.I., Recherches sur le commerce Génoise dans la Mer Noire au
XIIIe siècle. Paris: Paul Geuthner, 1929. 356 p.
179. Buongiorno M., L'amministrazione genovese nella Romania :
legislazione, magistrature, fisco. Genova: Fratelli Bozzi, 1977. 347 p.
180. Canale M. G. Della Crimea del suo commercio e dei suoi dominatori dalle
origini fino ai di nostri, commentari storici. Roma: J. de Sordo-Muti, 1855. 386 p.
181. Depping G. B. Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe depuis les
Croisades jusqu'à la fondation des colonies d'Amerique. T.1. Paris: Impr. royale,
1830. 344 p.
182. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381
scritto in lingua volgare.// Archivio storico italiano. no. 20. Torino, 1887. P. 161–
165.
183. Fisher Alan W. The Crimean Tatars. Stanford, California: Hoover
Institution Press, 1978. 264 p.

184. Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3: Dzeje Polski za panowania Kazmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa: W Księg. I. Klukowskiego, 1848. 544 s.
185. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft. Wien: Aus der Hof- und Staatsdruckerei, 1856. 258 s.
186. Heyd W. Histoire du Commerce du Levant au moyen âge. Vol. 2. Leipzig, 1923. 799 p.
187. Howorth H.H. History of Mongols from the 9th – to the 19th century. Part II. London: Longmans, Greenand Co., 1880. 626 p.
188. İnalçık H. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea: The customs register of Caffa, 1487-1490, Harvard University Press, 1996. 201 p.
189. Kafalı M. Altın Orda anlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976. 169 s.
190. Köhler H. Mémoire sur les Iles et la Course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin, avec des éclaircissemens sur les antiquités du littoral de la sarmatie et des recherches sur les honneurs que les Grecs ont accordés à Achille et aux autres héros de la guerre de Troie// Mémoires de l'Academie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. – St.-Ptb., 1826. T. 10. S. 531-819.
191. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. 1: 1377—1499, Warszawa: Kasa im. Miañowskiego, 1930. 474 s.
192. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011. 1049 p.
193. Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem // AW. R. IV. Zesz. 12. Wilno, 1927. S. 140–189.
194. Kurat A. N. Topkapı Saray Müzesi Arşivindeki Altın ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler / A. N. Kurat. İstanbul, 1940. Dil ve tarih – coğrafiya fakültesi yayınlarından. Tarih serisi 1. 212 s.

195. Langlès L.M. Voyage du Bengale à Pétersbourg: A travers les Provinces Septentrionales de l'Inde, le Kachmyr, la Perse, sur la mer Caspienne, etc. T. III. Paris, 1802. 498 p.
196. Małowist, M. Kaffa — kolonia genuńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453-1475. Warszawa: Towarzystwo Miłośników Historii, 1947. 364 s.
197. Musso G.G. Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'archivio di stato di Genova (sec. XIV-XV). Roma, 1975. 289 p.
198. Musso G.G. Note d'archivio sulla "Massaria" di Caffa // Studi Genuensi, 1964-65. Genova, 1968, t.V. P. 62-98.
199. Musso G.G. Nuove ricerche d'Archivio su Genova e l'Europa Centro-Orientale nell'ultimo medio evo //Rivista storica italiana. 1971. T.83. N 1. P. 130-143.
200. Musso G.G. Nuovi documenti dell' Archivio di Stato di Genova sui Genovesi e il Levante nel secondo Quattrocento // Rassegna degli archivi di Stato. 1967. T. XXVII. N 2-3. P. 443-496.
201. Naldoni, N. Le colonie genovesi nei Mar Nero. //In Atti del II congresso di studi coloniali. Vol.2. Florence, 1936. P. 123-171.
202. Naruszewicz A. Taurika czyli Wiadomosci starozytne i poznieysze o stanie i mieszkancach Krymu do naszych czasow. Warszawa: Edycja T. Mostowskiego, 1805. S. 7–139.
203. Olgiati, G. The Genoese colonies in front of the Turkish advance (1453-1475)//Tarih arařtırmaları dergisi vol. 15, 1990. P. 381-386
204. Olgiati, G. Genova e l'Impero Ottomano tra XV e XVIII secolo: cronologia di un rapporto difficile// Turcherie. Suggestioni dell'arte ottomana a Genova. Genova, 2014. P. 54-55.
205. Papacostea Ş. La mer Noire: carrefour des grandes routes intercontinentales, 1204-1453. Bucuresti: Institutul Cultural Român, 2006. 379 p.
206. Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. 512 p.
207. Podhorodecki L. Chanat krymski i jego stosunki z Polską. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987. 317 s.

208. Primaudaie, de La E. *Études sur le commerce au moyen âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies génoises de la Krimée.* — Paris: Comon, 1848. 404 p.
209. Pułaski, K. *Stosunki z Mendli-Girejem - chanem Tatarów perekopskich (1469-1515) : akta i listy*, Warszawa: Gebethner i Wolff, 1881. 449 s.
210. Quirini-Poplawska D., *Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami i w późnym średniowieczu*, Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2002. 321 s.
211. Saraceno P. *L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453.* // *Rivista di storia del diritto italiano* 42/43. 1969/1970. pp. 198-204.
212. Sauli L. *Della Colonia dei Genovesi in Galataa Torino: spese di Giuseppe Bocca*, 1831. 273 p.
213. Serra G. *La storia della antica Liguria e di Genova. T. 4.* — Torino: G. Pomba, 1834. 530 p.
214. Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée*// *Atti della Società Ligure di Storia patria. T. 56.* Genova, 1928.
215. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223—1502.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz[de], 1965. XVIII, 638 s.
216. Ürekli M. *Kırım anlığının Kuruluşu ve Osmanlı imâyesinde Yükselişi, 1441–1569.* *Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları.* Ankara, 1989. 109 s.
217. Żdan M. *Stosunki litewsko-tatarskie za czasów Witolda* // *Ateneum Wileński*, r. 7, № 3-4, 1930. S. 529-601.

Приложение

1. Archivio di Stato di Genova. Affari Generali. Cancelleria dei Protettori. Primi concellieri. Unità 2913. 14.09.1457.

Публикация источника и альтернативный перевод: Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и соседние государства в 1456-1459. По данным книг массарии Каффы. // Сугдейський збірник вып. VIII. Київ 2021. С. 185-190.

Ярлык Хаджи Гирея генуэзцам 1457 г.

Иисус.

Во имя святой и божественной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, во славу святой непорочной Девы Марии небесной матери Иисуса царя славы, и во славу знаменосца Св. Георгия и во имя всего победоносного небесного воинства. Аминь.

Какие бы не припомнить государства от века ведущие войны среди смертных для завоевания и достижения господства, со многим, однако, ущербом, война оставляет данные государства разоренными и опустошенными, поскольку длительная война резнею губит людей и собственные их богатства поглащает, так, что мы часто вынуждаемся оставить наши дома и отправиться на чужбину. Славный господин Домиано де Леоне, достопочтенный консул Каффы и генуэзцев во всей империи Газарии, уважаемый господин Томазо де Домакульта и Антонио Леркари, проввевиторы и массарии, и досточтимая оффиция господ Кампани, имена которых таковы: Теодоро де Фиески, приор, Инноченцо де Фиески, Доминико Маруффо, Джулиано Скварчафико, Грегорио де Пину, Джованни Спинола сын покойного... [Габ]риэль де Пременторио и Мельхион Джудиче. Обратили внимание, что город наш Каффа в этих крайних пределах мира окруженный и осаждаемый отовсюду сарацинами три года ведет войну с Хаджи Гиреем императором зихов, хотя они его лишили и власти, и сил, и царства, однако же эти народы не могут вести постоянные войны; и потому, собрав благоразумный совет и имев совещание со здравомыслящими пятидесятью

мужами на каковом совете, лучше ли продолжать начатую войну с этим врагом христианской веры или согласно праву заключить мир; и по этому поводу победило общее мнение и почти единодушное всех суждение, что должен быть мир, как более подробно содержится в том же совете. И потому рассудили, порешили и постановили, как было установлено и на самом совете, требуется что бы к этому самому Хаджи Гирею для заключения мира были посланы сии добровольные и достойные доверия люди, что бы ими был заключен мир, имена же их таковы: Карло Чигала, Антонио де Пину и Баттиста де Алегро. Итак, они, посланные к Хаджи Гирею вместе со мной ниже названным писарем, по-просьбе самого Хаджи Гирея, поскольку они якобы не хотели никакого заключения мира, вернулись и случилось вышеназванному Антонио отправиться в Геную, в то время как этот Хаджи Гирей снова попросил послать себе этих послов, чтобы мир был заключен и были назначены вместо упомянутого выше Антонио, Томазо де Франки Сакко, а вместо Карло Чигала Инноченцо де Фиески, потому что тот из вышеупомянутых из-за старости и болезни оправдывался тем, что не может перенести тягот пути ... . И вот они прибыв к Хаджи Гирею согласно данным им поручениям договор заключили и спросили чтобы им он был дан и печатью его скрепили, при том, что переводчиком был Баттиста де [Алегро] публичный переводчик курии Каффы, который Хаджи Гирею ... во многом упомянутого господина ... упомянутый Баттиста де Алегро согласился с нашей волей.

И было нам дано это соглашение и договор, скрепленные его печатью, написанные на сарацинском [языке] и переведенные мною на латынь, вышеупомянутым писарем, при том, что переводил Николо Бирро, официальный переводчик и зачитывал Оливерิโอ де Одино сын покойного Христофора, писец сарацинского письма, содержание этого соглашения таково:

Мое Хаджи Гиреево слово во-первых консулу Каффы гостю то есть кунаку, господам Совета и ко всем благородным.

Таким образом присягу и договор мы заключили, как наши старшие братья императоры в древности делали; и если нами будут соблюдаться деяния этих древних императоров, то мы будем друзьями друзьям вашим, и врагами врагам

вашим, и если какой-нибудь род начнет против вас войну, то мы придем на помощь, испустим стрелы, побежим с мечом и будем сражаться против кого-угодно, христиан ли или сарацин, и окажем вам помощь без всякой гордости, не из любви к вам, меня будет удерживать благочестие моего сына.

Если же к вам прибудет кто-либо из императорской крови, лелея надежду на помощь, то никого из сыновей Сеид-Ахмеда, или сыновей Мехмеда, или кого-либо из них всех, вы в Каффе не примете. Если же какой-либо разбойник или вор убежит к нам, то мы воздадим ему должное наказание. Если какой-либо должник убежит к нам, то мы совершим правосудие и распорядимся вернуть долг или же передать должника кредитору. Если же какой-либо вор бежит в Солхат, Кырк-Ер или к народам, то мы воздадим злодею наказание. Если же убежит должник, кредитору будет отдан займ или его должник. Если раб или рабыня убежит из Каффы в Солхат или из Солхата в Каффу, то как издревле заведено, цена выкупа его 100 базантов. Если сбежав от народов, из Кырк-Ера, из Воспоро, из Комании в Каффу, он пойдет и захочет вернуться к своему господину, то будет господину возвращен. Если же от вас в Кырк-Ер, к народам убежит, то пусть будет как и выше.

Чтобы из Каффы, Солдаи и Чембало не были посланы казаки, ни находились там, и чтобы их глава не задерживался там, и чтобы они господину возвращали огланов; товары, и земледельцам моим и бедным никакой ущерб не наносился. Торговцы Каффы, находящиеся в наших владениях не будут задерживаться, а [будут] следовать своим прямым путем. Удержав положенный нам коммеркий, мы будем сохранять Кампанию свободной и безопасной. Убийц и разбойников мы справедливо, как они того заслуживают, накажем. Мы желаем, чтобы жители Каффы монету нашу, которую мы у себя чеканим, могли тратить на оплату коммеркия.

Никто из франков не должен смешиваться с канлюками, в права и законы канлюков вы [генуэзцы] не вмешиваетесь. Никакой порт кроме Каффы не будет устроен, а если откроется, что какой-либо корабль пристал в каком-либо другом месте, то будет он уничтожен и захвачен, и пускай это будет любого типа

корабль, мы не будем спрашивать почему так. Господин Солхата получает одну пасту, телегу с зерном, сеном и соломой, вне зависимости от того, издалека ли, или изблизи ли [прибыл корабль] и ничего кроме того, что издревле платили пусть не платят.

И еще, если случится так, что какой-нибудь генуэзский торговый корабль разобьется, то мы желаем, что бы от подданных наших этот корабль, люди, товары и все в нем находящееся, было в безопасности и никакого ущерба им не чинили.

Помимо всего этого ничего нового пусть не вводится и не будет нами установлено никакого нового побора, и также мы желаем что бы Солдайя, Чембало и Матрега были включены в этот договор.

Новены императорские ежегодные составят пятнадцать и не более, если нами не будет соблюдаться этот договор. Истинным Богом который сотворил всю землю, верой пророка Мухаммеда, ста двадцатью тысячами праведников больше их или меньше, семью мусхафами, головой моей, душой моей и головами моих сыновей [клянусь].

Если этот договор хоть однажды я нарушу, то тогда пусть эта клятва меня настигнет и голову мою, с этими словами нам была передана настоящая запись [которая] скреплена печатью. В благословенный год восемьсот шестдесят первый в благословенный месяц Шавваль, в день двадцать второй. Заключено в Орде около Индола, когда Орда там находилась и было записано до сего момента.

Беранса ибн Аджи Салам.

Заключено это соглашение под Солхатом, между руслом Индол (р. Сухой Индол) и рекой Индол (р. Мокрый Индол), записано вышеупомянутым Берансой сыном Аджи Салама, мевляной то есть епископом и писарем этого императора в Отао — доме сплетенном из ветвей в котором был и сам Хаджи Гирей. В ходе вышенаписанного по их обычаю года, от воплощения же Господа нашего Иисуса Христа тысяча четыреста пятьдесят седьмого, четвертого индикта по генуэзскому счету, в 14 день сентября в среду в третьем часу. В присутствии Томазо де

Франки Сакко, Баттисты де АLEGRO, Инноченцо де Фиески, Баттисты де Мартиро публичного переводчика. А я, вышеназванный писарь слушал это и понимал, при том, что в качестве свидетелей были призваны сарацины Асансит, Босак-бей и Черкес-Мехмед.